

millennium

**СТИГ
ЛАРССОН**

**ДЕВУШКА С ТАТУИРОВКОЙ
ДРАКОНА**

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сорок лет загадка исчезновения юной родственницы не дает покоя стареющему промышленному магнату, и вот он предпринимает последнюю в своей жизни попытку – поручает розыск журналисту Микаэлю Блумквисту. Тот берется за безнадежное дело больше для того, чтобы отвлечься от собственных неприятностей, но вскоре понимает: проблема даже сложнее, чем кажется на первый взгляд. Как связано давнее происшествие на острове с несколькими убийствами женщин, случившимися в разные годы в разных уголках Швеции? При чем здесь цитаты из Третьей Книги Моисея? И кто, в конце концов, покушался на жизнь самого Микаэля, когда он подошел к разгадке слишком близко? И уж тем более он не мог предположить, что расследование приведет его в сущий ад среди идиллически мирного городка.

- [Стиг Ларссон](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть 1](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
  - [Часть 2](#)
    - [Глава 8](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
-

Стиг Ларссон

Девушка с татуировкой дракона

***

Пролог

Пятница, 1 ноября

Из года в год повторяется одна и та же сцена. Сегодня ему стукнуло восемьдесят два, и сегодня ему так же, как и много лет подряд, доставили цветок. Он вскрыл пакет и отложил в сторону подарочную упаковку. Затем поднял телефонную трубку и набрал номер бывшего комиссара уголовной полиции, который, выйдя на пенсию, поселился возле озера Сильян^[1]. Они были не просто ровесники, но и родились в один день, и этот факт придавал ситуации несколько комический оттенок. Комиссар знал, что около одиннадцати утра, после того как доставят почту, ему обязательно позвонят. Он пил кофе. Но в этом году телефон зазвонил даже раньше – уже в половине одиннадцатого.

Комиссар сразу поднял трубку и поздоровался.

– Почту уже доставили, – услышал он знакомый голос.

– И какой же цветок в этом году?

– Пока не знаю, что это за сорт. Но надеюсь, что специалистам удастся определить. Он белого цвета.

– И опять никакого письма?

– Нет, письма нет. Только цветок. А рамка такая же, как и в прошлый раз. Самодельная.

– А штемпель?

– Стокгольмский.

– А почерк?

– Как всегда, крупные печатные буквы, прямые и аккуратные.

На этом беседа сама себя исчерпала, и они еще немного помолчали, каждый на своем конце телефонного провода. Экс-комиссар откинулся на спинку стула и раскопегарил трубку. Он понимал, что от него уже не ждут острых каверзных вопросов, ответы на которые способны прояснить ситуацию или пролить на дело новый свет. Что ж, эти времена давно миновали, и беседа двух мужчин весьма почтенного возраста напоминала скорее ритуал, связанный с загадкой, к разгадке которой, кроме них, больше никто на всем белом свете не проявлял никакого интереса.

В официальном каталоге растений на латыни цветок назывался *Leptospermum* (*Myrtaceae*) *rubinette*. Это была невзрачная веточка кустарника, напоминающего вереск, около двенадцати сантиметров в высоту, с мелкими листьями и белым цветком из пяти лепестков двухсантиметровой длины.

Этот представитель флоры был родом из австралийских бушей и горных районов, где образовывал плотные кустистые заросли. В Австралии его знали под названием *Desert Snow*^[2]. Позже эксперт из ботанического сада Уппсалы уточнит, что это растение редко выращивают в Швеции. В своей справке ботаник утверждала, что оно объединяется в одно семейство с *Rosenmyrten* и его часто путают с более широко распространенным родственным видом – *Leptospermum scoparium*, – который типичен для Новой Зеландии. Разница, по мнению эксперта, заключается в том, что у *rubinette* на кончиках лепестков имеется несколько микроскопических розовых точек, которые придают цветку нежный розоватый оттенок.

В целом *rubinette* был на редкость непритязательным цветком и не обладал никакой коммерческой ценностью. У него отсутствовали какие бы то ни было лечебные

или галлюциногенные свойства, он не годился в пищу, не мог использоваться в качестве специи или применяться при изготовлении растительных красок. Правда, аборигены – коренное население Австралии, считали его священным, но только вместе со всей территорией Айерс-Рок [3] и ее флорой. Таким образом, можно сказать, что единственный смысл существования этого произведения природы заключался в том, чтобы радовать окружающих своей неброской красотой.

А еще ботаник из Уппсалы отмечала, что если для Австралии *Desert Snow* является достаточно экзотическим растением, то для Скандинавии оно и вовсе в диковинку. Сама она ни одного экземпляра не видела, но из беседы с коллегами знала о попытках его разведения в одном из садов Гётеборга, и не исключено, что в разных местах для собственной прихоти его выращивают в оранжереях садоводы и ботаники-любители. Чтобы разводить его в Швеции, требуются немалые усилия, поскольку оно нуждается в мягком сухом климате и в зимнее полугодие должно находиться в помещении. Оно не приживается на известковой почве, и вода должна поступать к нему снизу, прямо к корню, – иными словами, оно требует суперделикатного обращения.

Тот факт, что цветок является в Швеции редкостью, теоретически мог бы облегчить выяснение происхождения данного экземпляра, но на практике эта задача оказывалась просто-напросто безнадежной. Никаких каталогов и никаких лицензий, которые можно просмотреть и изучить. Никто не знал, сколько всего цветоводов вообще пытались разводить это капризное растение. Число энтузиастов, имевших доступ к семенам или рассаде, могло варьироваться – от нескольких любителей до нескольких сотен. Семена они могли купить сами или получить по почте из любой точки Европы, от какого-нибудь другого садовода или из ботанического сада. Да и кто мог бы поклясться, что цветок не доставили прямо из Австралии? Иными словами, вряд ли кто-нибудь взялся бы вычислить одного или двух садоводов среди миллионов шведов, имеющих оранжерею в саду или цветочный горшок на окне гостиной.

Конечно, это – всего лишь один из многих загадочных цветков, которые неизменно прибывали к 1 ноября в плотном почтовом конверте. Цветы каждый раз менялись, но все они были красивые и обычно экзотичные. Как и всегда, цветок засушили, аккуратно прикрепили к бумаге для рисования и вставили в простую застекленную рамку форматом шестнадцать на двадцать девять сантиметров.

Эта таинственная история с цветами пока не просочилась в средства массовой информации и не стала достоянием общественности, о ней знал лишь ограниченный круг посвященных. Еще тридцать лет назад ежегодно прибывавшие цветки подвергались тщательному исследованию – их изучали в государственной лаборатории судебной экспертизы; посылкой занимались криминалисты и графологи, следователи уголовной полиции, а также родственники и друзья адресата. Теперь в этой драме участвовали только трое: состарившийся виновник торжества, полицейский, вышедший на пенсию, – и, разумеется, анонимный отправитель подарка. Поскольку по крайней мере первые двое действующих лиц находились уже в столь преклонном возрасте, что им пора было готовиться к неизбежному финалу, то круг заинтересованных лиц вскоре мог роковым образом сузиться.

Ветеран полиции немало повидал на своем веку. Он навсегда запомнил свое первое дело, когда от него потребовалось упрятать за решетку буйного и в стельку пьяного электрика, пока тот не причинил вреда себе или кому-нибудь другому. За всю жизнь ему доводилось арестовывать браконьеров, мужей, жестоко обращающихся с женами, мошенников, автоугонщиков и нетрезвых водителей. Ему встречались взломщики, грабители, наркодельцы, насильники и по крайней мере один более или менее безбашенный подрывник.

Он участвовал в расследовании девяти убийств. В пяти случаях убийца сам звонил в полицию и, преисполненный раскаяния, признавался, что лишил жизни жену, брата или кого-нибудь еще из своих близких. В трех случаях преступников пришлось разыскивать: два из этих злодеяний были раскрыты через несколько дней, а одно – через два года, благодаря участию государственной уголовной полиции.

При расследовании девятого убийства полицейским удалось вычислить преступника, но доказательства оказались столь неубедительными, что прокурору пришлось отвести свои обвинения. И через некоторое время дело, к неудовольствию комиссара, было закрыто – в связи с истечением срока давности. Однако в целом он мог с удовлетворением оглянуться на прожитые годы и на свою впечатляющую карьеру – и, казалось бы, чувствовать себя вполне комфортно.

Но в том-то и дело, что он не был доволен.

Комиссару не давала покоя история с засушенными цветами; она, как заноза, внедрилась в его сердце – эту криминальную загадку он так и не разгадал, хотя уделил ей немало времени. И эта неудача бесила его. И до выхода на пенсию, и после он размышлял над этим делом тысячи часов, без всякого преувеличения. Но даже не мог с уверенностью сказать, было ли в принципе преступление, и от этого ситуация казалась еще более безнадежной.

Оба собеседника знали, что тот, кто заключил цветок в рамку под стеклом, надевал перчатки и не оставлял отпечатков пальцев. Они знали, что выследить отправителя нереально: для расследования попросту не имелось никаких зацепок. Рамку могли купить в фотоателье или в канцелярском магазине в любой точке мира. Никаких улик. Почтовый штемпель менялся: чаще всего на нем значился Стокгольм, по три раза – Лондон, дважды Париж и Копенгаген, один раз Мадрид, один раз – Бонн, а однажды встретился совершенно загадочный вариант – Пенсакола^[4], США. Если упомянутые столицы были прекрасно известны, то название Пенсакола ничего не говорило комиссару, и ему пришлось искать этот город в атласе.

После того как они попрощались, восьмидесятидвухлетний виновник торжества еще немного посидел, разглядывая красивый, но бесполезный австралийский цветок, названия которого он пока не знал. Потом взглянул на стену над письменным столом. Там в застекленных рамках висели сорок три засушенных цветка – четыре ряда по десять штук в каждом и один незаконченный ряд с четырьмя растениями. В верхнем ряду не хватало одной рамки – место номер девять пустовало. *Desert Snow* обретет номер сорок четыре.

Однако сейчас произошло то, чего еще ни разу не случалось за предыдущие годы. Старый комиссар вдруг расплакался. Его самого удивил этот неожиданный взрыв эмоций, случившийся впервые за прошедшие почти сорок лет.

Часть 1

Стимул

20 декабря – 3 января

18 процентов женщин в Швеции хотя бы раз подвергались угрозам со стороны мужчин.

Глава 1

Пятница, 20 декабря

Судебный процесс неизбежно приблизился к концу, а вместе с ним и вся эта пафосная говорильня. Он ни секунды не сомневался в том, что его осудят. Приговор в письменном виде ему выдали в пятницу, в десять утра, и теперь ему предстояло только ответить на заключительные вопросы репортеров, ожидавших в коридоре, за дверьми окружного суда.

Увидев их в дверном проеме, Микаэль Блумквист на секунду слегка замедлил шаг. Он вовсе не жаждал вступать с ними в дискуссию относительно только что вынесенного ему приговора, но, похоже, от вопросов никуда не деться. И он, как никто другой, понимал, что их непременно зададут и что на них придется отвечать.

«Вот что значит быть преступником, – подумал он. – Вот каково это – находиться по другую сторону микрофона».

Микаэль напрягся, но потом выпрямился и заставил себя улыбнуться. Репортеры улыбнулись в ответ и закивали ему дружелюбно и даже с некоторым смущением.

– Откуда вы? А ну-ка, глянем... «Афтонбладет», «Экспрессен», Телеграфное агентство, телеканал ТВ-4... А ты откуда?.. А-а-а, «Дагенс индустри»^[5]. Должно быть, я уже стал знаменитостью, – констатировал он.

– Подкинь-ка нам какую-нибудь утку, Калле Блумквист, – обратился к нему репортер одной из вечерних газет.

Его полное имя было Карл Микаэль Блумквист, и, услышав детскую кличку, он, как всегда, еле сдержался, чтобы не сорваться. Двадцать лет назад, когда ему только исполнилось двадцать три года и он был начинающим журналистом, впервые получившим летнюю временную работу, Микаэль Блумквист неожиданно для самого себя разоблачил банду, которая за два года совершила пять налетов на банки. Судя по почерку этих дерзких преступлений, во всех случаях орудовали одни и те же грабители: они обычно заезжали в маленькие городки и прицельно грабили один или два банка подряд. Преступники использовали латексные маски из диснеевских фильмов, и полицейские, не слишком напрягая свою фантазию, окрестили их бандой Калле Анки^[6].

Однако в газетах их именовали Медвежьей бандой, поскольку грабители дважды действовали хладнокровно и жестоко, делали предупредительные выстрелы и угрожали прохожим или просто любопытным, ничуть не боясь причинить вред окружающим.

Шестое нападение они совершили на банк в провинции Эстерётланд в самый разгар лета. Репортер местного радио случайно оказался в банке во время ограбления и отреагировал в полном соответствии с профессиональным кодексом. Как только грабители покинули место преступления, он направился к телефону-автомату и сообщил обо всем в прямом эфире.

А Микаэль Блумквист как раз на несколько дней приехал со знакомой девушкой отдохнуть и поселился в летнем домике ее родителей в окрестностях Катринехольма. Почему именно в тот момент он включил радио, Микаэль не мог сказать, даже когда его потом допрашивали в полиции, но, услышав эту новость, он сразу вспомнил о компании из четырех парней, обитавших на даче в двух-трех сотнях метров от него. Он встретил их несколько дней назад, когда они с подружкой, решив купить мороженого, проходили мимо этого участка, а парни играли там в бадминтон.

Микаэль увидел четырех светловолосых, натренированных молодых мужчин, с накачанной

мускулатурой, одетых в шорты. Они играли под палящим солнцем с какой-то агрессивной энергией, – так, словно это было не просто времяпровождение, и, возможно, поэтому приковали к себе внимание Блумквиста.

Необъяснимо, но почему-то именно их он начал подозревать в ограблении банка. Микаэль прогулялся в ту сторону и уселся на пригорке. Отсюда ему хорошо был виден дом, по виду в данный момент пустой. Минут через сорок на участке припарковался автомобиль «Вольво» со всей компанией. Парни, похоже, очень спешили, и каждый из них тащил спортивную сумку. Теоретически это вполне могло означать, что они всего лишь ездили куда-нибудь купаться. Но один из них вернулся к машине и вытащил предмет, который тут же поспешно прикрыл курткой. Микаэль, даже с относительно отдаленного расстояния, сумел определить, что это старая добрая «АК-4»^[7], из тех, с какой он совсем недавно, проходя военную службу, не расставался целый год. Поэтому он позвонил в полицию и поделился своими соображениями. После этого в течение трех суток домик был плотно оцеплен полицией; разумеется, сюда же понаехали и представители прессы, которые неотрывно следили за происходящим. Поскольку Микаэль находился в самой гуще событий, то одна из вечерних газет заплатила ему вполне приличный куш за репортаж с места событий. Даже свой штаб, устроенный в передвижном домике на колесах, полиция разместила во дворе того домика, где жил Микаэль.

После того как «медведей» поймали, Микаэль стал настоящей звездой. Так что для карьеры молодого журналиста эта криминальная драма пришлась как нельзя кстати. Конечно, к бочке меда примешалась и ложка дегтя – одна из двух вечерних газет не удержалась от соблазна и озаглавила репортаж не иначе как «Калле Блумквист разоблачает преступников»^[8]. Автор ернической статьи, авторитетная колумнистка, как минимум дюжину раз сравнивала Микаэля с юным детективом – героем, придуманным Астрид Линдгрэн.

В довершение ко всему газета поместила не слишком удачный размытый снимок, на котором Микаэль стоял с полуоткрытым ртом и поднятым указующим перстом и, похоже, давал полицейскому в униформе какие-то инструкции. На самом деле он просто показывал дорогу к дачному туалету.

За всю свою жизнь Микаэль Блумквист ни разу не называл себя Карлом и не подписывал статьи именем Карл Блумквист. Но какое это теперь имело значение? Ведь с тех самых пор коллеги журналисты прозвали его Калле Блумквистом, что его совсем не радовало, и произносили это имя хоть и дружелюбно, но с некоторой насмешкой. При всем уважении к Астрид Линдгрэн – а ее книги Микаэль очень любил, – он ненавидел свою кличку. Прошло несколько лет, он стал известным и признанным журналистом, и это имя стало забываться. Но по-прежнему, когда кто-нибудь поблизости называл имя Калле Блумквиста, он еле сдерживался.

Микаэль дружелюбно улыбнулся репортеру из вечерней газеты.

– Сам придумай что-нибудь. Ты ведь горазд сочинять всякую всячину.

Он говорил без неприязни. Микаэль был более или менее знаком со всеми здесь присутствующими, а самые злейшие его недоброжелатели предпочли вообще сюда не приходить. С одним из репортеров он раньше вместе работал, а «Ту, с канала ТВ-4» несколько лет назад чуть не подцепил на вечеринке.

– Что ж, тебе задали порядочного шороху, – сказал тип из газеты «Дагенс индустри», молодой, явно из корпуса внештатных корреспондентов.

– На самом деле, да, – признал Микаэль.

Что поделать, иногда врать и притворяться не получается.

– Ну и что, как ты себя чувствуешь?

Ни Микаэль, ни журналисты постарше не могли сдержать улыбки, несмотря на то, что ситуация явно не располагала к юмору. Микаэль бросил взгляд на журналистку с канала ТВ-4.

«Как ты себя чувствуешь?»

«Серьезные журналисты» всегда утверждали, что это единственный вопрос, который способны задать бездарные спортивные репортеры после финиша запыхавшемуся спортсмену.

Но Микаэль взял себя в руки.

– Мне, конечно, остается лишь сожалеть о том, что суд не пришел к другим выводам, – ответил он, прячась под маской официоза.

– Три месяца тюрьмы и компенсация в сто пятьдесят тысяч крон – это ощутимый удар, – сказала «Та, с канала ТВ-4».

– Что ж поделаешь, мне придется это пережить.

– Ты попросишь прощения у Веннерстрёма? Пожмешь ему руку?

– Вряд ли. Я не изменил свое мнение о моральной стороне бизнеса, которым занимается господин Веннерстрём.

– Значит, ты по-прежнему утверждаешь, что он – негодяй? – сразу встрепенулся представитель «Дагенс индустри».

После такого вопроса в газете могла бы появиться скандальная статейка с броским заголовком. Микаэль вполне мог бы угодить в ловушку, но репортер слишком услужливо поднес к нему микрофон, и он уловил сигнал опасности.

Несколько минут назад суд постановил, что Микаэль Блумквист нанес оскорбление чести и достоинству финансиста Ханса Эрика Веннерстрёма. Обвинение было вынесено за клевету. Процесс завершился, и Микаэль не собирался обжаловать приговор. Но что, если он неосмотрительно повторит свои обвинения прямо тут, на ступенях ратуши?

Микаэль решил, что не стоит искушать судьбу, поэтому ответил не сразу.

– Я полагал, что имею веские основания опубликовать добытые мною сведения. Но суд отверг мои доводы, и я, разумеется, должен смириться с результатами судебного процесса. Теперь мы в редакции анализируем приговор, а потом решим, что нам делать дальше. Вот и все, что я могу сказать.

– А ты, случайно, не забыл о том, что журналист обязан опираться на факты? – довольно резко спросила «Та, с канала ТВ-4».

Отпираться было бессмысленно. Раньше они с нею считались добрыми друзьями. Сейчас лицо ее оставалось невозмутимым, но Микаэлю показалось, что в ее взгляде сквозит разочарование и отстраненность.

Блумквист продолжал отвечать на вопросы еще несколько тягостных минут. В воздухе буквально повис вопрос: как он мог написать статью, не подкрепленную доказательствами и не имея на руках фактов? Но никто из репортеров так и не рискнул задать этот вопрос. Возможно, им просто не хотелось загонять его в угол. Все присутствующие журналисты, за исключением практиканта из «Дагенс индустри», были матерыми газетными волками. И все, что сейчас произошло на их глазах, казалось мистикой.

Представительница канала ТВ-4 задержала Микаэля перед входом в ратушу, где задавала свои вопросы отдельно от всех остальных, стоя перед камерой. Она держалась вполне корректно, вопреки его ожиданиям. В конце концов ей удалось его разговорить, к радости всех собравшихся здесь репортеров. Эта история, конечно же, займет целые полосы, никуда не денешься. И все же Блумквист понимал: для СМИ все, что с ним случилось, не самое главное событие года.

Сцапав желанную добычу, репортеры отправились по своим редакциям.

Микаэлю хотелось немного прогуляться, но декабрьский денек выдался ветреным, а он уже и так основательно замерз, общаясь с коллегами. Он уже остался один на ступенях ратуши, как случайно выхватил взглядом Уильяма Борга. Тот выходил из машины, в которой находился, пока Микаэль общался с репортерами. Их взгляды встретились, и Уильям улыбнулся:

– Надо же, как мне повезло! Я приехал сюда ради того, чтобы увидеть тебя с этой бумагой в руках.

Микаэль не ответил. Они с Уильямом Боргом знали друг друга пятнадцать лет – работали когда-то вместе внештатными сотрудниками отдела экономики одной из утренних газет. Именно тогда они и невзлюбили друг друга.

Микаэль считал Борга бездарным репортером и отталкивающим, мелочным и мстительным типом, который донимал окружающих плоскими шутками и не слишком уважительно высказывался о более удачливых и опытных журналистах. Впрочем, казалось, что особенно он недолюбливал опытных журналисток. Они так и не нашли общего языка, после первой ссоры последовали дальнейшие стычки, и со временем их взаимная неприязнь стала непреодолимой.

Время от времени Микаэль все же сталкивался с Уильямом Боргом, но в конце 1990-х годов они стали настоящими врагами. Блумквист написал книгу об экономической журналистике, где сплошь и рядом цитировал своих коллег. Чаще всего он приводил фрагменты из массы бездарных статей, подписанных Боргом. По версии Микаэля, тот слишком задирает нос, перевирал подавляющее большинство фактов и безмерно восхвалял дот-комы^[9], вскоре ставшие на путь банкротства. А Борг, похоже, остался недоволен произведением Микаэля, и на одной из случайных встреч в одном из ресторанчиков в районе Сёдер они чуть было не подрались. Примерно тогда же Уильям оставил журналистику и теперь работал в пиар-агентстве одной из фирм. Там он получал гораздо более высокую зарплату, чем раньше, а фирма входила в сферу интересов магната Ханса Эрика Веннерстрёма.

Они устали друг на друга, а потом Микаэль развернулся и пошел прочь. На такое способен только Борг – приехать к ратуше лишь ради того, чтобы злорадно посмеяться над ним.

Микаэль даже не успел пройти несколько шагов, как перед ним остановился автобус № 40. И он поспешно забрался в него, чтобы поскорее покинуть это место.

Блумквист вышел на площади Фридхемсплан и задумчиво постоял на остановке, по-прежнему держа в руке приговор. Наконец он решил зайти в кафе «Анна», которое располагалось у въезда в гараж полицейского участка.

Микаэль заказал кофе латте и бутерброд, а через полминуты по радио начали передавать дневной выпуск новостей. Сюжет о нем и его приговоре поставили на третье место, после новости о террористе-смертнике в Иерусалиме и сообщения о том, что правительство учредило комиссию для проверки сведений о новом картеле в строительной отрасли.

Журналиста Микаэля Блумквиста из «Миллениума» в пятницу утром приговорили к трем месяцам тюрьмы за злостную клевету в адрес предпринимателя Ханса Эрика Веннерстрёма. В опубликованной в этом году и получившей громкий резонанс статье о так называемой «афере «Миноса» Блумквист голословно утверждал, что Веннерстрём вложил государственные средства, предназначенные для инвестиций в промышленность Польши, в торговлю оружием. Микаэля Блумквиста обязали также выплатить сто пятьдесят тысяч крон в качестве компенсации. Адвокат Веннерстрёма Бертиль Камнермаркер сообщил, что его клиент удовлетворен исходом судебного

процесса.

«Вне всякого сомнения, статья содержит грубую клевету», – заявил адвокат.

Приговор занимал ни много ни мало целых двадцать шесть страниц. В нем излагались объективные причины, почему Микаэля признали виновным в пятнадцати случаях клеветнических измышлений в адрес бизнесмена Ханса Эрика Веннерстрёма. Блумквист прикинул, что каждый из пунктов приговора обошелся ему в десять тысяч крон и в шесть дней тюрьмы, не считая судебных издержек и гонорара адвокату. Он был не в силах даже подумать о том, во что выльется окончательный итог, но отметил также, что могло быть еще хуже: по семи пунктам суд все-таки его оправдал.

Пока он читал формулировки, у него появлялись все более тяжелые и неприятные ощущения в желудке.

Это его удивило. Микаэль ведь уже с самого начала процесса знал, что его осудят, если, конечно, не случится какого-нибудь чуда. К тому моменту никаких сомнений уже не осталось, и оставалось лишь смириться с этой мыслью. Почти безучастно Блумквист отсидел два дня на судебных слушаниях, и потом, тоже без особых эмоций, ждал одиннадцать дней, пока суд формулировал текст, который он сейчас держал в руках. Только теперь, когда все это закончилось, он почувствовал адский дискомфорт.

Микаэль откусил бутерброд, но кусок просто не лез в горло. Ему стало трудно жевать и глотать, и он отодвинул еду в сторону.

Впервые его, Микаэля Блумквиста, признали преступником; до этого же он никогда не был подозреваемым и не привлекался к судебной ответственности. Правда, приговор можно было назвать относительно мягким. Не такое уж тяжкое преступление он совершил – все-таки его обвинили не в вооруженном ограблении, не в убийстве или изнасиловании. Однако финансовый удар по его личному бюджету предстоял весьма ощутимый. «Миллениум» не принадлежал к числу преуспевающих изданий с неограниченными доходами – журнал балансировал на грани краха. Правда, справедливости ради следует признать: приговор не стал для него совсем полной и окончательной катастрофой. Проблема заключалась в том, что Микаэль был совладельцем «Миллениума», являясь одновременно и автором статей, и ответственным редактором. Не слишком предусмотрительно, конечно. А выплатить сумму морального ущерба в сто пятьдесят тысяч крон Блумквист собирался из собственного кармана. Это практически все, что ему удалось накопить. Журнал же намеревался погасить судебные издержки. Так что все еще не так уж и безнадежно.

Микаэль даже раздумывал, не продать ли ему квартиру, но такое решение привело бы к катастрофе. В конце удачливых восьмидесятых, когда у него была постоянная работа и относительно стабильный доход, он стал присматривать себе жилище. Перебрал массу квартир на продажу, но ему ни одна не нравилась, пока наконец ему не предложили мансарду в шестьдесят пять квадратных метров в самом начале Бельмансгатан^[10]. Прежний владелец начал обустраивать ее под двушку, но потом получил работу в какой-то интернет-компании за рубежом. Так что жилье с незавершенным ремонтом и начатой перепланировкой Микаэль смог купить недорого.

Он отверг работу дизайнера по интерьеру и закончил все сам. Вложил деньги в отделку ванной и кухни, а все остальное не стал менять. Он не перекладывал паркет и не возводил перегородки, как планировалось изначально, а просто отциклевал доски на чердачном полу, выкрасил белилами необработанные стены, а самые неприглядные места замаскировал акварелями Эммануэля Бернстоуна^[11].

В итоге получилась не квартира из нескольких комнат, а одна большая студия: спальная зона расположилась за книжными стеллажами, а столовая, совмещенная с гостиной, разместилась возле маленькой кухоньки и барной стойки. В помещении было два мансардных окна и одно торцевое, выходящее в сторону залива Риддарфьерден, с видом на крыши Гамла Стан^[12]. Отсюда были видны водная гладь возле Шлюза и ратуша. По сегодняшним меркам ему даже не приходилось мечтать купить такую квартиру, и он очень хотел сохранить ее.

Однако риск потерять собственное жилье – это одно дело. Жилье так или иначе со временем можно восстановить. И совсем другое дело – подмоченная профессиональная репутация. одному богу известно, сколько времени понадобится, чтобы ее восстановить.

В профессии журналиста главное – доверие. Теперь многие редакторы сто раз подумают, прежде чем опубликовать материал за его подписью. Безусловно, в журналистском цехе у него по-прежнему оставались друзья, способные понять, что он попросту стал жертвой рокового стечения обстоятельств. Но отныне у него больше нет права на ошибку.

Он мог бы смириться со многим, но унижение не давало ему покоя.

Ведь у него на руках были все козыри, и он все-таки проиграл какому-то криминальному авторитету в костюме от Армани, биржевому аферисту, яппи, махинации которого прикрывал модный адвокат, защищавший знаменитостей. Ухмылка на протяжении всего процесса не сходила с его уст.

Ну почему, черт побери, ему так не повезло?

А ведь поначалу дело Веннерстрёма сулило успех. Все началось полтора года назад, июньским вечером, на борту желтой яхты «Мэлэр-30». Как всегда, все произошло случайно. Бывший коллега, журналист, работавший тогда на ландстинг^[13] в области связей с общественностью, решил произвести впечатление на свою новую подружку и на несколько дней арендовал яхту «Скампи», чтобы совершить романтическое путешествие по шхерам. Девушка, только что приехавшая учиться в Стокгольм из Халльстахаммара^[14], сначала сопротивлялась, но потом позволила себя уговорить, с условием, что с ними отправятся и ее сестра с приятелем. Никто из халльстахаммарского трио на яхте раньше не плавал, да и сам пиарщик, кроме энтузиазма, никакими качествами яхтсмена не обладал. За три дня до отъезда он позвонил Микаэлю и отчаянно уговаривал его присоединиться к экспедиции, чтобы хотя бы один из пяти пассажиров яхты умел ею управлять.

Поначалу Микаэль воспринял приглашение довольно спокойно, но потом все же уступил – его привлекла перспектива краткого отдыха в шхерах, вкусная еда и приятная компания в придачу. Но все эти обещания оказались пустым звуком, а морская прогулка обернулась просто невообразимым кошмаром. Они выбрали живописный и несложный маршрут – от острова Булландё мимо Фурусунда^[15], и плыли на скорости меньше пяти метров в секунду. Но тем не менее новую подружку пиарщика сразил приступ морской болезни, а ее сестра устроила перебранку со своим приятелем. Кстати, никто из них не проявлял ни малейшего интереса к управлению яхтой. Скоро выяснилось, что они намерены уступить штурвал Микаэлю, а сами готовы ограничиться доброжелательными, но бессмысленными советами.

Блумквист после первой же ночевки в заливе у острова Энгсё твердо решил причалить к берегу в Фурусунде и вернуться домой на автобусе. Но приятель так жалобно умолял его остаться, что он передумал и остался на яхте.

На следующий день, около полудня – достаточно рано, чтобы можно было надеяться найти несколько свободных мест, они пришвартовались к гостевой пристани острова Архольм. Они разогрели еду и уже успели поесть, когда Микаэль заметил желтую яхту М-30

с пластиковым корпусом, которая скользила по волнам залива, выставив только один грот. Судно не спеша лавировало, пока капитан искал место у пристани. Блумквист бросил взгляд на берег и увидел, что между их «Скампи» и бортом яхты класса «H-boat» остается небольшой проем, и это единственное пространство, куда может втиснуться узкая М-30. Он поднялся на корму и показал на это место; капитан М-30 поднял руку в знак благодарности и приблизился к пристани.

«Тоже мне морской волк, хотя бы научился запускать мотор», – отметил про себя Микаэль.

Он услышал скрип якорной цепи, и через несколько секунд грот-парус опустился, а капитан забегал как угорелый, чтобы направить яхту прямо в люфт и одновременно выбросить швартовный трос.

Микаэль поднялся на планширь и протянул руку, показывая, что готов помочь со швартовкой. Капитан М-30 почти полностью сбросил скорость и протиснулся между двумя судами к корме «Скампи». Он бросил Микаэлю трос. Теперь они узнали друг друга и расплылись в улыбках.

– Привет, Роббан, – сказал Микаэль. – Если бы ты догадался включить мотор, то не поцарапал бы все лодки в гавани.

– Привет, Микке. А я смотрю, вроде бы знакомый силуэт... Я бы с удовольствием завел мотор, если бы он вообще заводился. Отказал пару дней назад, когда я уже отплыл.

Через рейлинг они горячо пожали друг другу руки.

Давным-давно, в семидесятые годы, в гимназии Кунгсхольмена, Микаэль Блумквист и Роберт Линдберг очень дружили. Но, как это часто происходит с близкими школьными приятелями, после выпускных экзаменов пути их разошлись. И за последние двадцать лет они встречались от силы пять-шесть раз. К тому времени, когда старые друзья нечаянно-негаданно встретились на пристани Архольма, они не виделись по меньшей мере лет семь или восемь. Мужчины с любопытством уставились друг на друга. Роберт здорово загорел, волосы торчали в разные стороны, и он отрастил бороду двухнедельной давности.

Микаэль неожиданно повеселел. Когда пиарщик и его гоп-компания отправились к торговому центру на другой стороне острова, чтобы повеселиться и потанцевать на празднике летнего солнцестояния, он остался на яхте М-30 поболтать за стопочкой со школьным приятелем.

Через некоторое время они, утомленные схваткой со знаменитыми островными местными комарами, перешли в каюту. После изрядного количества опрокинутых стопок друзья плавно перешли к обсуждению неисчерпаемой темы морали и этики в мире бизнеса. Они оба выбрали стезю, в той или иной степени связанную с государственными финансами. Роберт Линдберг после гимназии окончил Стокгольмский институт торговли, а затем выбрал карьеру банковского служащего.

Микаэль Блумквист попал в Высшую школу журналистики и значительную часть времени и профессиональных усилий посвятил разоблачению сомнительных сделок в сфере бизнеса и банков. Речь зашла о моральной стороне некоторых «золотых парашютов»^[16] – контрактов, заключенных в 1990-х годах.

Линдберг вначале горячо защищал некоторых самых знаменитых «парашютистов», а потом отодвинул бокал и вынужден был признать, что в мире бизнеса все же встречаются отдельные типы и ублюдки, замешанные в коррупции и прочих неблагоприятных деяниях. Теперь его взгляд стал вполне серьезным.

– Ты ведь занимаешься журналистскими расследованиями и пишешь об экономических преступлениях! Так почему же ничего не напишешь о Хансе Эрике Веннерстрёме?

– А я и не знал, что о нем есть что писать.

– А ты покопайся, черт возьми... Что тебе известно о программе ППП?

– Ну, в девяностые годы вроде бы запустили программу поддержки промышленности стран бывшего Восточного блока. Пару лет назад ее упразднили. Но я о ней, кажется, ничего не писал.

– «Программа поддержки промышленности» – проект, который финансировало правительство, а возглавляли его представители самых крупных шведских предприятий. ППП получила государственные гарантии на ряд проектов, согласованных с правительствами Польши и стран Балтии. Центральное объединение профсоюзов тоже частично принимало в нем участие. Оно выступало в качестве гаранта того, что шведская модель станет способствовать развитию рабочих движений этих стран. С формальной точки зрения проект поддержки был основан на принципе «научись помогать себе сам» и был призван предоставить возможность странам бывшего социалистического лагеря реформировать свою экономику. Но на практике получилось так, что шведские предприятия, получив государственные субсидии, использовали их для того, чтобы стать совладельцами предприятий. К тому же ППП горячо поддерживал наш хренов министр от христианских демократов. Например, было запланировано построить целлюлозно-бумажный комбинат в Кракове, переоборудовать отрасль металлургии в Риге, цементные предприятия в Таллинне и так далее. Средства выделяли в правлении ППП, которое состояло из магнатов – промышленников и банкиров.

– То есть это были деньги налогоплательщиков?

– Приблизительно половину брали из казны, а остальное вложили банкиры и промышленники. Но поверь мне, они отнюдь не альтруисты. Банкиры и промышленники намеревались прилично нажиться. Иначе они бы даже не связывались.

– Но какие суммы там фигурировали?

– Ты погоди, сначала послушай. В основном ППП заинтересовались солидные шведские компании, которые стремились попасть на восточный рынок. Мощные корпорации, такие как АВВ^[17], «Сканска»^[18] и тому подобные. То есть флагманы промышленности, а не какие-нибудь авантюристы.

– Ты утверждаешь, что «Сканска» не занимается авантюрами? А не у них ли вышвырнули исполнительного директора – за то, что позволил кому-то из своих ребят пустить полмиллиарда на сомнительные сделки? А как насчет их истеричных инвестиций огромных сумм в недвижимость в Лондоне и Осло?

– Согласен, придурков хватает везде, по всему миру, но ведь ты понимаешь, что я имею в виду. В любом случае эти компании хоть что-то производят. Они – стеновой хребет шведской индустрии и все такое прочее.

– А Веннерстрём тут при чем?

– А Веннерстрём при том, что он как джокер. Он вроде бы и взялся из ниоткуда, у него не было никаких связей в индустрии, и, казалось бы, что ему тут делать? И все-таки он сколотил колоссальное состояние на бирже и вложил деньги в стабильные предприятия. Так что он занял свое место в бизнес-элите с черного хода.

Микаэль налил себе еще водки, откинулся назад и стал вспоминать, что ему известно о Веннерстрёме. Оказалось, что знал он не так уж и много.

Веннерстрём родился и вырос в Норрланде^[19] и в 1970-е годы учредил там инвестиционную компанию. Заработал капитал и перебрался в Стокгольм, где в благословенные 1980-е годы сделал головокружительную карьеру. Он создал компанию «Веннерстрёмгруппен», открыл филиалы в Лондоне и Нью-Йорке. Затем предприятие сменило название на английское «Веннерстрём груп» и начало упоминаться рядом с компанией «Бейер»^[20]. Он прокручивал головокружительные спекуляции с акциями и опционами – и стал героем гламурных журналов

в качестве одного из многочисленных новых миллиардеров. Прикупил себе пентхаус на Страндвэген, фешенебельную летнюю виллу на острове Вермдё и двадцатитрёхметровую крейсерскую яхту, которая раньше принадлежала разорившейся звезде тенниса.

Словом, у него был нюх на деньги, и те так и липли к нему. Но 1980-е годы стали десятилетием денежных мешков и спекулянтов недвижимостью, а Веннерстрём ничем не выделялся среди остальных. Скорее напротив, он оставался в тени солидных воротил. Ему не хватало шарма Стенбека^[21], и он не кокетничал с журналистами, как Барневик^[22]. Он отверг сделки с недвижимостью и сосредоточился на солидных инвестициях в странах бывшего Восточного блока. Когда в 1990-е годы эпоха беспечности закончилась и директора один за другим были вынуждены раскрывать свои «золотые парашюты», предприятия Веннерстрёма справились с ситуацией – как ни странно – очень легко и артистично. Все обошлось без скандалов. «История успеха по-шведски» – писала «Файнэншл таймс».

– Шел девяносто второй год, – рассказывал Роберт. – Вдруг ни с того ни с сего Веннерстрём обратился в ППП и попросил выделить ему деньги. Он представил план, наверняка заручившись поддержкой местных бизнесменов в Польше. Вроде бы он намеревался учредить предприятия по производству тары для пищевой промышленности.

– То есть консервных банок.

– Что-то в этом духе. Понятия не имею, кто ему покровительствовал в ППП, но Веннерстрёму за просто выделили шестьдесят миллионов крон.

– Что ж, это уже сюжет. Что-то мне подсказывает, что больше этих денег никто не видел.

– А вот и ошибаешься, – сказал Роберт Линдберг.

Загадочно улыбнувшись, он хватанул несколько глотков водки.

– После этой классической финансовой схемы Веннерстрём действительно основал в Польше, в Лодзи, фабрику по производству тары и назвал ее «Минос». На протяжении девяносто третьего года ППП получала оптимистические отчеты, потом наступила тишина. А в девяносто четвертом «Минос» вдруг взял да и лопнул.

Роберт Линдберг громко долбанул по столу пустой стопкой, словно желая продемонстрировать, как именно лопнуло предприятие.

– Проблема ППП заключалась в том, что какая-либо система отчетности по проектам не была налажена. Ты помнишь те времена... Падение Берлинской стены вызвало прилив неслыханного оптимизма. Все надеялись на повсеместную и окончательную победу демократии, угроза ядерной войны осталась в прошлом, а большевикам предстояло за одну ночь превратиться в матерых капиталистов. Правительство хотело внедрить демократию на востоке. Все капиталисты кинулись строить новую Европу.

– А я и не подозревал, что капиталисты так склонны к филантропии.

– Уж поверь мне, любой из них грезил благотворительностью. Россия и страны Восточного блока являются, пожалуй, крупнейшим в мире развивающимся рынком после Китая. Бизнес помогал власти и делал это очень охотно, тем более что компании отвечали лишь за малый процент расходов. ППП растратил в общей сложности порядка тридцати миллиардов казенных крон. Деньги должны были вернуться в качестве будущих прибылей. Формально создание ППП инициировало правительство, но, конечно, влияние промышленников было очень велико, и на практике руководство программы было наделено неограниченными полномочиями.

– Понимаю. Но в чем, собственно, фишка?

– Не торопись. В самом начале никаких проблем с финансированием проектов не возникало. На финансовом рынке Швеции царила стабильность. Правительству нравилось то, что благодаря ППП можно было говорить о весомом вкладе Швеции в демократические процессы в странах Восточного блока.

– Значит, все это происходило тогда, когда у власти находилось правительство консерваторов?

– Политика тут ни при чем. Когда на кону большие деньги, то какое имеет значение, кто назначает министров – социал-демократы или модераты^[23]. Так что дали команду «полный вперед!». А потом возникли валютные проблемы... К тому же некоторые придурки из стана новых демократов – помнишь «Новую демократию»? – начали ворчать, мол, почему это нет никакой публичной информации о деятельности ППП. А один из их бонз перепутал ППП с Управлением в области международного сотрудничества и решил, что речь идет о каком-то проекте поддержки реформ, вроде танзанийского. Для проверки деятельности ППП весной девяносто четвертого года назначили комиссию. К тому времени набралось уже немало претензий к разным проектам, но первым проверили «Минос».

– И Веннерстрём, конечно, не смог отчитаться, на что потратил деньги...

– Как раз наоборот. Веннерстрём представил безупречный отчет, согласно которому в «Минос» инвестировали около пятидесяти четырех миллионов крон. Но по всему выходило, что Польша оказалась чересчур отсталой страной, для того чтобы развернуть работу современного предприятия по производству упаковок, – делу препятствовали серьезные проблемы структурного характера. И его предприятие не выдержало конкуренции с аналогичным немецким проектом. А немцы как раз стремились скупить весь Восточный блок с потрохами...

– Но ты сказал, что он получил шестьдесят миллионов крон...

– Вот именно. Деньги ППП использовались как беспроцентный заем. По идее, предприятия на протяжении нескольких лет должны были вернуть часть денег. «Минос» обанкротился, и проект провалился, но обвинить в этом Веннерстрёма никому не пришло в голову. Ведь деньги выдавались под государственные гарантии, и Веннерстрёму компенсировали убытки. От него просто не потребовали возврата денег, которые сгорели при банкротстве «Миноса». К тому же этот прохиндей умудрился доказать, что потерял соответствующие суммы из собственного кармана.

– Может, я чего-то не понимаю? Неужели правительство получило миллиарды из казны и передало их дипломатам, а те уже пустили их на дело?.. Деньги попали к промышленникам, и те использовали их для инвестиций в совместные предприятия, которые затем принесли баснословные барыши. Словом, все как всегда. Ничего нового. Кто-то греет руки, а кто-то оказывается внакладе, и нам известно, что все роли заранее расписаны.

– Ну ты и циник. Ведь займы следовало вернуть государству.

– Ты ведь сказал, что они были беспроцентными. Следовательно, налогоплательщики, за счет которых кое-кто нажился, не участвуют в распределении выигрыша. Веннерстрём получил шестьдесят миллионов, пятьдесят четыре из которых он вложил в дело. А куда же делись остальные шесть миллионов?

– В ту же минуту, когда стало известно, что аудиторы будут проверять проекты ППП, Веннерстрём выписал для ППП чек на шесть миллионов и погасил разницу. Так что с формальной юридической точки зрения не подкопаешься.

Роберт Линдберг умолк и метнул в Микаэля взгляд победителя.

– Как слушаешь, так подумаешь, что Веннерстрём позволил себе лишь небольшую растрату ППП. Но если сравнивать, например, с компанией «Сканска», которая растратила полмиллиарда, или вспомнить историю с «золотыми парашютами» директоров АВВ, которая обошлась бюджету примерно в миллиард... Вот эти аферы действительно возмутили публику. А тут, похоже, и темы-то нет, и не разгуляешься от души, – сказал Микаэль. – Читателя уже не заманишь статьями о некомпетентных дельцах, даже если они прокручивают казенные

деньги. А что еще можно выжать из этой истории?

– Дальше – больше.

– А откуда ты разузнал о махинациях Веннерстрёма в Польше?

– В девяностые годы я работал в «Хандельсбанке». Догадайся, кто проводил аудит в ППП?

– А вот это уже кое-что... Ну-ка, рассказывай.

– Значит, так. Если все суммировать, то ППП получает от Веннерстрёма отчеты. Затем составляются соответствующие бумаги. Оставшиеся деньги возвращаются. Вернуть шесть миллионов – это была гениальная уловка. Ведь если у тебя на пороге появится кто-то, кто захочет отдать тебе мешок денег, разве ты сможешь усомниться в его честности?

– Давай покороче.

– Но, дорогой Блумквист, я как раз и стараюсь покороче. Отчет Веннерстрёма вполне удовлетворил ППП. Получается, что огромные деньги просто выкинули коту под хвост – но никаких претензий к тому, как и куда их вкладывали. Мы проверяли счета и трансферы и все остальные бумаги. Отчетность просто тютелька в тютельку. Меня все устраивало. Моего шефа – тоже. А главное, в ППП остались довольны. Так что правительству даже и нечего было возразить.

– Так в чем же суть аферы?

– А вот дальше все гораздо интереснее, – сообщил Линдберг, который выглядел теперь протрезвевшим. – Но имей в виду: хоть ты и журналист, для печати это не предназначено.

– Да брось ты. Не можешь же ты слить мне информацию, а потом вдруг заявить, что я не могу ею воспользоваться.

– Почему же, могу. То, что я тебе уже рассказал, отнюдь не является тайной. При желании ты всегда можешь ознакомиться с отчетом. Об остальном – о чем я пока умалчиваю – ты тоже можешь написать. Но при условии, что я буду фигурировать в качестве анонимного источника.

– Ах, вот как? Но, согласно общепринятым понятиям, «не для печати» означает, что мне доверили секретную информацию, и разглашать ее я не имею права.

– Плевать мне на терминологию. Пиши что хочешь, но помни: я – твой анонимный источник. Идет?

– Конечно, – ответил Микаэль.

Потом, конечно, стало ясно, что зря он так ответил.

– Ну, слушай. Вся эта история с «Миносом» случилась лет десять назад, сразу после падения Берлинской стены, когда большевики пытались стать респектабельными капиталистами. Я попал в число тех, кто проверял Веннерстрёма, и не мог избавиться от ощущения, что концы с концами не сходятся.

– Но во время проверки ты промолчал?

– Я поделился своими сомнениями со своим шефом, однако нам не к чему было придраться. Все бумаги были в полном ажуре. И мне оставалось только подписаться под отчетом. Но потом каждый раз, натываясь на имя Веннерстрёма в публикациях, я мысленно возвращался к «Миносу».

– Понимаю.

– Через несколько лет, в середине девяностых, мой банк вел кое-какие дела с Веннерстрёмом. Честно сказать, дела весьма серьезные. Но тут опять вышла неувязка.

– Он вас надул?

– Нет, не совсем. Получилось так, что на этом деле нагрели руки обе стороны. Проблема скорее была в... Я даже не знаю, как это объяснить. Но все это уже относится к моему работодателю, и мне бы не хотелось вдаваться в подробности. Однако от всего этого осталось, мягко говоря, не слишком благоприятное впечатление. А массмедиа изображают Веннерстрёма

этаким великим экономическим гуру... И на этом держится его благополучие. Доверие – его капитал.

– Понимаю, что ты имеешь в виду.

– А мне кажется, что он попросту блефует. Никакими особыми талантами экономиста Веннерстрём не наделен. Напротив, в некоторых вопросах он явно не дотягивал даже до среднего уровня. С ним работали несколько действительно толковых молодых консультантов, это был его резерв, но сам он мне ни разу не нравился.

– Ну и что же потом?

– Год назад я ездил в Польшу по другим делам. Мы с коллегами ужинали вместе с несколькими инвесторами из Лодзи. И я случайно оказался за одним столом с бургомистром. Разговор зашел о том, как укрепить польскую экономику, и я вдруг упомянул про «Минос». Бургомистр уставился на меня с некоторым недоумением – будто он никогда и не слышал о «Миносе». Но вспомнил, что была какая-то афера и потом все лопнуло. Он усмехнулся и сказал – цитирую дословно: «Если бы все шведские инвесторы были бы такими, то ваша страна вскоре совсем разорилась бы». Понимаешь?

– Могу только предположить, что в Лодзи вполне толковый бургомистр... И что же дальше?

– Эта фраза все не выходила у меня из головы. Я никак не мог успокоиться. На следующее утро у меня была назначена встреча, и я рано освободился. Из принципа я поехал посмотреть на закрывшуюся фабрику «Минос» – она располагалась рядом с Лодзью, в маленькой деревушке, с кабаком в каком-то сарае и с сортиром во дворе. Гигантская фабрика «Минос» на самом деле оказалась просто развалюхой, ветхим складом из ржавого железа, построенным еще Красной Армией в пятидесятые годы. Случайно я наткнулся на сторожа, который кое-как объяснялся по-немецки. Он сказал, что один из его двоюродных братьев работал на «Миносе». И я, недолго думая, отправился к нему домой, благо он жил рядом. Сторож при этом вызвался стать моим гидом и переводчиком. Ни за что не поверишь, что они мне рассказали...

– Я весь внимание.

– «Минос» стартовал осенью девяносто второго. Туда наняли максимум пятнадцать сотрудников, преимущественно бабушек. Зарплата равнялась ста пятидесяти кронам в месяц. Вначале у них вообще отсутствовало какое-либо оборудование, и служащие в основном разбирали хлам. В начале октября привезли три картонажные машины, закупленные в Португалии. Древние, допотопные и к тому же морально безнадежно устаревшие. Цена этому железу была от силы несколько тысяч крон. Техника кое-как функционировала, но непрерывно ломалась. Запчастей, естественно, не было, и производство без конца приходилось останавливать. Чаще всего кто-нибудь из служащих чинил оборудование вручную.

– Вот это уже кое-что, – оживился Микаэль. – Ну и что же на самом деле производила эта легендарная фабрика?

– В течение девяносто второго года и половины девяносто третьего они клеили самые обычные упаковки для моющих средств, коробки для яиц и тому подобное. Потом наладили выпуск бумажных пакетов. Но фабрике постоянно не хватало сырья, и ни о каком массовом производстве речи вообще не было.

– Не похоже, чтобы в фабрику вложили солидные инвестиции...

– Я все подсчитал. Общая сумма аренды за два года потянула на пятнадцать тысяч. На зарплаты потратили максимум сто пятьдесят тысяч – это с лихвой. Дальше – закупка техники и транспортировка, фургон для перевозки упаковок для яиц... Предположим, двести пятьдесят тысяч. Плюс взносы за разрешение, поездки взад-вперед... Похоже, что деревню несколько раз посетил один-единственный визитер из Швеции. Так что на всю эту канитель потратили меньше миллиона. В один прекрасный день летом девяносто третьего на фабрику появился какой-то

начальник и сообщил, что она закрыта. А вскоре после этого приехал венгерский грузовик и вывез оборудование. И покуда, «Минос».

На протяжении судебного процесса Микаэль часто вспоминал тот летний вечер. Они беседовали как одноклассники, по-дружески и в то же время подтрунивая друг над другом, как в годы учебы в гимназии, когда они доверяли друг другу тайны, свойственные их возрасту в целом. Повзрослев, они разбрелись в разные стороны и отдалились друг от друга, стали фактически чужими.

Весь вечер Микаэль никак не мог припомнить, как они подружились в гимназии. Роберт казался ему скромным и сдержанным юношей, очень стеснительным в общении с девушками. Позже он преуспел на банковском поприще, пожалуй, даже сделал карьеру.

Хотя Блумквист ни секунды не сомневался в том, что сейчас их представления о мире разошлись.

Микаэль напивался не слишком часто, но тогда эта незапланированная встреча во время неудачной морской прогулки продолжилась – за дружеской вечерней трапезой и обильными возлияниями. Ну и что тут особенного – подумаешь, старые школьные приятели встретились и решили немного поболтать и выпить... Именно поэтому Микаэль не воспринял всерьез рассказ Роберта о Веннерстрёме. Но в конце концов победил инстинкт журналиста, он наострил уши и включил логику.

– Я не очень понимаю, – сказал Блумквист. – Ведь Веннерстрём – заметная величина среди биржевиков. Если я правильно помню, он миллиардер...

– «Веннерстрём групп» потянет приблизительно на две сотни миллиардов. Ты имеешь в виду, зачем миллиардеру вообще гоняться за жалкими пятьюдесятью миллионами?

– Ну да, зачем ему рисковать – ведь столь откровенное мошенничество не может остаться безнаказанным?

– Не уверен, можно ли назвать эту операцию откровенным обманом. Отчет Веннерстрёма единодушно одобрили топ-менеджеры ППП, а также сотрудники банка, правительство и аудиторы риксдага.

– Но в любом случае для Веннерстрёма пятьдесят миллионов – пустяковая сумма...

– Согласен. И все же не забывай: «Веннерстрём групп» – инвестиционная компания, торгующая всем, что приносит прибыль: ценными бумагами, опционами, валютой... Да и много чем еще. Веннерстрём заключил контракт с ППП в девяносто втором году. А ты помнишь осень девяносто второго? Тогда рынок находился в подвешенном состоянии.

– Конечно, помню. Я как раз взял кредит на покупку квартиры под нефиксированные проценты, а в октябре ставки Центробанка взлетели до пятисот процентов. Так что я целый год выплачивал ипотеку – девятнадцать процентов.

– Да уж, помню я эти времена, – усмехнулся Роберт. – Меня самого это тоже коснулось. И Ханс Эрик Веннерстрём, так же, как и все остальные игроки на рынке, пытался решить те же проблемы. Его компании вложили миллиарды в самые разные ценные бумаги, но наличных им явно не хватало. И вдруг выяснилось, что раздавать новые ссуды невозможно. Обычно в таких случаях продают какую-нибудь недвижимость для компенсации ущерба и латают дыры в бюджете. Но в девяносто втором никто не хотел покупать недвижимость.

– Проблема ликвидности.

– Вот именно. И не только у Веннерстрёма. Любой бизнесмен...

– Не называй его бизнесменом. Называть бизнесменами таких, как Веннерстрём, – значит, оскорблять серьезных представителей этой профессии.

– Что ж. Каждый биржевой делец рано или поздно сталкивается с проблемой ликвидности.

Итак, Веннерстрём получил шестьдесят миллионов крон. Шесть из них он вернул, но только через три года. Расходы на проект «Минос» не могли обойтись больше чем в миллион. А теперь подсчитаем: только рента с шестидесяти миллионов за три года обернется вполне приличным доходом. Все зависит от того, как и куда он вкладывал деньги. Он мог удвоить или утроить полученный от ППП капитал... Впрочем, хватит об этом дерьме. Давай лучше выпьем.

Глава 2

Пятница, 20 декабря

Драгану Арманскому стукнуло пятьдесят шесть лет. Он родился в Хорватии. Его отец, армянский еврей, был родом из Белоруссии, а мать – боснийской мусульманкой греческого происхождения. И поскольку она отвечала за его культурное развитие, то, став взрослым, он оказался в той необъятной и неоднородной группе, которую средства массовой информации определяют как мусульман. Миграционная служба, как ни странно, записала его сербом. Судя по паспорту, он имел шведское гражданство, а на фотографии красовалось четырехугольное лицо с массивной челюстью, темной щетиной и седыми висками. Его часто называли арабом, хотя среди его предков не было ни единого араба. Зато все эти генетические мутации давали повод сторонникам расовых теорий считать его представителем низшей расы.

Внешне Арманский смахивал на типичного мелкого мафиозо из американского гангстерского фильма. На самом же деле он не занимался контрабандой наркотиков и не был киллером мафии. Он был одаренным управленцем, который еще в начале 1970-х годов дебютировал всего лишь как ассистент экономиста охранный предприятия «Милтон секьюрити», а спустя три десятилетия достиг должности исполнительного директора и оперативного управляющего.

Арманский увлекся вопросами безопасности – сначала просто так, от нечего делать, а потом хобби превратилось в профессию, почти маниакальное пристрастие. Он превратил свое увлечение во что-то наподобие увлекательной игры: ему приходилось идентифицировать угрозу, намечать меры предосторожности и постоянно на один шаг опережать врага – промышленных шпионов, шантажистов и казнокрадов. Все началось с того, что Арманский обнаружил, как одного из клиентов провели вокруг пальца. Крупнейшее мошенничество удалось благодаря использованию креативных приемов бухгалтерского учета. Драган сумел вычислить, кто именно из целой команды в двенадцать человек стоял за этим. Даже тридцать лет спустя он помнил, как его удивил сам факт – пренебрежение элементарными мерами безопасности создало идеальные условия для хищения. Так вчерашний усердный счетовод превратился в эксперта по борьбе с экономическими преступлениями. И благодаря его усилиям предприятие совершило качественный рывок в своем развитии.

Через пять лет Арманский оказался в руководстве компании, а еще через десять лет стал исполнительным директором. Конечно, нашлись и те, кто противодействовал его карьерному росту. Но потом противникам пришлось смириться. За годы его работы «Милтон секьюрити» превратилось в одно из самых компетентных и авторитетных охранных предприятий Швеции.

В компании «Милтон секьюрити» работали триста восемьдесят штатных сотрудников и еще около трехсот надежных фрилансеров^[24], которым платили за выполнение тех или иных поручений. Так что по сравнению с такими предприятиями, как «Фальк» и «Шведская служба охраны», «Милтон секьюрити» считалась небольшой. Когда Арманский только поступил на службу, предприятие еще называлось «Акционерное общество Юхана Фредрика Милтона «Общественная охрана», и его клиентами были торговые центры, нуждавшиеся в контролерах и вышибалах с мощными мускулами.

Под его руководством фирма сменила название на более удобное для международных контактов – «Милтон секьюрити» и взяла курс на освоение новейших технологий. Претерпел изменения и кадровый состав: бывшие ночные сторожа, любители униформы

и подрабатывающие гимназисты сменились высококвалифицированными спецами. Арманский нанял отставных полицейских на должности оперативных руководителей; были в компании политологи, занимающиеся проблемами международного терроризма, знатоки индивидуальной защиты и борцы с промышленным шпионажем, а главное, специалисты по телекоммуникациям и компьютерам. Предприятие перебралось из отдаленного района Сольна в новое respectable здание неподалеку от Шлюза, в центре Стокгольма.

К началу 1990-х годов компания «Милтон секьюрити» уже предлагала охранные услуги на вполне современном уровне и обслуживала узкий круг избранных клиентов; в основном это были средние предприятия с высоким оборотом и состоятельные частные лица – недавно разбогатевшие рок-звезды, биржевики и главы интернет-компаний. Почти семьдесят процентов оборота складывалось за счет того, что компания предоставляла телохранителей и обеспечивала безопасность шведских предприятий за рубежом, в основном на Ближнем Востоке. Благодаря Арманскому оборот побил все рекорды – он подскочил с неполных сорока миллионов в год почти до двух миллиардов. Оказалось, что торговать безопасностью – дело крайне прибыльное.

Работа делилась на три основных сегмента: консультации по безопасности, которые заключались в обнаружении возможных или предполагаемых угроз; меры предосторожности, – обычно монтировали дорогостоящие камеры наблюдения, охранную или пожарную сигнализацию, электронные запирающие системы и компьютерное оборудование. И, наконец, непосредственная охрана частных лиц и предприятий – от реальной или воображаемой угрозы. Именно этот сектор рынка за последнее десятилетие раскрутился и набирал обороты – он увеличился в сорок раз и завоевал новую прослойку клиентов. Ее составляли преуспевающие женщины, которым угрожали бывшие приятели и мужья. Или за ними охотились анонимные сталкеры, – то ли они влюбились в них по телевизору, то ли их покорили обтягивающие джемпера или цвет губной помады. Кроме того, «Милтон секьюрити» тесно сотрудничала с родственными предприятиями из других европейских стран и США и обеспечивала безопасность многих иностранных гостей во время их визитов в Швецию. Например, в их числе была одна популярная американская актриса, которая провела два месяца на съемках фильма в местечке Тролльхеттан^[25]. Почему-то ее агент посчитал, что во время нечастых прогулок возле гостиницы ей необходимы телохранители.

Был и четвертый, значительно менее объемный сегмент, и в нем было занято считанное количество сотрудников. Здесь занимались сбором и анализом личных обстоятельств.

Арманский был не слишком доволен именно этой стороной деятельности. Особых прибылей она не сулила, зато доставляла массу хлопот, поскольку требовала от сотрудников многих интеллектуальных навыков, а не просто умения разбираться в телекоммуникациях или монтировать аппаратуру для скрытого наблюдения. Иногда изучение личных обстоятельств означало элементарную проверку кредитоспособности, или выяснение деталей биографии при приеме на работу, или проверку причастности кого-то из сотрудников к утечке информации или к преступной деятельности. Одним словом, ищейки выполняли важную часть оперативной работы.

Нередко клиенты обращались к Арманскому с личными проблемами, со всякой чепухой.

«Я хочу знать, что за оборванец общается с моей дочерью...»

«Мне кажется, жена мне изменяет...»

«По-моему, мой сынишка по наивности угодил в дурную компанию...»

«Меня шантажируют...»

В таких случаях Арманский чаще всего отказывался помогать своим клиентам. Взрослая

дочь имеет право общаться с любым оборванцем, а с изменами, по его мнению, супругам следовало бы разбираться самостоятельно. Вмешиваться в подобные дела означало угодить в ловушки, чреватые скандалами и юридическими препонами для «Милтон секьюрити». Поэтому Драган Арманский довольно строго контролировал подобные поручения, хотя погоды в общем обороте предприятия они не делали.

Сегодня утром, к сожалению, предстояло заниматься именно сбором и изучением личных обстоятельств. Драган Арманский разгладил рукой стрелки на брюках и откинулся на спинку своего комфортабельного рабочего кресла. Он придирчиво разглядывал сотрудницу по имени Лисбет Саландер. Она была на тридцать два года моложе его, и он уже в тысячный раз убеждался: вряд ли можно найти менее подходящего сотрудника для работы на престижном охранном предприятии, чем она. Но, несмотря на свои сомнения и противоречивое отношение, Арманский безусловно считал Лисбет Саландер самым компетентным экспертом из всех, с кем ему приходилось сталкиваться за время работы. За те четыре года, что она с ним работала, Лисбет ни разу не схалтурила и не представила ни единого бездарного отчета.

Напротив, она всегда добивалась превосходных результатов. Арманский не сомневался, что Лисбет Саландер – уникальный талант. Конечно, собрать сведения о кредитоспособности или добыть справку у судебного исполнителя мог любой сотрудник, но Саландер действовала с размахом и всегда добывала самую неожиданную информацию. Драган так и не сумел толком понять, как именно она это делает; порой ее способность добывать сведения граничила с магией. Она, как никто другой, ориентировалась в бюрократических архивах и могла отыскать досье на самых неприметных людей. А главное, умела втираться в доверие к тому, кого проверяла. Если только можно было откопать какой-нибудь компромат, она неслась в нужном направлении, как запрограммированная ракета.

Словом, ее талант проявлялся в самых разных направлениях.

Порою досье, которые собирала Лисбет Саландер, могли полностью скомпрометировать тех, кто попадал в зону действия ее радара. Арманский до сих пор вздрагивал, вспоминая один эпизод. Он поручил ей проверить одного ученого из фармакологической компании, которую готовились выставить на торги. Работа, рассчитанная на неделю, чересчур затянулась. Спустя четыре недели после нескольких напоминаний Саландер заявила с отчетом, где документально подтверждалось, что объект, за которым она наблюдала, является педофилом и как минимум дважды оплачивал сексуальные сеансы с тринадцатилетней проституткой в Таллинне. Кроме того, по некоторым сведениям, он проявлял патологический интерес к дочери своей тогдашней любовницы.

Некоторые качества, которыми обладала Саландер, буквально доводили Драгана до полного отчаяния. Обнаружив, что ее объект оказался педофилом, она не позвонила Арманскому, не ворвалась к нему в кабинет – мол, есть о чем поговорить. Даже не намекнула, что составила сенсационный отчет. Просто как-то вечером положила его на письменный стол Арманскому, как раз когда он уже собирался выключить свет и отправиться домой. Он взял отчет с собой и заглянул в него только поздним вечером, когда сидел и смотрел телевизор в гостиной своей виллы на острове Лидингё и только-только собирался выпить с женой по бокалу вина.

Как всегда, Лисбет выполняла задание по всем правилам, со сносками, цитатами и ссылками на дополнительные источники. Отчет начинался с биографических данных об объекте, затем излагались сведения о его образовании, карьере и материальном положении. И только на странице 24, под неброским заголовком, Саландер взорвала бомбу. Она описывала поездки в Таллинн так же сухо и обстоятельно, как и все остальное – о том, что он обитает на вилле в Соллентуне^[26] и владеет темно-синим «Вольво». Она приложила огромный ворох

документов – в частности, фотографии тринадцатилетней девочки рядом с наблюдаемым объектом. Снимок был сделан в холле таллиннского отеля, и рука объекта находилась под свитером девочки. Каким-то образом Лисбет Саландер удалось разыскать эту проститутку и записать на диктофон подробное интервью с нею.

В результате Арманский буквально впал в ступор.

Ему пришлось принять пару таблеток против язвы желудка. Затем он вызвал заказчика – с этим нельзя было медлить. И в конце концов, после весьма нелицеприятной беседы – вопреки категорическому нежеланию заказчика, – ему пришлось передать материалы в полицию. А обращение в полицию означало, что «Милтон секьюрити» придется выступать на суде. Если обвинение не удастся доказать или мужчину признают невиновным, возникнет опасность, что на охранную фирму подадут в суд за клевету. А вот это уже никуда не годится.

К счастью, все обошлось.

Больше всего в Лисбет Саландер его раздражала невозмутимость и полное безразличие. Но за долгие годы у «Милтон секьюрити» сложилась репутация фирмы, нацеленной на консервативность и стабильность. От имиджа зависело чрезвычайно многое. А Лисбет Саландер выпадала из этой идиллической картины – она выглядела как экскаватор на ярмарке роскошных яхт.

Арманский воспринимал почти как наваждение то, что звезда его фирмы – бледная анорексичная девица с короткой стрижкой и пирсингом на носу и бровях. На шее у нее имелась двухсантиметровая татуировка в виде осы; одна наколка-цепочка охватывала бицепс левой руки, другая, такая же, – щиколотку. Когда Саландер заявлялась в майке, Арманский мог констатировать, что на спине у нее присутствует большая татуировка в виде дракона. Природа наделила ее рыжей шевелюрой, но Лисбет красила волосы в иссиня-черный цвет. Она выглядела так, словно только что очнулась после недельной оргии в тусовке любителей тяжелого рока.

На отсутствие аппетита ей жаловаться не приходилось. Арманский не сомневался, что Саландер ест что попало, не считая калорий. Просто она от рождения была худая, по-детски субтильная, стройная; у нее были изящные руки, узкие щиколотки и едва различимая под одеждой грудь. В свои двадцать четыре года она выглядела на четырнадцать.

В ее внешности доминировали азиатские черты – широкий рот, маленький нос и высокие скулы. Она передвигалась стремительно, как паук, а когда работала за компьютером, то стучала по клавиатуре почти с маниакальным упорством. С такой фигурой ей вряд ли удалось бы сделать карьеру в модельном бизнесе, но ее лицо, показанное крупным планом и с удачным мейкапом, вполне можно было бы поместить на любом рекламном щите. С эпатажным макияжем (порой она еще пользовалась ужасной черной помадой), татуировками и пирсингом в носу и бровях – она все же умудрялась сохранять какую-то привлекательность. И это было необъяснимо.

Но еще более необъяснимым было то, что Лисбет Саландер вообще работала на Драгана Арманского. Обычно он не контактировал с такого типа женщинами и тем более не собирался предлагать им работу.

Сначала ее взяли секретаршей по рекомендации Хольгера Пальмгрена, адвоката, который раньше вел личные дела старины Ю. Ф. Милтона, а сейчас уже вышел на пенсию. По его словам, «Лисбет Саландер очень продвинутая девица, хотя и склонна к асоциальному поведению». Пальмгрен просил Арманского дать ей шанс, и тот пообещал, хотя и неохотно. Но Пальмгрен не из тех, кто мог бы смириться с отказом; в этом случае он только удвоил бы свое давление. Так что Арманскому проще было сразу согласиться. Он знал, что Пальмгрен, как адвокат, защищает асоциальную молодежь и прочих маргиналов. И в то же время не лишен здравого

смысла.

Правда, Драган сразу пожалел о своем обещании, как только увидел Лисбет Саландер.

Девушка не просто казалась безрассудной – с точки зрения Арманского она являлась олицетворением безрассудства как такового. Она не посещала старшие классы школы, никогда не переступала порога гимназии, и уж тем более не приходилось говорить о высшем образовании.

В первые месяцы Саландер очень старалась – она находилась на работе целый день или почти целый; во всяком случае, регулярно появлялась на службе. Она варила кофе, получала почту и следила за копировальной техникой. При этом ее совершенно не волновали такие понятия, как рабочий график или традиционный распорядок дня.

Она просто бесила своих коллег. Ее прозвали девицей с двумя извилинами: одна – для того чтобы дышать, а другая – чтобы стоять прямо. Она никогда ничего не рассказывала о себе. Сослуживцы, которые пытались заговорить с ней, редко достаивались ответа. Так что вскоре люди перестали к ней обращаться. Они пытались шутить – и тоже безуспешно. Саландер бросала на шутников равнодушные взгляды или же реагировала на них с откровенным раздражением. У нее резко менялось настроение, если ей казалось, что кто-то над ней подшучивает. А случалось это довольно часто, тем более что такой стиль общения был принят в офисе.

Так что ее поведение не располагало ни к доверию, ни к дружбе, и вскоре она превратилась в белую ворону, в кошку, которая гуляет сама по себе по коридорам «Милтон секьюрити». Ее считали совершенно безнадежной.

Так прошел месяц, и Арманский вызвал Саландер к себе в кабинет, чтобы уволить. Она невозмутимо выслушала перечень своих грехов, не возражая, при этом ни один мускул не дрогнул на ее лице. Только когда он закончил выговаривать ей и осуждать ее поведение и уже собирался предложить ей попробовать себя на каком-нибудь другом поприще и в другой фирме, где она могла бы полнее использовать свои способности, она довольно резко оборвала его. Впервые он услышал от нее связную фразу.

– Послушайте, если вам нужна просто шестерка, вы можете подобрать себе кого-нибудь на бирже труда. А я могу раздобыть любую фигню о ком угодно, и если вы не можете использовать меня на полную катушку, вместо того чтобы ставить меня на сортировку почты, то вы попросту идиот.

Арманский никак не мог забыть, как потерял дар речи от такой наглости, а она невозмутимо продолжала:

– У вас тут один болван три недели возился, чтобы написать никому не нужный отчет о яппи, которого хотят назначить председателем правления одного дот-кома. Я вчера вечером скопировала ему этот дерьмовый отчет, а теперь вижу его у вас на столе.

Арманский поискал отчет взглядом и почти заорал на нее:

– Вы не имеете права читать конфиденциальные документы!

– Вполне возможно. Но правила безопасности на вашем предприятии не слишком-то строго соблюдаются. Согласно вашей директиве, он сам обязан скопировать свой отчет; но вчера он швырнул его мне, а сам отправился в шалман... Кстати, его прошлый отчет несколько недель назад я нашла в столовой.

– В самом деле? – воскликнул потрясенный Арманский.

– Спокойно, без паники. Я положила отчет к нему в сейф.

– Он сообщил вам шифр от своего персонального сейфа? – Арманский был просто в шоке.

– Не то чтобы сообщил. Он записал его на бумажке вместе с паролем для входа в систему; та бумажка лежит у него на столе под ковриком для мыши. Но дело в том, что этот ваш

карикатурный частный сыщик просто нахалтурил, исследуя личные обстоятельства. Он просто поленился разузнать, что у этого типа накопились нехилые карточные долги и что он сосет кокаин, как пылесос. К тому же его девица скрывалась в женском кризисном центре, когда он распустил руки.

Саландер замолчала. Арманский тоже несколько минут сидел молча и перелистывал этот самый отчет. Он был грамотно составлен, изложен вполне приемлемым языком, снабжен множеством ссылок на источники и высказываниями друзей и знакомых объекта. Наконец Арманский поднял глаза и произнес:

- Докажите это.
- Сколько у меня времени?
- Три дня. Если до вечера пятницы вы не сможете привести убедительные доказательства в пользу своей версии, я вас уволю.

Через три дня Лисбет молча передала ему досье, в котором перечислила свои источники, – и вполне благовоспитанный юный яппи предстал как отъявленный мерзавец. За выходные дни Арманский несколько раз перечитал отчет и часть понедельника посвятил проверке сведений, которые она предоставила. Хотя он уже заранее знал, что информация подтвердится.

Драган был раздражен и зол на самого себя за то, что явно недооценил Саландер. Ведь он считал ее пустоголовой, чуть ли не умственно неполноценной. Кто бы мог подумать: девица, которая хронически прогуливала уроки и даже не получила школьный аттестат, умудрилась составить отчет, грамотно написать его, к тому же изложить неопровержимые факты... Арманский даже не мог себе представить, откуда она все это раздобыла.

Он не сомневался: никто другой из сотрудников «Милтон секьюрити» не смог бы получить доступ к конфиденциальному журналу доктора женского кризисного центра. Арманский пытался расспросить Саландер, как у нее все получилось, но она уклонялась от ответов. У нее были свои источники информации, и она не собиралась раскрывать их – ни при каком раскладе. Со временем до Арманского дошло, что Лисбет Саландер не намерена обсуждать свои методы работы, – ни с ним, ни с кем-либо еще. Его это коробило, но перед искушением снова испытать ее он не смог устоять.

Арманский размышлял несколько дней.

Он вспомнил, что ему сказал Хольгер Пальмгрен, когда направлял к нему девушку: «Шанс надо дать каждому».

Арманский получил мусульманское воспитание; ему всегда внушали, что помогать изгоям – его долг перед Всевышним. Во Всевышнего он, правда, не верил и не посещал мечеть с юных лет, но ему казалось, что Лисбет Саландер нуждается в помощи, в поддержке. А за прошлые десятилетия он не преуспел на поприще благотворительности.

Арманский не уволил Лисбет Саландер. Напротив, он пригласил ее на конфиденциальную беседу, чтобы попытаться разобраться, что же она из себя представляет – на самом деле. Ему пришлось удостовериться, что у Лисбет Саландер действительно есть какое-то серьезное отклонение. И все же он не мог отрицать, что она хоть и держится вызывающе, но обладает редким интеллектом. Драган считал ее не вполне здоровой и не слишком привлекательной, но тем не менее был вынужден признать, к собственному изумлению, что она ему нравится.

Так или иначе, в ближайшие месяцы Арманский взял Лисбет Саландер под свою опеку. Честно говоря, он относился к ней как к своему маленькому социальному проекту. Драган давал ей простые задания и даже подсказывал, как лучше действовать. Она все терпеливо выслушивала, а потом исчезала и выполняла задание так, как сама считала нужным. Он попросил технического директора фирмы обучить ее азам владения компьютером. Лисбет

Саландер покорно просидела за партой полдня после обеда, а потом системный администратор не без некоторой досады заявил, что она, похоже, и без того разбирается в компьютерах лучше, чем большинство других сотрудников.

Арманскому скоро пришлось убедиться, что, несмотря на призывы совершенствовать работу, пройти курсы повышения квалификации и использовать всякие другие возможности, Лисбет Саландер вовсе не собиралась следовать правилам и распорядку в офисе «Милтон секьюрити». Он оказался перед нелегкой дилеммой.

Остальные сотрудники по-прежнему воспринимали Лисбет Саландер как источник раздражения. Арманский, конечно же, понимал, что никто другой не посмел бы появляться на работе когда заблагорассудится. И при любом другом раскладе Драган ультимативно потребовал бы соблюдения дисциплины. Он также не сомневался, что Лисбет Саландер в ответ на любой ультиматум лишь пожмет плечами. Так что у него оставался выбор: либо распрощаться с ней, либо смириться с тем, что она – исключение.

А еще Арманский никак не мог разобраться, какие же чувства испытывает к этой юной женщине. Она и привлекала его, и в то же время отталкивала. Конечно же, ни о каком сексуальном влечении речи не было и в помине – так, во всяком случае, казалось Арманскому. Обычно его интересовали пышные блондинки с пухлыми губами, именно они будоражили его фантазию. К тому же он уже двадцать лет как был женат на финке по имени Ритва, которая и в зрелом возрасте устраивала его во всех отношениях. Жене он никогда не изменял. Хотя, возможно, изредка и случалось нечто такое, о чем ей лучше было бы не знать, иначе она могла бы его превратно понять. Но так или иначе, брак их можно было бы считать вполне счастливым, и у него были две дочери – ровесницы Саландер. Уж во всяком случае, девушки с плоской грудью, похожие на субтильных мальчишек, совершенно не волновали его. Просто были не в его вкусе.

И все-таки Драган позволял себе некоторые чересчур смелые сексуальные фантазии о Лисбет Саландер – и вынужден был признать, что не может оставаться полностью равнодушным в ее присутствии. Она притягивала его потому, что оставалась абсолютно чуждым ему существом. Так, по крайней мере, считал сам Арманский. С таким же успехом он мог бы влюбиться в изображение греческой нимфы. Пожалуй, Саландер являлась представительницей некоего нереального мира, который притягивал его, но он не мог туда попасть. А если бы даже и смог, то девушка, безусловно, отвергла бы его.

Однажды, когда Арманский сидел в уличном кафе на площади Стурторгет в Старом городе, к заведению не спеша подошла Лисбет Саландер и заняла столик неподалеку. С ней были три девицы и парень, одетые таким же манером, как и она сама. Арманский разглядывал ее с любопытством. Как и на работе, Лисбет не проявляла бурных эмоций, однако девице с пурпурными волосами почти удалось ее рассмешить.

Интересно, подумал Арманский: а как отреагировала бы Саландер, если бы он однажды вздумал прийти на работу с зелеными волосами, в поношенных джинсах и разрисованной кожаной куртке с заклепками? Скорее всего, она бы просто подняла его на смех.

Саландер сидела к нему спиной и ни разу не обернулась; возможно, она и не знала, что он здесь. Но ее присутствие вывело его из равновесия, и когда он через несколько минут поднялся из-за стола, чтобы уйти незамеченным, она вдруг повернула голову и взглянула прямо на него, словно все время знала, что он здесь и держала его в поле внимания. Ее взгляд просверлил его насквозь, и Арманский незамедлительно покинул кафе, притворившись, что не заметил ее. Она не поздоровалась, но проводила его взглядом, и только когда он зашел за угол, ее взгляд перестал прожигать дырку в его спине.

Лисбет смеялась редко, а может, и вообще никогда не смеялась. Тем не менее через некоторое время Арманскому показалось, что она стала относиться к нему чуть теплее. Она обладала, мягко говоря, своеобразным чувством юмора и порой позволяла себе лишь криво усмехнуться.

Иногда Арманский представлял себе, как он хватает и трясет ее, лишь бы прорваться сквозь ее защитную скорлупу, пробить эту броню, чтобы заслужить ее дружбу – или в крайнем случае уважение.

Единственный раз, когда она уже проработала в компании девять месяцев, Драган попытался обнажить перед ней свои чувства. Случилось это декабрьским вечером, когда в «Милтон секьюрити» отмечали Рождество, и Арманский, вопреки своим правилам, немного перебрал. Впрочем, он не преступил границы дозволенного, а просто пытался объяснить ей, что на самом деле испытывает к ней человеческую симпатию, что чувствует потребность оберегать ее и что если ей понадобится помощь, то она несомненно может обратиться к нему. Он даже попытался обнять ее – по-дружески, само собой.

Саландер вырвалась из его неловких объятий и сбежала с праздника. После этого она не являлась на работу и не отвечала по мобильнику. Ее отсутствие стало для Драгана Арманского настоящей пыткой, почти что личной драмой. Он никому не мог доверить свои чувства и впервые ужаснулся при мысли о том, что Лисбет Саландер завладела всеми его мыслями и чувствами.

Через три недели, когда поздним январским вечером Арманский проверял годовой отчет, Лисбет Саландер все-таки явилась. Он даже не слышал, как она проникла к нему в кабинет – просто привидение какое-то. Он вдруг заметил, что она стоит в полумраке у двери и смотрит на него. Драган не знал, как долго она там стояла.

– Кофе хотите? – спросила Лисбет.

Она прикрыла дверь и протянула ему бумажный стаканчик, который раздобыла у кофейного автомата. И Арманский молча взял его. Он с облегчением выдохнул, но в то же время не на шутку испугался, когда она, ткнув ногой дверь, опустилась в кресло для посетителей и посмотрела ему прямо в глаза. А потом задала запретный вопрос. И тут уж он никак не мог ни отшутиться, ни уклониться.

– Скажи, Драган, я тебе нравлюсь?

Арманского словно парализовало, и он не нашелся что ответить. Поначалу ему хотелось изобразить из себя ни в чем не повинного агнца и все отрицать. Но встретив ее взгляд, он протрезвел: впервые она задала личный вопрос, причем на полном серьезе, и если он ответит шуткой, то Лисбет воспримет это как личное оскорбление. Она хотела поговорить с ним, и ему любопытно было бы узнать, сколько времени ей понадобилось, чтобы набраться смелости и задать этот вопрос. Арманский медленно положил на стол ручку, откинулся на спинку кресла и постарался расслабиться. А затем спросил:

– С чего ты это взяла?

– А с того, что я вижу, как ты на меня смотришь, а потом отворачиваешься. А еще иногда ты хочешь протянуть руку и потрогать меня, но удерживаешься.

Неожиданно Арманский улыбнулся.

– Мне казалось, что, если я прикоснусь к тебе, ты откусишь мне руку.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Лисбет, я твой шеф, и даже если бы я увлекся тобой, то никогда не посмел бы ничего себе позволить.

Она оставалась безучастной.

– Что ж, буду откровенен. Да, порой я чувствовал, что меня к тебе тянет. Я не могу это объяснить, но это так. Сам не знаю почему, но ты мне очень нравишься. Но я бы не сказал, что питаю к тебе какую-то страсть.

– Что ж, я рада. Потому что из этого все равно ничего бы не вышло.

Арманский вдруг расхохотался. Впервые Саландер решилась на откровенность, пусть даже это было самое негативное из того, что может услышать мужчина. Он пытался найти нужные слова:

– Я понимаю, Лисбет. Тебя не интересует старикан, которому уже за пятьдесят.

– Меня не интересует старикан, которому за пятьдесят *и который является моим шефом...* – Она подняла руку. – Постой, дай договорить. Иногда ты кажешься мне тугодумом и кошмарным бюрократом, меня это раздражает... Но ты, в общем-то, вполне привлекательный мужик, и я тоже иногда чувствую... Но ты мой шеф, и я встречалась с твоей женой и хочу продолжать тут работать... Так что флиртовать с тобой было бы несусветной глупостью с моей стороны.

Арманский почти не шевелился и едва дышал.

– Я очень ценю все, что ты для меня сделал, и не хотела бы выглядеть неблагодарной в твоих глазах. Я рада, что ты преодолел свои предрассудки и дал мне шанс. Но я бы не хотела, чтобы ты стал моим любовником. Да и папанька мне тоже не сдался.

Она умолкла.

Арманский развел руками:

– Так что же нам с тобой теперь делать?

– Я хочу по-прежнему работать на тебя. Если тебя это устраивает.

Он кивнул, а потом ответил – предельно откровенно:

– Конечно, я очень хочу, чтобы ты на меня работала. Но мне еще хотелось бы, чтобы ты считала меня своим другом. И доверяла мне.

Лисбет качнула головой.

– Ты из тех людей, которые не располагают к дружбе.

Тут ему показалось, что она собирается уйти, и он сказал:

– Я понял, что ты не хочешь никого впускать в свою жизнь, и я постараюсь тебе не досаждать. Но, если ты не против, я по-прежнему буду хорошо к тебе относиться...

Саландер задумалась. Потом вдруг встала, обошла вокруг стола и обняла его.

Арманский был просто в шоке. Этого жеста он никак не ожидал. Только когда Лисбет отпустила его, он схватил ее за руку:

– Мы можем быть друзьями?

Она кивнула.

В первый и последний раз Саландер проявила к нему нежность и даже прикоснулась к нему. Этот миг стал для Арманского приятным воспоминанием.

За четыре года она так и не открыла ему ни единого эпизода своей частной жизни и своего прошлого.

Однажды Арманский использовал свои навыки, чтобы собрать досье на Лисбет Саландер. Он долго беседовал с адвокатом Хольгером Пальмгренем, который, похоже, отнюдь не удивился его визиту. Но после полученных сведений Драган не стал доверять ей больше или меньше, чем раньше. В разговорах с Лисбет он никогда не вспоминал о том, что копался в ее личной жизни. Так или иначе, Арманский не выказывал свою настороженность. Зато стал более бдительным.

В тот незабываемый вечер Лисбет Саландер и Драган Арманский заключили соглашение. И затем она начала собирать для него сведения на новых условиях. Ей назначили небольшую

помесячную зарплату, не зависящую от того, есть у нее текущие поручения или нет. Но зато Арманский обещал оплачивать отдельно каждое из выполненных заданий. Отныне Лисбет могла работать по индивидуальному графику, но взамен принимала на себя обязательство никогда не делать ничего, что могло бы опозорить его лично или нанести ущерб репутации «Милтон секьюрити».

Приняв подобное решение, Драган извлек выгоду – как для себя самого и своей фирмы, так и для самой Саландер. Он сократил отдел, который доставлял неприятности, до одной штатной единицы. Теперь отдел частных расследований состоял всего из одного пожилого сотрудника, который выполнял необходимую техническую работу и собирал сведения о кредитоспособности. Все сложные и запутанные задания Арманский передал Саландер и другим фрилансерам. Юридически они являлись независимыми индивидуальными предпринимателями, и в случае возникновения серьезных проблем «Милтон секьюрити» не нес за них никакой ответственности.

Услугами Саландер Арманский пользовался часто, и она вполне прилично зарабатывала. Кстати, могла бы зарабатывать и гораздо больше, но она работала исключительно по собственному желанию. При этом считала, что, если Арманскому это не подходит, он может ее уволить.

Драган понимал, что не сможет ее переделать, и принимал ее такой, какая она есть, но запрещал ей видиться с клиентами. Исключения из этого правила он допускал редко. Однако нынешнее дело, как это ни прискорбно, было именно что исключением.

В этот день Лисбет Саландер надела черную футболку с изображением зубастого инопланетянина и надписью: «I am also an alien»^[27]. На ней была также черная юбка с потрепанным подолом, потертая черная кожаная куртка, ремень с заклепками, тяжелые ботинки «Доктор Мартенс» и гольфы в поперечную красно-зеленую полоску. Цвета ее «боевой раскраски» намекали на то, что Лисбет страдает дальтонизмом. Иными словами, она выглядела на редкость броско.

Вздыхнув, Арманский взглянул на консервативно одетого пожилого господина в очках с толстыми стеклами. Шестидесятивосьмилетний адвокат Дирк Фруде потребовал личной встречи с автором отчета, чтобы задать ему уточняющие вопросы. Драган пытался избежать этой встречи, ссылаясь на то, что Саландер простужена, что она находится в отъезде и вообще занята по горло. Фруде всякий раз спокойно заявлял, что это не проблема – особо спешить нет необходимости и можно подождать еще денек-другой. Арманский рвал и метал, но ничего поделать не смог. Ему пришлось свести их. И теперь адвокат Фруде сидел и, прищурясь, восхищенно разглядывал Лисбет Саландер. Она тоже смотрела на него, но лицо ее не выражало никакого восторга.

Арманский снова вздохнул и глянул на принесенную ею папку с надписью: «Карл Микаэль Блумквист». Рядом аккуратным почерком выведен номер страхового свидетельства. Арманский громко произнес: «Карл Микаэль Блумквист». Адвокат Фруде словно вышел из оцепенения и взглянул на собеседника:

– Так что вам удалось разузнать о Микаэле Блумквисте?

– Не мне. Досье составила фрёкен Саландер.

Арманский на секунду замолчал, а затем улыбнулся. Улыбка, задуманная доверительной, получилась в итоге чуть ли не виноватой.

– Не принимайте во внимание ее юный возраст. Она наш самый лучший эксперт, – заверил он своего клиента.

– Нисколько не сомневаюсь, – сухо ответил Фруде, явно придерживавшийся

противоположного мнения. – Так поделитесь же, к каким выводам она пришла.

Стало ясно, что адвокат даже не представляет, как ему обращаться с Лисбет Саландер, и поэтому предпочитает беседовать с Арманским, будто Лисбет и вовсе нет в кабинете. Между тем Саландер, словно в ответ, надула большой пузырь из жвачки. Арманский еще не успел ответить, а она обратилась к своему шефу, словно тоже не замечая присутствия Фруде:

– Узнайте у клиента, какая ему нужна версия – подробная или краткая?

Фруде понял, что зря он так ведет себя – дерзко и надменно. После паузы адвокат наконец обратился напрямую к Лисбет Саландер и попытался загладить вину, избрав дружественный и несколько фамильярный тон:

– Фрёкен, я был бы вам очень признателен, если бы вы кратко изложили свои соображения.

Сейчас Саландер напоминала разъяренного нубийского льва, который размышляет, а не отобедать ли ему Дирком Фруде. Ее взгляд выражал такую откровенную неприязнь, что у адвоката буквально похолодела спина. Неожиданно выражение ее лица смягчилось, она, похоже, сменила гнев на милость. И адвокат Фруде даже подумал, уж не преувеличивает ли он степень ее антипатии? А Лисбет заговорила, как настоящий бюрократ:

– Во-первых, хочется отметить, что задание оказалось не слишком сложным, хотя поставленная задача не отличалась особой четкостью. Вы захотели узнать о нем «все, что можно раскопать», но не задали никаких конкретных параметров. Поэтому мне пришлось собирать разные эпизоды из его жизни. Досье занимает сто девяносто три страницы, из них примерно сто двадцать – копии написанных им статей или клипов из прессы, где он сам попадает в сводки новостей. Блумквист – лицо публичное, и ему особо нечего скрывать. Так что никаких особых тайн за ним не числится...

– Но какие-то тайны у него все-таки есть? – спросил Фруде.

– Тайны есть у всех и каждого, – ответила она с философским спокойствием. – Нужно только разузнать, в чем они заключаются.

– Я весь внимание.

– Микаэль Блумквист родился восемнадцатого января тысяча девятьсот шестидесятого года, стало быть, сейчас ему сорок три года. Родился он в Борленге, но его сразу увезли оттуда. Его родителям, Курту и Аните Блумквист, исполнилось по тридцать пять лет, когда он родился; их обоих уже нет в живых. Отец работал наладчиком оборудования и много разъезжал. Мать, насколько мне стало известно, всю жизнь занималась лишь домом и детьми. Когда Микаэль пошел в школу, семья переехала в столицу. У него есть сестра, Анника, она на три года моложе его и работает адвокатом. Есть также дядюшки по материнской линии и двоюродные братья и сестры. А, кстати, как насчет кофе?

Эту реплику она адресовала Арманскому, который поторопился открыть заранее приготовленный термос с кофе. Затем он жестом попросил ее продолжать.

– Так вот, в шестьдесят шестом семья переехала в Стокгольм. Они жили на острове Лилла Эссинген^[28]. Блумквист сначала ходил в школу в Бромме, а потом – в гимназию на Кунгсхольмене^[29]. Он получил очень неплохие выпускные оценки – в среднем четыре и девять десятых, копии документов есть в папке. В гимназии он увлекался музыкой и играл на бас-гитаре в рок-группе под названием «Бутстрэп», которая даже выпустила сингл – его летом семьдесят девятого крутили по радио. После гимназии Блумквист служил контролером в метро, накопил денег и укатил за границу. Целый год он, похоже, странствовал по Азии – добрался до Индии, Таиланда и даже до Австралии. Потом вернулся в Стокгольм и поступил на факультет журналистики, ему тогда исполнился двадцать один год. Но после первого же курса он бросил учебу и отправился на службу в армию, в стрелковые войска, в Кируну^[30]. При том, что в этой части служили настоящие мачо, он закончил службу с приличным результатом:

десять – девять – девять. После армии закончил образование и с тех пор работает журналистом. Какие еще детали я упустила?

– Расскажите все, что кажется вам важным.

– О'кей. Чем-то Блумквист напоминает практичного поросенка из «Трех поросят». До сегодняшнего дня он вполне преуспевал как журналист. В восьмидесятые годы много работал внештатно – сначала в провинциальных газетах, потом в столичных. У меня и список есть. История с Медвежьей бандой – грабителями, которую он помог задержать, – стала хитом в его биографии.

– Тогда его и прозвали Калле Блумквистом...

– Ну да. Он ненавидит эту кличку, что вполне понятно. Если бы кто-нибудь посмел назвать меня Пеппи Длинныйчулок, я бы сразу съездила ему по мордасам...

Она выразительно взглянула на Арманского, и тот вздрогнул. Мысленно Драган частенько сравнивал Лисбет Саландер с Пеппи Длинныйчулок и сейчас вознес хвалу своей предусмотрительности – за то, что ни разу даже не рискнул пошутить на эту тему. Он сделал ей знак продолжать.

– Согласно одному из источников, Блумквист хотел стать репортером уголовной хроники – и даже внештатно работал на этом поприще в одной из вечерних газет. Но прославился он прежде всего как журналист, специализирующийся на политических и экономических вопросах. В штат вечерней газеты поступил только в конце восьмидесятых. А в девяностом году уволился и стал одним из основателей ежемесячного журнала «Миллениум». Поначалу журнал выпускался самостоятельно, не опираясь на издательство, и считался настоящим маргиналом в своей среде. Но со временем тиражи росли, и сейчас издается двадцать одна тысяча экземпляров. Редакция находится на Гётгатан, всего в нескольких кварталах отсюда.

– «Миллениум» – левацкий журнал.

– А это как посмотреть. В целом «Миллениум» можно причислить к общественно-критическим изданиям, хотя, например, анархисты наверняка считают его дешевым буржуазным пойлом, вроде «Арены» или «Урдфронта», а Студенческий союз модератов уверен, что редакция состоит сплошь из большевиков. Кстати, Блумквист не замечен в политических симпатиях к какой-либо партии, даже в те времена, когда левое движение было на самом пике, – он еще учился в гимназии. В студенческие годы у него была подруга, которая тяготела к синдикалистам, а теперь она заседает в риксдаге – как депутат от партии левых. Скорее всего, его считают левым потому, что в своих статьях он разоблачает коррупцию и грязные аферы в сфере предпринимательства. После публикации его разоблачительных приключений директоров и политиков неизбежно следовали отставки и судебные процессы. Самым шумевшим стало дело Арбуги, в результате которого один из буржуазных политиков был вынужден подать в отставку, а экс-главе муниципалитета вlepили год тюрьмы за растрату. Так что критические статьи об экономических преступлениях едва ли являются признаком левых настроений.

– Все понятно. Есть еще что-нибудь?

– А еще он издал две книги. Одна из них – о деле Арбуги, а вторая – об экономической журналистике, называется «Тамплиеры» и вышла три года назад. Я сама ее не читала, но, судя по рецензиям, она вызвала неоднозначную реакцию. В прессе ее активно обсуждали.

– Хорошо. А каково его финансовое положение?

– Он не богат, но нищим его тоже назвать нельзя. Его налоговые декларации тоже вошли в досье. В банке у него хранится примерно двести пятьдесят тысяч крон, которые вложены частично в фонд пенсионного накопления, частично – в накопительный фонд. На его счете что-то около ста тысяч крон, которые он тратит на повседневные нужды, на поездки и так далее. Блумквист – владелец кооперативной квартиры с целиком погашенным паем – шестьдесят пять

квадратных метров на Бельмансгатан. И у него нет ни кредитов, ни долгов...

Саландер подняла палец.

– У него есть еще и недвижимость в Сандхамне. Бывший сарай, тридцать квадратных метров, переоборудован под жилой домик; расположен прямо у воды, в самой привлекательной части города. Домик, по всей видимости, в сороковых годах купил дядя, один из братьев отца – тогда простые смертные еще могли себе это позволить, – а потом по наследству достался Блумквисту. Они договорились, что квартиру родителей на Лилла Эссинген получит сестра, а Микаэлю Блумквисту достанется домик. Не знаю, сколько он сегодня может стоить – скорее всего, несколько миллионов, – но, с другой стороны, вряд ли Блумквист собирается его продавать: он бывает там довольно часто.

– А каковы его доходы?

– Он – совладелец «Миллениума», но вместо зарплаты получает около двенадцати тысяч в месяц. Остальное зарабатывает как фрилансер; суммы, конечно, варьируются. Максимальный доход был зафиксирован три года назад, когда его нанимали разные газеты и журналы, тогда ему удалось заработать почти четыреста пятьдесят тысяч. В прошлом году он заработал гораздо меньше – всего сто двадцать тысяч.

– Но сейчас ему придется выложить сто пятьдесят тысяч за моральный ущерб и, кроме того, оплатить услуги адвоката и прочие издержки, – заметил Фруде. – Это будет кругленькая сумма. А пока он будет отбывать наказание, вообще лишится всех доходов.

– Да, в конце концов он останется без гроша, – подытожила Саландер.

– А вообще, он честный человек? – спросил Дирк Фруде.

– Репутация, так сказать, его главный капитал. Он заработал себе имидж блюстителя морали в мире бизнеса – его очень часто приглашают как эксперта на разные телепрограммы.

– После сегодняшнего приговора от этого капитала, скорее всего, мало что останется, – задумчиво произнес адвокат.

– Конечно, не мне судить, какие качества больше всего ценятся в журналистской среде, но после такого прокола «супердетектив Блумквист» наверняка не скоро получит Большую журналистскую премию. Он, конечно, здорово подставился, – трезво констатировала Саландер. – Если, конечно, вас интересуют мои личные соображения...

Арманский просто оторопел. За те годы, что Лисбет Саландер работала с ним, она никогда не высказывала личных соображений по поводу чего бы то ни было. Ее интересовали только голые факты, и ни капли сверх того.

– Мне, кстати, никто не поручал вникнуть в дело Веннерстрёма. Но я следила за процессом и должна признаться, что он меня буквально потряс. Мне кажется, тут явно какая-то чертовщина. Не в духе Микаэля Блумквиста публиковать компромат, не вооружившись фактами; это все равно что сунуться в воду, не зная броду...

Саландер почесала шею. Фруде терпеливо ждал продолжения ее монолога. Арманский никак не мог взять в толк: неужели Саландер действительно сомневается в том, продолжать ли ей и что именно говорить. Он не верил своим глазам и ушам. Та Саландер, которую он знал, никогда ни в чем не сомневалась. Наконец она набралась смелости:

– Между нами говоря, не для протокола... Я не изучала дело Веннерстрёма, но мне кажется, что Калле Блумквиста... ой, простите, Микаэля Блумквиста здорово подставили. Я уверена, что вся эта история не имеет никакого отношения к тому, о чем шла речь на суде и за что его осудили.

Теперь уже Дирк Фруде заерзал в кресле. Он буквально впился взглядом в Лисбет, а Арманский отметил, что впервые за эту встречу заказчик проявил к Лисбет не просто вежливый интерес. До него наконец дошло, что дело Веннерстрёма представляет для Фруде

явный интерес.

«А впрочем, Фруде среагировал, только когда Саландер намекнула, что Блумквиста подставили», – подумал Арманский.

– Не могли бы выражаться более определенно? – оживился Фруде.

– У меня нет никаких доказательств, и в то же время я почти уверена, что его обвели вокруг пальца.

– Но почему вы так думаете?

– Вся биография Блумквиста свидетельствует о том, что он очень осмотрительный журналист. Все свои предыдущие разоблачения он подкреплял неопровержимыми документами. В один из дней я была на судебных слушаниях. Блумквист не приводил никаких контраргументов, он вроде бы сдался без боя. Это на него не похоже. Если верить суду, он просто нафантазировал историю о Веннерстрёме, не имея никаких доказательств, и опубликовал ее... Тем самым он сделал себе профессиональное харакири. Но я не верю. Блумквист не мог так подставить себя.

– А что же, по вашему мнению, произошло на самом деле?

– Могу только догадываться. Конечно, сам Блумквист не сомневался в своей правоте, но что-то сорвалось, и информация оказалась фальшивкой. Это, в свою очередь, означает, что у него были свои источники, которым он безусловно доверял, а они намеренно подсунули ему дезинформацию. Но такой сюжет кажется слишком сложным и маловероятным. Есть и альтернативная версия – ему серьезно угрожали, так что он сдался и предпочел примерить на себя маску некомпетентного придурка, а не принять бой. Но повторяю, это всего лишь мои домыслы.

Саландер хотела продолжить свой рассказ, но Дирк Фруде поднял руку. Затем он помолчал, постукивая пальцами по подлокотнику, и, немного помявшись, спросил ее:

– Если бы мы наняли вас, чтобы распутать дело Веннерстрёма и докопаться до истины... Есть ли шанс, что вы что-нибудь найдете?

– Никаких гарантий. Может быть, там и нет ничего.

– Но вы попытались бы?..

Лисбет пожала плечами:

– Я ничего не решаю. Я работаю на Драгана Арманского, и от него зависит, какими делами занимаюсь. А потом, я ведь не знаю, какую именно информацию вы хотите заполучить.

– Тогда вот что... Полагаю, все, что прозвучит в этой комнате, останется строго между нами?

Арманский кивнул.

– Я не в курсе этого конкретного дела, мне о нем ровным счетом ничего не известно, – продолжал Фруде. – Но я совершенно точно знаю, что в других случаях Веннерстрём вел себя непорядочно. Дело Веннерстрёма серьезно повлияло на жизнь Микаэля Блумквиста. И я хотел бы убедиться, что ваши предположения небеспочвенны.

Беседа приобретала неожиданный оборот, и Арманский явно напрягся. Дирк Фруде предлагал «Милтон секьюрити» влезть в уже закрытое уголовное дело, в ходе которого Микаэль Блумквист, вероятно, подвергался некоему давлению. Тогда уже конфликт с адвокатами империи Веннерстрёма неизбежен. При таком раскладе Арманский вовсе не рвался использовать неуправляемую крылатую ракету по имени Лисбет Саландер.

И его заботила не только и не столько репутация фирмы. В свое время Саландер строго-настрого запретила ему играть по отношению к ней роль этакого заботливого отчима. Драган пообещал ей и остерегался выступать в такой роли, но в глубине души по-прежнему волновался за нее. Иногда он ловил себя на мысли, что сравнивает Лисбет со своими дочерьми. Он считал

себя хорошим отцом и старался не вторгаться в их личное пространство. Но при этом понимал, что, если бы они жили и вели себя так, как Лисбет, для него это было бы неприемлемо.

В глубине своей хорватской, а может быть, боснийской или армянской души Арманский никак не мог избавиться от ощущения, что Саландер неумолимо приближается к катастрофе. Он считал, что она может стать идеальной жертвой для тех, кто захочет причинить ей зло. Он боялся, что однажды утром его разбудят известием о том, что с ней что-то случилось.

– Подобные изыскания потребуют серьезных затрат, – осторожно сказал Арманский, решив прощупать Фруде на предмет серьезности его намерений.

– Я готов платить по максимальным тарифам, – ответил адвокат. – Я не буду просить сделать невозможное. Но я убедился в том, что ваша сотрудница, как вы сами меня заверили, компетентна.

– Саландер? – взглянул на нее Арманский, подняв брови.

– У меня сейчас нет никаких других дел.

– О'кей. Но я хочу, чтобы мы оговорили формы сотрудничества. Давайте дослушаем отчет.

– Остались некоторые подробности его личной жизни. В восемьдесят шестом году Блумквист женился на Монике Абрахамссон, и в том же году у них родилась дочь Пернилла. Сейчас ей шестнадцать лет. Брак скоро распался – супруги развелись в девяносто первом. Абрахамссон снова вышла замуж, но они по-прежнему сохраняют приятельские отношения. Дочь осталась с матерью и встречается с отцом не слишком часто.

На этом месте Фруде попросил долить ему кофе из термоса и снова обратился к Саландер:

– В начале нашего разговора вы заметили, что у всех людей есть тайны. Удалось ли вам их раздобыть?

– Видите ли, у всех людей есть эпизоды, которые относятся к личной сфере, и их не следует выставлять напоказ. Микаэль Блумквист явно не обделен вниманием представительниц женского пола. У него были и серьезные романы, и масса мимолетных связей. Короче говоря, он ведет активную сексуальную жизнь. Однако уже на протяжении многих лет в его жизни периодически возникает одна и та же женщина, и у них весьма эксцентричные отношения.

– Как это понять?

– У него сексуальные отношения с Эрикой Бергер, главным редактором издательства «Миллениум». Она аристократического происхождения; мама – шведка, папа – бельгиец, живущий в Швеции. Бергер и Блумквист знают друг друга со студенческих времен по Высшей школе журналистики... С тех самых пор они то вместе, то врозь.

– Ну и что тут необычного? – поинтересовался Фруде.

– Дело в том, что Эрика Бергер замужем за художником Греггером Бекманом. Он разукрасил общественные здания множеством кошмарных картин и считает себя звездой первой величины.

– То есть она изменяет ему с Блумквистом.

– Нет-нет. Бекман в курсе их отношений. Это *ménage à trois*^[31], и всех троих такая ситуация вполне устраивает. Иногда Эрика проводит ночи с Блумквистом, иногда – с мужем. Как конкретно у них там все складывается, я точно не знаю. Но, похоже, именно по этой причине и распался брак Блумквиста с Абрахамссон.

Глава 3

Пятница, 20 декабря – суббота, 21 декабря

Эрика Бергер удивленно вскинула брови, когда ближе к концу рабочего дня в редакции возник основательно продрогший Микаэль Блумквист. Редакция «Миллениума» располагалась прямо в самой середине Гётгатан, на офисном этаже, над помещениями «Гринписа». С «Миллениума» явно требовали завышенную арендную плату, но Эрика, Микаэль и Кристер все-таки дружно держались за этот офис.

Эрика взглянула на часы. Еще только десять минут шестого, а тьма уже давно укутала Стокгольм. Она ждала Микаэля ближе к обеду.

– Прости, – произнес он, прежде чем она успела что-либо сказать. – Меня настолько потряс этот суд, что мне не хотелось ни с кем разговаривать. Я долго бесцельно шатался и обо всем размышлял.

– Я услышала решение суда по радио. Звонила «Та, с канала ТВ-4»; ей хотелось, чтобы я прокомментировала эти события.

– А ты что сказала?

– Как мы и договаривались! Я сказала, что нам надо сперва ознакомиться с текстом приговора, а уж потом мы сможем высказываться. То есть я ничего не сказала. Но все же настаиваю: это порочная стратегия. Мы будем выглядеть как проигравшая сторона и потеряем поддержку в прессе. А ты наверняка попадешь в вечерние сводки телевизионных новостей...

Блумквист кивнул. У него был потерянный вид.

– Ну и как ты себя чувствуешь?

Микаэль пожал плечами и опустился в свое любимое кресло, у окна, в кабинете Эрики. Ее кабинет выглядел по-спартански аскетично: письменный стол, вместительные книжные стеллажи и практичная офисная мебель. Все покупалось в магазине «ИКЕА», за исключением двух комфортабельных экстравагантных кресел и столика у стены. («Они соответствуют моему воспитанию», – обычно шутила Эрика.) Часто она читала, сидя в кресле и поджав под себя ноги.

Микаэль посмотрел вниз, на Гётгатан, – в темноте маячили силуэты прохожих. Рождественский ажиотаж набирал обороты.

– Конечно, пройдет и это, – сказал он. – Но я не могу избавиться от чувства, будто мне выдали по полной программе.

– Да, я тебя понимаю. Нам всем изрядно досталось. Даже Янне Дальман сегодня ушел домой пораньше.

– Наверняка он не согласен с решением суда.

– Ты его знаешь, он ведь далеко не оптимист.

Микаэль покачал головой. Янне Дальман работал ответственным секретарем в «Миллениуме» вот уже девять месяцев, и появился он как раз в самом начале дела Веннерстрёма. Редакция переживала не самые лучшие времена. Микаэль пытался припомнить, почему они с Эрикой решили принять его на работу. Они считали, что у Янне высокий профессиональный уровень, – он уже успел поработать в Телеграфном агентстве, в вечерних газетах и в программе новостей на радио. Однако ему не хватало бойцовских качеств. За прошедший год Микаэлю не раз пришлось сожалеть о том, что они взяли к себе Дальмана: тот все видел в самых мрачных тонах, и порой это очень раздражало.

– Что слышно от Кристера? – спросил Микаэль, все еще глядя на улицу.

Кристер Малм занимался в «Миллениуме» художественным оформлением и версткой.

Вместе с Эрикой и Микаэлем он являлся совладельцем журнала, но сейчас находился со своим бойфрендом за границей.

– Звонил. Просил передавать приветы.

– Теперь ему придется взять на себя обязанности ответственного редактора.

– Ладно тебе, Микке. Как ответственный редактор, ты должен быть готов к тому, что время от времени будешь получать щелбаны. Это – часть твоих повседневных обязанностей.

– Согласен. Но теперь выходит, что я и автор текста, и ответственный редактор журнала, который этот текст опубликовал. Это все меняет. Я не могу судить здраво.

Эрика Бергер почувствовала, что тревога, которая не покидала ее весь день, нарастает. Накануне судебных слушаний Микаэль Блумквист и так, мягко говоря, был не в лучшем настроении, однако он не казался ей таким мрачным и потерянным, как сейчас, когда потерпел фиаско. Эрика обошла письменный стол, уселась на колени к Блумквисту и обняла за шею.

– Послушай, Микаэль. Мы оба с тобой абсолютно точно знаем, как все это произошло. Я так же ответственна, как и ты. Просто нужно переждать, пока шторм уляжется.

– Да что тут переждать-то? Этим приговором меня буквально казнили. Мне нельзя оставаться ответственным редактором «Миллениума». Нужно спасти репутацию журнала, и мы должны свести потери к минимуму. И ты понимаешь это не хуже меня.

– Я не позволю тебе взвалить на себя всю вину. Неужели за все эти годы ты так меня и не раскусил?

– Я прекрасно тебя раскусил, Рикки. Ты чересчур лояльна к своим сотрудникам. Будь твоя воля, ты бы сцепилась с адвокатами Веннерстрёма и дралась бы до потери пульса. Но нам надо быть мудрее.

– По-твоему, это мудро – бросить сейчас «Миллениум» и сделать вид, что я тебя выгнала?

– Мы уже сотни раз обсуждали это. Теперь только ты сможешь спасти «Миллениум». Кристер – парень что надо, но без хватки; он дока по части иллюстраций и верстки, но в битве с миллиардерами ему не сдюжить. Мне придется на время покинуть «Миллениум» – и как редактору и журналисту, и как члену правления. Моя доля перейдет к тебе. Веннерстрём в курсе, что я знаю о нем все, и он попытается прихлопнуть журнал, пока я нахожусь рядом с «Миллениумом». Такая борьба нам не по силам.

– А почему бы нам не выступить с публикацией о том, что произошло? Или – или!

– Потому что мы ни черта не сможем доказать и потому что я утратил доверие. Этот раунд выиграл Веннерстрём. Все позади, забудь.

– Хорошо, допустим, ты уйдешь отсюда. А что ты будешь делать?

– Мне просто нужен тайм-аут. Я совершенно измотан. Мне надо прийти в себя, а там посмотрим.

Эрика обняла Микаэля и крепко прижала его голову к своей груди. Несколько минут они сидели молча.

– Хочешь, я сегодня побуду с тобой? – спросила она.

Блумквист кивнул.

– Хорошо. Я уже позвонила Греггеру и сказала, что переночую у тебя.

Комнату освещал только уличный фонарь, отражавшийся в углу окна. Эрика уснула после двух часов ночи, а Микаэль лежал и в полумраке изучал ее профиль. Одеяло укрывало ее почти до талии, и он смотрел, как вздымается и опускается ее грудь. Он успокоился, ком в солнечном сплетении растворился. Эрика всегда влияла на него благотворно. И он знал, что и он так же влияет на нее.

«Надо же, целых двадцать лет», – подумал Микаэль.

Двадцать лет они вместе. И он не против, чтобы они занимались сексом по крайней мере еще столько же. Они никогда не пытались скрывать свою связь, хотя порой это очень осложняло им общение с окружающими. Блумквист знал, что всех вокруг интересует, какие у них на самом деле отношения. Они с Эрикой отделялись загадочными ответами и не обращали внимания на сплетни.

Они познакомились на вечеринке у общих знакомых. Тогда оба учились на втором курсе Высшей школы журналистики, и каждый из них имел постоянного партнера. В тот вечер они провоцировали друг друга и держались весьма фривольно. Возможно, они и флиртовать-то друг с другом начали шутки ради, он даже не помнил. Но прощаясь, они обменялись телефонами. Оба не сомневались, что окажутся в одной постели. Не прошло и недели, как они осуществили свои планы, втайне от своих партнеров.

Микаэль был уверен, что любовь здесь ни при чем – по крайней мере, в общепринятом ее понимании. Это не была любовь, которая ведет к общему дому, совместному погашению кредитов, рождественской елке и детям. В 80-е годы, когда оба чувствовали себя свободными, они подумывали начать жить вместе. Микаэль был не прочь, но Эрика в последний момент всегда давала задний ход. Она говорила, что ничего хорошего у них все равно не получится, а уж если они полюбят друг друга, то их отношения будут безнадежно испорчены.

Они оба считали, что их связь держится на сексе, или, точнее, на сексуальном помешательстве. Микаэль часто задумывался о том, возможно ли испытывать к женщине более страстное чувственное тяготение, чем он питал к Эрике. Они просто идеально подходили друг другу, а их отношения можно было сравнить с наркозависимостью.

Иногда они встречались очень часто и напоминали дружную пару, а иногда подолгу не виделись – целые недели и даже месяцы. Но как алкоголики, которые после вынужденного воздержания штурмуют винные прилавки, так и они всегда возвращались друг к другу – чтобы утолить жажду.

Конечно, это было чревато осложнениями. Подобные связи неизбежно причиняют боль. Они оба буквально сжигали за собой мосты – и оставляли позади несбывшиеся надежды и разочарования. Микаэль так и не смог заставить себя отказаться от Эрики – и в итоге ушел из семьи. Он, правда, никогда и не скрывал от своей жены Моники, что его связывают близкие отношения с Эрикой. Но жена наивно надеялась, что, раз они поженились и у них родилась дочь, он опомнится. Кстати, и Эрика почти тогда же вышла замуж за Грегера Бекмана.

Микаэль тоже так считал и в первые годы после женитьбы встречался с Эрикой только в связи с профессиональными вопросами. Потом они основали издательство «Миллениум» и после этого выдержали лишь неделю карантина. Как-то поздним вечером они занимались сексом прямо на ее письменном столе. После этого наступил мучительный период, когда Микаэлю хотелось жить с семьей и наблюдать, как подрастает его дочурка. Хотя в то же время его непреодолимо тянуло к Эрике, и он не мог себя контролировать. Конечно, если бы он по-настоящему захотел, то смог бы совладать с собою. Лисбет Саландер не ошиблась, предполагая, что Моника развелась с ним именно из-за его супружеской неверности.

Невозможно даже представить, но Грегера Бекмана эта ситуация, похоже, вполне устраивала. Эрика никогда не скрывала своих отношений с Микаэлем и немедленно призналась мужу в том, что связь возобновилась. Возможно, Грегер – слишком деликатная и художественно одаренная личность – был полностью поглощен собственным творчеством и сосредоточен только на самом себе, и поэтому он смирился с тем, что у его жены есть другой мужчина и она даже отпуск распределяет так, чтобы провести пару недель с любовником на его даче в Сандхамне. Грегер не слишком нравился Микаэлю, и он никак не мог понять, что связывает с ним Эрику. Но его все же радовало, что Бекман не возражает против того, чтобы его жена

любила одновременно их обоих.

Он подозревал, что, с точки зрения Грегера, связь жены с ее давним знакомым придает их браку особую пикантность. Впрочем, они эту тему никогда не обсуждали.

Микаэль никак не мог заснуть и около четырех часов утра понял, что ему это так и не удастся. Он сидел на кухне и еще раз, от начала до конца, внимательно изучал приговор. Ему казалось, что встреча на Архольме имела для него буквально судьбоносное значение. Он так и не разобрался, с какой целью Роберт Линдберг поделился с ним и выложил все про махинации Веннерстрёма – просто чтобы о чем-то потрепаться за рюмкой в каюте или специально допустил утечку информации.

Микаэль склонялся к первому варианту, но с таким же успехом Роберт из сугубо личных или коммерческих соображений мог пожелать навредить Веннерстрёму и просто воспользоваться удобным случаем, когда к нему на яхту попал знакомый и вполне внушаемый журналист. Впрочем, Роберт не был слишком пьян и в разгар беседы заставил Микаэля поклясться, что тот его не выдаст. И тогда Линдберг из сплетника превратился в анонимный источник информации. А значит, он мог говорить все, что угодно, но Микаэль не имел права его выдать.

Впрочем, Блумквист не сомневался: если какие-нибудь заговорщики специально устроили встречу на Архольме с целью привлечь его внимание, то Роберт – просто неподражаемый интриган. Однако их пути пересеклись там совершенно случайно.

Роберт даже не подозревал, насколько Микаэлю претят люди типа Ханса Эрика Веннерстрёма. По своему многолетнему опыту Блумквист знал, что почти все директора банков или знаменитые топ-менеджеры – негодяи и мошенники.

О Лисбет Саландер Микаэль никогда не слышал и пребывал в счастливом неведении относительно того, что в тот день она представила на него досье. Но если бы он ее послушал, то наверняка согласился бы с ней, когда Лисбет заявила, что его откровенное отвращение к денежным мешкам не связано с симпатиями к левым радикалам. Микаэля нельзя было назвать политически индифферентным, но к разным политическим «измам» он относился с большой настороженностью. Блумквист голосовал на выборах в риксдаг лишь однажды – в тысяча девятьсот восемьдесят втором году. Тогда он отдал свой голос за социал-демократов, и то только потому, что, на его взгляд, невозможно было бы терпеть еще три года Йосту Бумана^[32] в качестве министра финансов, а Турбьёрна Фельдина^[33] или, например, Улу Ульстена^[34] – на посту премьер-министра. Поэтому он, хотя и без особого энтузиазма, проголосовал за Улофа Пальме^[35]. А потом после убийства премьер-министра – за «Бофорс» и Эббе Карлссона^[36].

Микаэль терпеть не мог экономических обозревателей. Они, с его точки зрения, пренебрегали элементарными требованиями морали. Он считал, что уравнение решается очень просто. Директора банка, который растратил сто миллионов, увлекшись безрассудными спекуляциями, надо просто гнать в шею с работы. Предпринимателей, которые создают «дутые» компании, следует посадить за решетку. Домовладельца, который вынуждает молодежь оплачивать черным налом однушку с сортиром, необходимо подвергнуть общественному порицанию.

По мнению Блумквиста, задача экономической журналистики состоит в том, чтобы выявлять и разоблачать финансовых бонз, которые провоцируют банковские кризисы и растрачивают капиталы миноритарных акционеров на скупку бесконечных интернет-компаний. Он полагал, что экономические обозреватели обязаны наблюдать за главами предприятий с тем же неусыпным вниманием, с каким политические репортеры следят за каждым шагом министров и депутатов риксдага, каждая промашка которых может очень

дорого им обойтись.

Политические журналисты никогда бы не поклонялись никакому лидеру партии, как иконе. И Микаэль не мог понять, почему многие экономические обозреватели из ведущих средств массовой информации относятся к бездарным биржевым дельцам с обожанием, как к каким-нибудь рок-звездам.

Занимая столь нетипичную для экономической журналистики позицию, Блумквист когда-то рассорился с коллегами, причем конфликт этот стал достоянием общественности. Некоторые из них, в первую очередь Уильям Борг, стали его злейшими врагами. Микаэль посмел критиковать своих собратьев по журналистскому цеху за то, что те предают интересы своей профессии и потворствуют преуспевающим молодым финансистам. Вместе с ролью критика общественных пороков, разумеется, Микаэль заработал дополнительные очки. Его стали приглашать в качестве оппонента на телепередачи, чтобы он прокомментировал разоблачение какого-нибудь главы компании, растратившего миллиард или около того. Однако одновременно он нажил себе целую когорту непримиримых врагов.

Микаэль даже не сомневался, что нынешним вечером в редакциях некоторых средств массовой информации откупоривали бутылки шампанского. Его поражение многие воспринимали со злорадством.

Эрика разделяла его взгляды на роль журналистики. Когда-то, еще студентами факультета журналистики, они фантазировали, что будут работать в издании, которое будет придерживаться определенных принципов.

Конечно, Микаэль просто не мог представить себе другого шефа, кроме Эрики. Со своими коллегами она поддерживала теплые и доверительные отношения. И в то же время не избегала конфронтации и при необходимости проявляла железную волю. Благодаря хладнокровию и профессиональной интуиции Эрика безошибочно принимала решение о содержании нового номера.

Далеко не всегда они с Микаэлем придерживались единого мнения. Напротив, часто ссорились, но при этом безоговорочно доверяли друг другу и вдвоем составляли непобедимую команду. При этом Микаэль, настоящий трудоголик, добывал материалы, а она обрабатывала и обрамляла их.

«Миллениум» стал их общим детищем, но, как проект, никогда бы не реализовался, если бы она не раздобыла источники финансирования. Микаэль, выходец из рабочей среды, и Эрика, представительница высшего класса, составляли удачный союз. Она унаследовала кое-какие капиталы, которые вложила в этот проект, а потом уговорила отца и некоторых знакомых внести туда значительные суммы.

Микаэль часто размышлял над тем, почему Эрика занялась именно «Миллениумом». Конечно, быть совладельцем, а тем более мажоритарным владельцем и главным редактором собственного журнала – престижно. Тем более что никакое другое рабочее место не могло бы обеспечить ей журналистскую независимость. Окончив Высшую школу журналистики, Эрика, в отличие от Микаэля, дебютировала на телевидении. В ней был драйв, она была на редкость телегенична и могла бы бросить вызов кому угодно. Кроме того, она успешно контактировала с чиновниками и бюрократами. Останься Эрика на телевидении, то, бесспорно, сделала бы головокружительную карьеру на одном из каналов и зарабатывала бы куда больше, чем сейчас.

Вместо этого она добровольно выбрала «Миллениум» – очень рискованный, буквально на грани провального, проект, который начинался у черта на рогах – в тесных обшарпанных подвалах в районе Мидсоммаркрансен. Впрочем, «Миллениум» вполне преуспел. И в самом начале 1990-х годов они перебрались в центр, в просторные комфортабельные и уютные

помещения на холме Гётгатсбаккен, на Сёдермальме^[37].

Кстати, Эрика уговорила стать совладельцем журнала Кристера Мальма – знаменитого гея, который периодически устраивал сеансы эксгибиционизма, позировал репортерам со своим бойфрендом и часто фигурировал на страницах гламурных изданий. Он стал героем светской хроники после того, как съехался с Арнольдом Магнуссоном, называемым Арн, – артистом, который дебютировал в Королевском драматическом театре, но успеха добился, лишь когда согласился сыграть самого себя в модном реалити-шоу. Отношения Кристера с Арном стали в прессе чем-то вроде нескончаемого сериала.

К тридцати шести годам Кристер Мальм обрел популярность как профессиональный фотограф и дизайнер. Он придал выпускам «Миллениума» привлекательный и современный графический вид. Его собственный офис располагался на том же этаже, что и редакция «Миллениума», а в журнале он работал по совместительству, одну неделю в месяц.

В редакции на постоянной основе трудились два сотрудника, и еще трое – по совместительству. Еще одна должность предназначалась для практикантов, которые постоянно менялись.

«Миллениум» по-настоящему никогда не был коммерческим проектом, но благодаря сотрудникам, которые любят свою работу, он завоевал свое место в издательской нише.

Ощутимой прибыли от «Миллениума» ждать не приходилось, но свои расходы журнал окупал, а тираж и доходы от рекламы постоянно росли. Журнал заслужил репутацию серьезного и надежного издания, вызывающего доверие.

Но теперь, похоже, ситуация изменится. Микаэль еще раз пробежал глазами краткий пресс-релиз, который они с Эрикой составили накануне вечером и передали через телеграфное агентство «ТТ», его уже выложили на сайте газеты «Афтонбладет».

ОСУЖДЕННЫЙ РЕПОРТЕР ПОКИДАЕТ «МИЛЛЕНИУМ»

Стокгольм («ТТ»). Журналист Микаэль Блумквист покидает пост ответственного издателя журнала «Миллениум», сообщает Эрика Бергер, главный редактор и основной владелец издания.

Микаэль Блумквист решил оставить «Миллениум» по собственному желанию.

По словам Эрики Бергер, которая теперь взяла на себя роль ответственного издателя журнала, его потрясли драматические события последнего времени, и ему пришлось сделать перерыв.

Микаэль Блумквист стал в 1990 году одним из основателей журнала «Миллениум». По мнению Эрики Бергер, так называемое дело Веннерстрёма не окажет негативного влияния на будущее журнала.

«В следующем месяце журнал выйдет согласно графику, – уверяет Эрика Бергер. – Роль Микаэля Блумквиста в жизни и становлении журнала трудно переоценить, но теперь мы перелистываем эту страницу».

Эрика Бергер считает дело Веннерстрёма просто роковым стечением обстоятельств. Она сожалеет о неприятностях, доставленных Хансу Эрику Веннерстрёму. Получить комментарии от Микаэля Блумквиста не удалось.

– Это просто кошмар какой-то, – сказала Эрика, после того как они отослали пресс-релиз по электронной почте. – Большинство решит, что ты просто лох и дурень, а я хладнокровная змеюка, которая воспользовалась случаем, чтобы тебя ужалить.

– Если учесть, какие слухи о нас и без того ходят, наши друзья обрадуются – мы подбросили им новый повод для сплетен, – попытался отшутиться Микаэль.

Но Эрике было не до шуток.

– У меня нет другого плана, но, по-моему, мы делаем что-то не так.

– У нас просто нет выхода, – возразил Блумквист. – Если журнал разорится, то все наши усилия окажутся напрасны. Ты ведь знаешь, что мы уже потеряли львиную долю доходов... Кстати, что там у нас с компьютерной фирмой?

Эрика вздохнула:

– Утром они заявили, что не будут размещать рекламу в январском номере.

– Веннерстрём владеет у них солидным пакетом акций. Этого следовало ожидать.

– Ничего страшного, есть и другие клиенты. Веннерстрём хоть и финансовый магнат, но все-таки он владеет не всем и не всеми... У нас есть и свои контакты.

Микаэль обнял Эрику и притянул к себе:

– Наступит день, и мы так врежем Хансу Эрику Веннерстрёму, что на Уолл-стрит все вздрогнут. Но не сегодня. Сейчас мы обязаны вывести «Миллениум» из-под удара, чтобы читатели не утратили доверия к журналу. Этим мы не можем рисковать.

– Я все понимаю! Но если мы с тобой сделаем вид, что расстаемся, то я буду выглядеть жуткой стервой... Да и ты окажешься в нелепой ситуации.

– Рикки, у нас есть шанс, пока мы с тобой доверяем друг другу. Будем действовать, полагаясь на интуицию... А пока нам придется отступить.

Ей пришлось согласиться. Невозможно было устоять перед хладнокровной и суровой логикой Микаэля.

Глава 4

Понедельник, 23 декабря – четверг, 26 декабря

На выходные Эрика осталась у Микаэля. Постель они покидали в основном лишь для того, чтобы сбежать в туалет и приготовить поесть. Но занимались они не только любовью. Часами лежали, обсуждая будущее, оценивали разные варианты, взвешивали свои возможности и шансы. В понедельник, как только рассвело и наступил канун Сочельника, Эрика поцеловала его, попрощалась до следующего раза – и отправилась домой, к мужу.

Блумквист провел понедельник очень плодотворно – он мыл посуду и убирал квартиру, а затем отправился в редакцию, чтобы забрать свои вещи из кабинета. Микаэль ни секунды не сомневался, что еще вернется в журнал. Просто ему в конце концов удалось убедить Эрику, что он вынужден на некоторое время отдалиться от «Миллениума». А пока он намерен работать, сидя у себя дома, на Бельмансгатан.

Микаэль находился в редакции один. Офис уже закрыли на Рождество, и все сотрудники разбежались – кто куда. Он сортировал бумаги и книги, укладывая их в коробку, чтобы взять с собой.

Вдруг зазвонил телефон.

– Я хотел бы поговорить с Микаэлем Блумквистом. Это возможно? – робко спросил незнакомый голос на другом конце провода.

– Я слушаю.

– Извините, что беспокою вас накануне праздника. Меня зовут Дирк Фруде.

Микаэль машинально записал имя собеседника и время звонка.

– Я адвокат и представляю клиента, который очень хотел бы с вами встретиться.

– Ну так попросите его позвонить мне.

– Я имею в виду, что он хотел бы встретиться с вами лично.

– Хорошо, давайте назначим время, и пусть он подойдет ко мне в офис. Только поспешите – я как раз освобождаю свое рабочее место.

– Мой клиент очень просит вас приехать к нему. Он живет в Хедестаде – на поезде всего три часа.

Микаэль буквально остолбенел – он даже перестал перебирать бумаги. Массмедиа обычно притягивают самых разных маньяков, которые звонят по поводу и без. В редакциях газет и журналов, телерадиовещательных компаний и информагентств постоянно раздаются звонки от уфологов, графологов, сайентологов, конспирологов и попросту параноиков. И так по всему земному шару.

Однажды в Образовательном центре Микаэль слушал лекцию писателя Карла Альвара Нильссона^[38], посвященную годовщине убийства премьер-министра Улофа Пальме. Лекция была вполне серьезная, на ней присутствовали Леннарт Будстрём^[39] и другие старые друзья Пальме. Но там же присутствовало и несметное количество «частных сыщиков». В их числе была женщина примерно сорока лет, которая, как только докладчику начали задавать вопросы, схватила микрофон и понизила голос до еле слышного шепота, что само по себе предвещало драматическое развитие событий. И никто даже не удивился, когда женщина заявила: «Я знаю, кто убил Улофа Пальме». С трибуны ей подыграли: уж коль скоро женщина обладает такой уникальной информацией, не согласится ли она поделиться ею с комиссией, расследующей убийство Пальме? Но женщина немедленно парировала, также шепотом: «Не могу – это

слишком опасно!»

Микаэль предположил, что, возможно, Дирк Фруде – один из таких дотошных правдоискателей и, возможно, он стремится сообщить о суперсекретной психушке, где служба госбезопасности проводит эксперименты по контролю над мозгом.

– Я не езжу к клиентам, – коротко ответил Микаэль.

– Но я вас очень прошу: сделайте, пожалуйста, исключение. Моему клиенту за восемьдесят, и поездка в Стокгольм для него чрезвычайно утомительна. Если вы будете настаивать, мы, разумеется, сможем устроить все как-нибудь по-другому, но было бы очень желательно, чтобы именно вы пошли нам навстречу...

– Кто ваш клиент?

– Подозреваю, что вам доводилось слышать о нем. Мой клиент – Хенрик Вангер.

Ошеломленный Микаэль откинулся на спинку кресла. Разумеется, он слышал о Хенрике Вангере – промышленнике и экс-генеральном директоре концерна «Вангер». Его имя и фамилия в свое время ассоциировались с лесопилками, добычей полезных ископаемых, металлургией и легкой промышленностью, производством и экспортными операциями. В свое время Хенрик Вангер был вполне преуспевающим предпринимателем, у него была репутация порядочного и старомодного патриарха, не подвластного никаким новым веяниям. Он был одним из столпов шведской экономики и самых респектабельных представителей старой школы. Можно сказать, что в период пребывания социал-демократов у власти он наряду с Маттсом Карлгренем^[40] из бумажного концерна «МоДо» и Хансом Вертенем^[41] из старого «Электролюкса» составлял стеновой хребет шведской промышленности.

Однако за последние четверть века концерн «Вангер», который все еще являлся семейным предприятием, утратил былое величие – структурные трансформации, биржевые кризисы, крахи инвестиций, конкуренты из Азии, экспортные неурядицы и другие беды изрядно потрепали клан Вангеров. Сегодня предприятие возглавлял Мартин Вангер – это имя у Микаэля ассоциировалось с корпулентным и пышноволосям мужчиной, как-то раз промелькнувшим на телеэкране, хотя он и представлял его себе довольно смутно. Хенрик Вангер уже наверняка лет двадцать как вышел в тираж, и Микаэль даже не знал, что тот еще жив.

– С какой стати Хенрик Вангер хочет со мной встретиться? – с искренним изумлением спросил он.

– Простите меня. Я – адвокат Хенрика Вангера уже много лет, но поделиться с вами своими планами он должен сам. Я лишь уполномочен сообщить, что Хенрик Вангер намерен предложить вам работу.

– Работу? Но я вовсе не намерен работать на Хенрика Вангера. Вам что, нужен пресс-секретарь?

– Нет-нет, речь идет о другой работе. Не знаю, как объяснить... Могу лишь сказать, что Хенрик Вангер очень хотел бы встретиться с вами и получить консультацию по личному вопросу.

– Звучит не слишком понятно.

– Простите меня. Но могу ли я все же надеяться уговорить вас приехать в Хедестад? Разумеется, мы компенсируем дорожные расходы и выплатим вам достойный гонорар.

– Сказать по правде, ваш звонок сейчас не очень кстати. Я страшно занят... Вы наверняка знаете, что обо мне пишут в последние дни?

– Вы о деле Веннерстрёма? – Дирк Фруде на другом конце провода усмехнулся. – Да-да, конечно. Все это очень занимательно. Но, честно говоря, именно резонанс от процесса и привлек к вам внимание Хенрика Вангера.

– Вот как? И когда же Хенрик Вангер хотел бы, чтобы я нанес ему визит? – поинтересовался

Микаэль.

– Чем раньше, тем лучше. Завтра Сочельник, и это время вряд ли будет удобным. А как насчет второго дня Рождества? Или между Рождеством и Новым годом?

– То есть это срочно. Сожалею, но раз вы не можете сказать мне о цели визита ничего конкретного, то...

– О, уверяю вас, что все это очень серьезно. Никаких розыгрышей. Хенрик Вангер хочет получить консультацию от вас, и ни от кого другого. Если вас это заинтересует, он готов поручить вам важное задание. Я всего лишь посредник. Он сам вам все объяснит.

– Давно я не вел таких бессмысленных разговоров... Мне нужно подумать. Как я могу с вами связаться?

Микаэль положил трубку на рычаг и по-прежнему сидел, созерцая беспорядок на столе. Он никак не мог взять в толк, с какой стати понадобился Хенрику Вангеру. Собственно говоря, ему вовсе не хотелось ехать в Хедестад, но адвокат Дирк Фруде слишком заинтриговал его.

Блумквист включил компьютер, загрузил «Гугл» и ввел в поле поиска «предприятия Вангера». Ему в ответ выдали сотни сайтов и ссылок – концерн «Вангер» хоть и сдал свои позиции, но по-прежнему ежедневно привлекал внимание прессы. Микаэль скопировал примерно дюжину статей, в которых анализировалась деятельность концерна. А затем по очереди набрал в графе «поиск» имена Дирка Фруде, Хенрика Вангера и Мартина Вангера.

Последний многократно упоминался в качестве нового генерального директора предприятий Вангера. Об адвокате Дирке Фруде удалось раздобыть не так много информации: он оказался членом правления гольф-клуба в Хедестаде и о нем упоминали в связи с «Ротари-клубом»^[42]. А Хенрик Вангер стал историческим персонажем: он фигурировал только в материалах о прошлом концерна. А еще региональная газета «Хедестадс-курирен» два года назад в связи с восьмидесятилетним юбилеем экс-магната опубликовала его краткую биографию. Микаэль распечатал несколько текстов, в которых, как ему показалось, содержалось самое важное, и у него получилось досье страниц на пятьдесят. Затем он наконец разобрал свой стол, упаковал коробки для перевозки и отправился домой. Блумквист не знал, когда вернется сюда, – да и не был уверен, вернется ли вообще.

А Лисбет Саландер в вечер Сочельника находилась в реабилитационной клинике «Эппельвикен» в городке Уппландс-Весбю^[43]. Она накупила рождественские подарки: туалетную воду «Диор» и английский рождественский бисквит из супермаркета «Оленс». Лисбет пила кофе и смотрела на сорокашестилетнюю женщину, которая пыталась развязать узелок на упаковке подарка. Саландер смотрела на нее с нежностью, хотя по-прежнему не могла поверить в то, что эта чужая женщина напротив – ее мать. При всем желании она не могла найти никакого сходства – ни внешнего, ни внутреннего.

Мать отчаялась развязать узелок и теперь сидела, беспомощно уставясь на пакет с подарками. Да, не повезло ей... Лисбет протянула ей ножницы, все время лежавшие на столе на самом видном месте, и мать расцвела в улыбке, словно вынырнула из забвения.

– Ты, наверное, считаешь меня дурехой!

– Нет, мама. Никакая ты не дуреха. Просто нет в жизни справедливости.

– Ты виделась с сестрой?

– Очень давно.

– Она меня никогда не навещает.

– Знаю. Меня она тоже не навещает.

– Ты работаешь?

– Да, мама. У меня все нормально.

– А где ты живешь? Я ведь даже не знаю, где ты живешь.

– Я живу в твоей старой квартире на Лундагатан. Уже несколько лет. Я заключила контракт на свое имя.

– Может, летом я навещу тебя...

– Конечно-конечно. Летом обязательно.

Мать наконец распаковала пакет и теперь с удовольствием вдыхала аромат туалетной воды.

– Спасибо, Камилла, – сказала она.

– Мама, я Лисбет. Камилла – это моя сестра.

Мать смутилась, и Лисбет предложила ей пойти посмотреть телевизор.

А Микаэль Блумквист проводил Сочельник с дочерью Перниллой на вилле в пригороде Соллентуна – у бывшей жены Моники и ее нового мужа. Они смотрели диснеевские мультики про Калле Анку. Микаэль привез Пернилле рождественские подарки. Они с Моникой посоветовались и решили подарить дочери цифровой mp3-плеер – айпод, размером чуть больше спичечного коробка, который тем не менее мог вместить всю коллекцию дисков Перниллы. А коллекция у нее была весьма обширная, вот и подарок оказался довольно дорогим.

Отец с дочерью провели вдвоем около часа в детской на втором этаже. Микаэль развелся с Моникой, когда дочери было пять лет, а в семь лет у нее появился новый папа. Блумквист не избегал контактов с дочерью – они с Перниллой встречались примерно раз в месяц. Летом дочь проводила неделю на его даче в Сандхамне. Моника не пыталась препятствовать контактам дочери с отцом, да и Пернилла с удовольствием общалась с Микаэлем. Как правило, они прекрасно ладили. Но Блумквист оставлял за дочерью право решать, насколько часто она хочет с ним общаться, особенно после второго брака Моники. Когда у Перниллы наступил тинейджерский возраст, они почти не виделись. Но в последние годы ей хотелось чаще встречаться с отцом.

Дочь следила за судебным процессом и не сомневалась, что все обстоит именно так, как твердил Микаэль: он невиновен, но доказать обратное не смог.

Она поделилась с ним: у нее, возможно, появился бойфренд из параллельного класса гимназии. Микаэля потрясло то, что она считает себя верующей и начала посещать местную церковную общину. Но он воздержался от комментариев.

Микаэля пригласили остаться на ужин, но он отказался, поскольку уже условился с сестрой, что проведет Сочельник с ее семьей на вилле, расположенной в респектабельном районе Стэкет.

Утром Микаэля также пригласили отпраздновать Рождество с Эрикой и ее мужем в пригороде Сальтшёбаден^[44]. Он отказался, считая, что хотя Грегер Бекман и снисходительно относится к любовным треугольникам, но все-таки не следует преступать черту. И лично ему не хотелось выяснять, где именно находится эта черта. Эрика спорила с ним: приглашение исходит как раз от ее мужа, «а ты, дорогой, как раз избегаешь настоящего треугольника». Микаэль засмеялся – Эрика знала, что он исключительно гетеросексуален. И все же отказался проводить Сочельник в компании с ее супругом.

В конце концов Микаэль позвонил в дверь своей сестре – Аннике Блумквист, в замужестве Джаннини. Она, ее итальянский муж, двое детей и многочисленная родня мужа как раз разрезали рождественский окорок. За ужином он отвечал на вопросы о суде и выслушивал разные доброжелательные и совершенно бестолковые советы.

И только сестра Микаэля не комментировала приговор – но, с другой стороны, в этой компании она была единственным адвокатом. Изучив юриспруденцию, Анника несколько лет

работала в качестве секретаря судьи и помощника прокурора, а затем вместе с несколькими друзьями открыла собственную адвокатскую контору с офисом в самом центре Стокгольма, в Кунгсхольмене. Анника стала специалистом по семейному праву, и Микаэль даже не обратил внимания, как это произошло, – но его младшая сестра начала появляться в газетах и на телеэкране в качестве известной феминистки и адвоката. Она часто защищала права женщин, которых преследовали или которым угрожали бывшие мужья или бойфренды.

Когда Микаэль помогал сестре приготовить кофе, она взяла его под локоть и спросила, как он себя чувствует. Блумквист ответил: «Как мешок с дерьмом».

– В следующий раз нанимай грамотного адвоката, – дала она совет.

– В моем случае адвокат вряд ли помог бы.

– Но что, собственно говоря, произошло?

– Давай поговорим об этом в следующий раз, сестричка.

Аника обняла его и поцеловала в щеку, после чего они присоединились ко всей компании, держа в руках кофейные чашки и рождественские бисквиты.

Около семи вечера Микаэль извинился и попросил разрешения воспользоваться телефоном на кухне. Он позвонил Дирку Фруде. В трубке у того раздавались чьи-то голоса.

– Поздравляю вас с Рождеством! – приветствовал его адвокат. – Ну и что вы решили?

– Я сейчас не у дел, а вам удалось меня заинтриговать. Если вы не возражаете, я приеду сразу после Рождества.

– Что ж, это просто здорово! Вы меня очень обрадовали... Простите, но у меня сейчас гости – дети и внуки, и я почти ничего не слышу из того, что вы говорите. Если позволите, я позвоню вам завтра и мы договоримся о времени.

Позже Микаэль сожалел о своем решении; он уже тем же вечером передумал ехать в Хедебю, но позвонить и отменить свой визит постеснялся. Так что утром, на второй день Рождества Блумквист сел на поезд, идущий на север. У него были водительские права, но купить машину он так и не собрался.

Фруде оказался прав – добирался Микаэль недолго. Проехав Уппсалу, поезд помчался мимо промышленных городков вдоль побережья Ботнического залива. Хедестада оказался самым крошечным из них; он находился примерно в часе езды к северу от Евле.

Ночью разыгралась нешуточная метель, но когда Блумквист вышел из поезда, все стихло. Морозный воздух обжигал кожу. Микаэль пожалел о том, что оделся слишком легко – не по погоде для зимнего Норрланда, – но Дирк Фруде, который сразу же узнал его, перехватил его на перроне и усадил в теплый «Мерседес».

Большие снегоуборочные машины загрохотали на улицах Хедестада, и Фруде осторожно лавировал между ними. Снег, в отличие от Стокгольма, придавал окрестностям причудливый вид, словно здесь был какой-то чужой, совершенно другой мир. А ведь Микаэль находился всего в трех часах езды от Сергельсторгет^[45]. Он взглянул на адвоката: угловатое лицо, редкие, коротко стриженные седые волосы, очки с толстыми стеклами на внушительном носу.

– Вы впервые в Хедестаде? – спросил Фруде.

Микаэль кивнул.

– Старый индустриальный портовый город... Народу здесь живет немного, всего двадцать четыре тысячи жителей. Но людям здесь нравится. Хенрик живет в Хедебю – прямо на въезде в город, с южной стороны.

– И вы тоже там живете?

– Да, я тоже, так уж получилось. Я родился в Сконе^[46] и пришел работать к Вангеру сразу же после университета, в шестьдесят втором году. Я юрист в области бизнеса, и с годами

мы с Хенриком подружились. Сейчас я уже на пенсии, и Хенрик – мой единственный клиент. Он, естественно, тоже пенсионер и не слишком часто ангажирует меня.

– Но иногда вам все же приходится хватать за шкуру журналистов с подмоченной репутацией...

– Не переживайте. Вы не первый и не последний, кто проиграл в матче против Ханса Эрика Веннерстрёма.

Микаэль покосился на Фруде, не зная, как ему отнестись к этой реплике.

– Вы пригласили меня сюда в связи с Веннерстрёмом? – спросил он.

– Нет, – ответил Фруде. – Но Хенрик Вангер не относится к кругу друзей Веннерстрёма. Он с интересом следил за процессом. Однако с вами он хочет встретиться совсем не по этому поводу.

– Вы что-то темните...

– Вовсе нет. Просто я не уполномочен рассказывать об этом. Вы сможете переночевать в доме у Хенрика Вангера. Если же не захотите, мы снимем вам номер в гостинице; это в самом центре города.

– Возможно, сегодня же вечером я вернусь в Стокгольм.

Когда они въезжали в Хедебю, снег еще не убрали, и Фруде с трудом вел машину по скользкой снежной трассе. Вдоль Ботнического залива выстроились классические деревянные здания, старые, столь свойственные заводским поселениям побережья. Их окружали виллы – более внушительные и более новые. Город начинался на материке, а затем продолжался за мостом на холмистом острове. На материковой стороне, возле опоры моста, располагалась маленькая церковь из белого камня, а напротив светилась допотопная неоновая реклама «Кафе и пекарня Сусанны». Машина проехала еще примерно сотню метров и, свернув налево, оказалась во дворе, расчищенном от снега. Каменная усадьба была не слишком велика по сравнению с окружающими постройками, но ее солидный вид явно указывал на то, что в ней обитает настоящий хозяин.

– Ну, вот и владения Вангеров, – сказал Дирк Фруде. – Когда-то здесь было много народу и кипела жизнь, а сейчас в доме живут только Хенрик и домоправительница. Но в гостевых комнатах недостатка нет.

Они вышли из машины. Фруде показал на север:

– Традиционно глава концерна «Вангер» всегда жил здесь, но Мартин – приверженец современных тенденций, вот и построил себе другую виллу, в самом конце мыса.

Микаэль огляделся. Он никак не мог понять, с какой стати согласился принять приглашение адвоката Дирка Фруде. И решил во что бы то ни стало вернуться в Стокгольм этим же вечером.

Они еще не успели подняться по каменной лестнице, ведущей к дому, как перед ними отворилась дверь. Микаэль сразу узнал Хенрика Вангера – он видел его фотографии в Сети.

Судя по фотографиям, он должен был выглядеть моложе, но для своих восьмидесяти двух лет старик и сейчас казался на редкость подтянутым: стройный, со скульптурным обветренным лицом и зачесанной назад пышной сединой, – мужчины в его семье явно не были склонны к облысению. Он был одет в безупречно отглаженные темные брюки, белую рубашку и выдавший виды коричневый свитер. Лицо его украшали тонкие усы и изящные очки в стальной оправе.

– Я – Хенрик Вангер, – поздоровался он. – Спасибо, что согласились приехать.

– Привет! Ваше приглашение оказалось для меня полной неожиданностью.

– Проходите в дом, здесь тепло. Я приготовил для вас гостевую комнату. Не хотите ли немного освежиться? Ужинать будем попозже. Это Анна Нюгрен, она опекает меня и заботится обо мне.

Микаэль коротко пожал руку миниатюрной женщине лет шестидесяти. Та взяла его пальто,

повесила в шкаф и предложила Микаэлю тапочки – как защиту от холода и сквозняков.

Микаэль поблагодарил ее и повернулся к Хенрику Вангеру:

– Не уверен, что останусь на ужин. Но все будет в какой-то степени зависеть от того, что вы задумали.

Хенрик Вангер и Дирк Фруде переглянулись. Похоже, эти двое понимают друг друга без слов.

– Боюсь, что мне придется оставить вас, – сказал адвокат. – Мне пора домой, иначе мои внуки раздракуют весь дом. – Обращаясь к Микаэлю, он пояснил: – Я живу за мостом направо, в пяти минутах ходьбы. Это за кондитерской, третий дом в сторону воды. Если я буду нужен, звоните.

Между тем Микаэль опустил руку в карман и включил магнитофон.

«Что со мной? Неужели я уже стал параноиком?» – подумал он.

Блумквист даже не догадывался, что от него могло понадобиться Хенрику Вангеру. Но после склоки с Хансом Эриком Веннерстрёмом он решил фиксировать все происходящее вокруг него из ряда вон выходящие события, а неожиданное приглашение в Хедестад определенно было именно таким.

Экс-магнат на прощание похлопал Дирка Фруде по плечу, закрыл за ним входную дверь, а потом обратился к Микаэлю:

– Что ж, давайте перейдем прямо к делу. Уверю вас, это вовсе не игра. Мне нужно с вами кое-что обсудить. Но боюсь, что мне не удастся изложить вам все кратко, так что нам потребуется немало времени. Только я очень прошу вас – дослушайте меня до конца и только потом принимайте решение. Мне очень нужны услуги журналиста. Ваши услуги. Анна принесла кофе в мой кабинет; поднимемся на второй этаж.

Хенрик Вангер показал дорогу, и Микаэль последовал за ним. Они вошли в прямоугольный кабинет, примерно около сорока квадратных метров, находящийся в торце дома. Вдоль высокой стены – от пола до потолка метров десять – располагались книжные полки, уставленные самыми разными изданиями: романы и новеллы, биографии, книги по истории, справочники по торговле и промышленности, а также увесистые папки с документами. Книги располагались хаотично, но, похоже, стеллажом пользовались, и Микаэль пришел к выводу, что Хенрик Вангер любит читать. Вдоль противоположной стены возвышался письменный стол из темного дуба, расположенный так, чтобы сидящий за ним был обращен лицом к комнате. На стене педантичными рядами в застекленных рамках висела коллекция засушенных цветов.

Из окна в торце открывался вид на мост и церковь. Возле окна стояли диван, мягкие кресла и журнальный столик, который Анна устала чашками, термосом, домашними булочками и печеньем.

Вангер жестом пригласил гостя сесть, но Микаэль не отреагировал. Он с любопытством прошелся по комнате, осмотрел сначала книжные полки, а затем и стену с цветами. На письменном столе все было аккуратно прибрано, бумаги лежали стопкой. На краю стола в рамке стояла фотография красивой темноволосой девушки с задорным взглядом.

«Эта барышня в возрасте, когда они становятся опасными», – подумал Микаэль. Фотография, видимо, была сделана во время конфирмации. Она выцвела и выглядела очень ветхой. До Микаэля вдруг дошло, что Хенрик Вангер наблюдает за ним.

– Ты ее помнишь, Микаэль? – спросил он.

– Помню? – Блумквист удивленно вздыбил брови.

– Да, вы ведь с нею встречались. Ты уже бывал в этой комнате.

Микаэль огляделся и покачал головой.

– Прости, конечно, но ты не можешь это помнить. Я знал твоего отца. В пятидесятые-шестидесятые годы я неоднократно приглашал Курта Блумквиста налаживать и чинить оборудование. Он был очень одаренным технарем. Я пытался уговорить его учиться и стать инженером. Ты провел здесь все лето шестьдесят третьего года, мы тогда меняли оборудование на бумажном комбинате в Хедестаде. Нам не удалось найти жилье для вашей семьи, и мы поселили вас в маленьком деревянном доме через дорогу. Его видно отсюда, из окна.

Хенрик Вангер подошел к письменному столу и взял в руки портрет.

– Это Харриет Вангер, внучка моего брата Рикарда Вангера. Она присматривала за тобой в то лето. Тебе должно было исполниться три года. Или уже было три – я точно не помню. А ей было двенадцать.

– Извините... я совершенно не помню все то, о чем вы сейчас рассказываете.

На секунду Микаэлю даже показалось, что Хенрик Вангер его обманывает.

– Понимаю. Зато я тебя помню. Ты бегал тут по двору, а Харриет бегала вслед за тобой. Я слышал, как ты кричал, когда спотыкался обо что-нибудь. Помню, как-то раз я подарил тебе игрушку – желтый металлический трактор, с которым я и сам играл в детстве. Он тебе очень понравился. Думаю, что больше всего тебе пришелся по душе его цвет.

Микаэль буквально похолодел. Он действительно помнил желтый трактор. Даже когда он уже повзрослел, трактор по-прежнему украшал полку его комнаты.

– Ты вспомнил?.. Вспомнил эту игрушку?

– Да, помню... Вам, возможно, будет приятно узнать, что этот трактор все еще жив. Он хранится в Музее игрушек, на Мариаторгет в Стокгольме. Я передал его туда лет десять лет назад, когда они разыскивали аутентичные детские игрушки.

– Неужели?

Хенрик Вангер усмехнулся. Было видно, что он очень доволен.

– Давай я покажу тебе...

Он подошел к стеллажу и вытащил с одной из нижних полок фотоальбом. Микаэль заметил, что нагнулся Хенрик с трудом, а чтобы распрямиться, ему пришлось опереться о стеллаж. Вангер жестом предложил Микаэлю сесть на диван, а сам стал листать альбом. Он знал, что ищет. Вскоре Хенрик, положив альбом на журнальный столик, указал на черно-белую фотографию, явно любительскую. В нижнем углу виднелась тень фотографа. А на переднем плане стоял маленький светловолосый мальчуган в шортах, растерянно и немного испуганно уставившийся прямо в камеру.

– Тебя щелкнули в то самое лето. Твои родители сидят на заднем плане. Твоя мама слегка закрыла Харриет, а мальчик слева от твоего отца – брат Харриет, Мартин Вангер, который сейчас возглавляет концерн «Вангер».

Конечно же, Микаэль сразу узнал своих родителей. Мать на поздней стадии беременности, значит, сестра уже скоро появится на свет. Разглядывая фотографию, он даже немного расстроился. А тем временем Хенрик Вангер налил кофе и подвинул к гостю тарелку с булочками.

– Я знаю, что твой отец умер. А мать? Она жива?

– Нет, умерла три года назад, – ответил Микаэль.

– Она была славная женщина. Я очень хорошо ее помню.

– Я уверен, что вы пригласили меня к себе не для того, чтобы разговаривать о моих родителях.

– Да, ты, безусловно, прав. Я много дней готовился к разговору с тобой, но сейчас, когда ты наконец-то сидишь рядом со мной, даже не знаю, с чего начать... Я не сомневаюсь, что перед поездкой сюда ты навел обо мне кое-какие справки – и знаешь, что в свое время я пользовался

авторитетом в среде шведских промышленников и работодателей. Теперь я уже дряхлый старик, и жизнь моя подходит к концу. Так что смерть как раз и станет основной темой нашей с тобой беседы.

Микаэль отхлебнул глоток черного кофе. Интересно, чем закончится вся эта история?

– У меня болит бедро, и долгие прогулки мне не по силам. Когда-нибудь ты и сам это поймешь: наступает такой возраст, когда тебя начинают покидать силы. Хотя я не болен и не впал в маразм. Признаюсь, я не думаю о смерти постоянно, но в мои годы следует иметь в виду, что время на исходе. Наступает такая минута, когда хочется подвести черту под сделанным, а недоделанное – завершить. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

Микаэль кивнул. Хенрик Вангер изъяснялся четко, и голос у него ни разу не дрогнул. Блумквист уже не сомневался в том, что его собеседник вовсе не слабоумен и мыслит вполне здраво.

– Больше всего мне хотелось бы сейчас узнать, по какой причине я оказался здесь, – повторил он.

– Я пригласил тебя сюда, потому как надеюсь, что ты pomoжешь мне подвести эту самую черту. У меня осталось несколько незавершенных дел.

– Но почему вы выбрали именно меня? Я имею в виду... Почему вы решили, что именно я смогу вам помочь?

– Видишь ли... Именно тогда, когда я решил кого-нибудь нанять, я услышал твое имя в связи с делом Веннерстрёма. Я же знал, кто ты. Может, еще и потому, что ты еще ребенком сидел у меня на коленях...

В знак протеста он замахал рукой.

– Нет-нет, не пойми меня превратно. Я вовсе не рассчитываю, что ты pomoжешь мне из сентиментальных соображений. Просто объясняю, почему решил связаться именно с тобой.

Микаэль дружелюбно рассмеялся:

– Да, хотя я и совершенно не помню, что сидел у вас на коленях. Но как вы меня вычислили? Как вы узнали, где я и чем занимаюсь? Ведь с тех самых пор, с самого начала шестидесятых, мы с вами не встречались.

– Прости, но я не успел все объяснить. Вы переехали в Стокгольм, когда твоего отца назначили на должность руководителя мастерской на заводе «Зариндерс механика». Это было одно из многих предприятий концерна «Вангер», и я устроил его на эту работу. И хотя у него не было образования, я знал, что он справится. В те годы мы с твоим отцом частенько виделись, когда я бывал на «Зариндерс». Мы не были близкими друзьями, но когда встречались, всегда останавливались поболтать. В последний раз я видел его за год до кончины, и он поделился со мной, сказал, что ты поступил в Высшую школу журналистики. Он очень гордился тобой. Вскоре после этого вся Швеция узнала о тебе – ты прославился в связи с бандой грабителей, Калле Блумквист и все такое прочее. Я следил за тобой все эти годы и прочел много твоих статей. Имей в виду, я довольно часто читаю «Миллениум».

– Хорошо, я все понял. Но что именно вы хотели бы мне поручить?

Хенрик Вангер опустил взгляд и затем отхлебнул кофе. Похоже, ему требовалась краткая передышка, чтобы затем перейти к сути дела.

– Микаэль, перед тем как я смогу посвятить тебя в курс дела, я бы хотел заключить с тобой договор. Мне надо, чтобы ты сделал для меня две вещи. Причем они тесно взаимосвязаны.

– Но о каком договоре идет речь?

– Я расскажу тебе историю в двух частях. Первая из них – о семье Вангеров. Это предисловие, оно будет пространным и мрачным, но я постараюсь рассказать тебе

только то, что происходило на самом деле, в реальности, без фантазии и прикрас. А во второй части я изложу тебе свою непосредственную просьбу. Вполне возможно, что некоторые фрагменты в моем рассказе покажутся тебе... чересчур жуткими. Важно, чтобы ты выслушал мою историю до конца – прежде чем решишь, берешься за эту работу или нет.

Микаэль вздохнул. Он уже не сомневался, что Хенрик Вангер не намерен четко и кратко изложить свою просьбу, и вряд ли он отпустит его на вечерний поезд. Может случиться и так, что если он позвонит Дирку Фруде с просьбой отвезти его на станцию, тот ответит, что двигатель машины замерз и не заводится.

Вангер наверняка потратил массу времени, чтобы обдумать, каким образом расставить ему западню. Теперь уже Микаэль не сомневался: все, что произошло с момента, когда он вошел в кабинет Хенрика, было театральным розыгрышем, причем заранее срежиссированным. Эффект неожиданности заключался в том, что он, оказывается, встречался с Хенриком Вангером в детстве. Потом ему подсунили фотографию родителей, уверяя, что его отец и Хенрик Вангер были друзьями. И по всему выходит, что старик знал, кто такой Микаэль Блумквист, и много лет подряд издалека следил за его карьерой... Конечно, возможно, все это так и было на самом деле, но все же в ход был пущен самый примитивный психологический расчет. Словом, Хенрик Вангер, обладая многолетним опытом общения, освоил искусство манипуляции, причем с куда более несговорчивой публикой. Иначе разве стал бы он одним из самых преуспевших промышленников Швеции?

А еще Микаэль заключил, что Хенрик Вангер пожелает от него чего-то такого, чего ему наверняка сделать категорически не захочется. Так что лучше вежливо все выслушать, выразить благодарность и отказаться. И постараться все же попасть на вечерний поезд.

– Извините, но мы так не договаривались, – сказал он и взглянул на часы. – Я нахожусь здесь уже двадцать минут. Допустим, у вас есть еще полчаса, чтобы рассказать мне все, о чем вы хотели бы со мной поделиться. После этого я вызову такси и поеду домой.

На секунду Хенрик Вангер перестал разыгрывать из себя добродушного патриарха, и Микаэль увидел в нем того бескомпромиссного промышленника и банкира, каким он бывал в зените своей карьеры и славы; тогда ему часто приходилось уговаривать и уламывать какого-нибудь строптивного нового члена правления. Он горько усмехнулся:

– Что ж, все ясно.

– Чего уж проще? Наберитесь смелости и выкладывайте, чего вы от меня хотите. А уж я сам решу, возьмусь помочь вам или нет.

– Твоя мысль мне ясна. Иными словами, если я не сумею уговорить тебя за полчаса, то не смогу это сделать и за месяц.

– Именно так.

– Но история, которую я хочу тебе рассказать, сложна и противоречива.

– Постарайтесь изложить все просто и лаконично. Как принято в журналистике. У вас осталось двадцать девять минут.

Хенрик Вангер поднял руку.

– Хватит. Я все понял. Но преувеличение – это всегда психологический просчет. Мне нужен человек, имеющий опыт исследований и обладающий критическим мышлением; кроме того, беспристрастный. Мне кажется, ты как раз такой человек, и я не лью тебе. Просто хороший журналист должен обладать всеми этими качествами. Я прочел твою книгу «Тамплиеры», и это было весьма интересно. Понятно, свою роль сыграл тот факт, что я был знаком с твоим отцом и знаю, кто ты такой. Как я догадываюсь, после дела Веннерстрёма тебе пришлось уволиться из журнала; в любом случае тебе не пришло бы в голову уходить по собственному желанию. Стало быть, на данный момент у тебя нет постоянной работы, и не нужно особенно напрягаться,

чтобы понять: скорее всего, у тебя начинаются финансовые трудности.

– Поэтому вам выпал удобный случай и вы намерены воспользоваться моим положением? Так, что ли?

– Возможно, ты и прав. Но, Микаэль... можно, я буду так тебя называть? Я не собираюсь лгать или изворачиваться. Я слишком стар для подобных трюков. Впрочем, можешь послать меня куда подальше, если откажешься мне помочь. Тогда мне придется нанять кого-нибудь другого на эту работу.

– Я, в принципе, не против. Но скажите на милость, какую же работу вы хотели бы мне предложить?

– Встречный вопрос: что тебе известно о семье Вангеров?

Микаэль растерялся.

– Вообще-то лишь то, что я успел прочесть в Интернете, после того как в понедельник мне позвонил Фруде. В свое время «Вангер» был одним из ведущих промышленных концернов Швеции, но сейчас он явно уступил свои позиции. Генеральный директор – Мартин Вангер. Ну, может, я знаю еще кое-что... Но что конкретно вас интересует?

– Мартин... Он – дельный парень, но по большому счету не умеет держать удар. Он не способен управиться в кризисной ситуации. Мартин собирается модернизировать производство и провести ребрендинг. Без этого, конечно, не обойтись. Но ему очень трудно реализовать свои проекты и еще труднее обеспечивать финансирование. Двадцать пять лет назад концерн «Вангер» с успехом конкурировал с империей Валленбергов. В Швеции у нас трудились сорок тысяч человек. Мы обеспечивали рабочие места и исправно платили огромные налоги в казну. Сегодня большинство этих рабочих мест переведены в Корею или Бразилию. Сейчас у нас заняты всего около десятка тысяч человек, а через год или два, если Мартину не удастся выкарабкаться из кризиса, мы, скорее всего, станем предприятием с пятью тысячами работников, занятых в основном на мелких производствах. Словом, концерн «Вангер» канет в Лету, и все о нем забудут.

Микаэль кивнул. То, что рассказывал Хенрик Вангер, в целом совпадало с теми выводами, к которым он пришел сам, проведя некоторое время за компьютером.

– Концерн «Вангер» по-прежнему является семейным предприятием, одним из немногих в стране. Приблизительно тридцать членов семьи являются миноритарными акционерами разного масштаба. В этой структуре всегда заключалась и сила концерна, и его слабость.

Хенрик Вангер помолчал. Затем продолжил, и голос его стал жестче:

– Микаэль, потом ты сможешь задавать мне вопросы... Но поверь мне на слово: я терпеть не могу большинство членов семейства Вангеров. Повезло же моей семье... Большинство моих родственников – грабители, скряги, деспоты и дебилы. Я руководил концерном тридцать пять лет. И все это время мне приходилось сражаться – не на жизнь, а на смерть – с остальными членами моей семьи. Представь себе, что твои злейшие враги – не конкуренты, не государство, а твои же собственные родственники...

Он сделал паузу.

– Я сказал, что хочу, чтобы ты сделал для меня две вещи. Во-первых, чтобы ты написал историю семьи Вангеров. Впрочем, можешь называть ее моей биографией. Это будет не какая-нибудь смиренная церковная проповедь, а история ненависти, семейных скандалов и безграничной алчности. Я предоставляю в твое распоряжение все свои дневники и архивы. Ты получишь доступ к моим самым сокровенным тайнам и право публиковать любой обнаруженный тобою компромат – без всяких препятствий. На фоне этой истории сам Шекспир покажется просто автором развлекательных баек.

– Но зачем вам это?

– Зачем я хочу опубликовать скандальную историю нашей семьи? Или почему эту историю должен написать ты?

– И то, и другое.

– Честно говоря, меня не волнует, будет ли издана эта книга. Но я считаю, что эту историю следует составить и напечатать, пусть даже в одном экземпляре, который ты отдашь в Королевскую библиотеку. Я хочу, чтобы эта история, когда я умру, стала достоянием будущих поколений. Причина элементарная – месть.

– Но кому вы хотите отомстить?

– Можешь мне не поверить, но даже будучи капиталистом и промышленником, я пытался оставаться честным человеком. Я горжусь тем, что с моим именем связано представление о человеке, который не бросает слов на ветер и выполняет обещания. Я никогда не играл в политические игры и всегда шел на переговоры с профсоюзами. Некогда даже Таге Эрландер^[47] меня уважал. Этические вопросы вовсе не кажутся мне праздными. Я гарантировал хлеб насущный десяткам тысяч людей, я заботился о своей команде. Кстати, Мартин придерживается той же позиции, хотя мы с ним очень разные – и по характеру, и по воспитанию. Он тоже пытается соблюдать этические постулаты. Наверняка нам не все удавалось, но в целом мне особо нечего стыдиться.

– К сожалению, я и Мартин – белые вороны в нашей семье, – продолжил он. – Сегодня судьба концерна оказалась под угрозой, и тому есть много причин. В том числе – алчность и недальновидность, которую проявляли многие мои родственники. Если ты решишь мне помочь, я в деталях объясню, как они вели себя и как все это в конце концов негативно отозвалось на судьбе концерна Вангеров.

Микаэль на время задумался, затем проговорил:

– Что ж. Я тоже буду с вами честен. Чтобы написать такую книгу, мне потребуется не один месяц. Представьте себе, что меня не тянет, да и просто не хватает сил браться за такую работу.

– Надеюсь, что я смогу тебя уговорить. Я хочу, чтобы ты как журналист препарировал этих типов. Потому и предлагаю написать историю семейства Вангеров именно тебе. Так что можешь смело внедряться в архивы нашей семьи.

– Вряд ли я возьмусь за это. Но вы сказали, что вам понадобятся от меня две вещи. А пока я услышал только ваше предисловие. В чем же заключается ваша вторая просьба?

Хенрик Вангер с большим трудом встал, принес с письменного стола фотографию Харриет и водрузил ее перед Микаэлем.

– На самом же деле мне нужно, чтобы ты разгадал одну загадку. В этом и заключается моя основная просьба.

– Загадку?

– Харриет – внучка моего брата Рикарда. Нас было пять братьев. Рикард – старший из нас, он родился в тысяча девятьсот седьмом году. Я был младшим и родился в двадцатом. Невероятно, как только Господь умудрился создать выводок, который...

На несколько секунд Хенрик Вангер отвлекся и, казалось, погрузился в собственные размышления. Потом взял себя в руки и обратился к Микаэлю:

– Я хотел бы рассказать тебе о своем брате Рикарде. Этот эпизод, возможно, станет ключевым в семейной хронике, которую я предлагаю тебе написать.

Он налил себе кофе и предложил еще Микаэлю.

– В двадцать четвертом году Рикард, которому тогда исполнилось семнадцать лет, стал фанатичным националистом и ненавистником евреев. Он вступил в Шведский национал-социалистический союз борцов за свободу – одно из первых нацистских объединений Швеции. Как это трогательно, что нацисты всегда в своей пропаганде используют слово «свобода»...

Хенрик Вангер достал еще один фотоальбом и нашел нужную страницу.

– Вот Рикард с ветеринаром Биргером Фуругордом^[48], который вскоре возглавил так называемое «движение Фуругорда» – нацистское движение, очень популярное в начале тридцатых годов. Но Рикард расстался с ним и примерно через год вступил в «Фашистскую боевую организацию Швеции». Там он познакомился с Пером Энгдалем^[49] и другими подонками, которые позже опозорили нас как нацию.

Хенрик перевернул страницу альбома и показал Микаэлю портрет Рикарда Вангера в военной форме.

– В двадцать седьмом году он, вопреки воле отца, завербовался в армию, а в тридцатые годы переходил из одной нацистской шайки в другую. Если бы у них существовал какой-нибудь завалящий тайный орден, будь уверен, что в списке членов значилось бы его имя. В тридцать третьем году возникло движение Линдхольма^[50], оно же Национал-социалистическая рабочая партия. Тебе знакома история шведского нацизма?

– Вообще-то я не историк, но кое-что на эту тему читал.

– В тридцать девятом началась Вторая мировая война, а затем – Зимняя война^[51]. Многие активисты движения Линдхольма, равно как и другие добровольцы, отправились в Финляндию. Рикард тоже отправился на войну. К тому времени он получил чин капитана шведской армии. Он погиб в феврале сорок четвертого года, незадолго до заключения мира с Советским Союзом. Нацисты провозгласили его мучеником, его имя даже присвоили воинскому подразделению. Некоторые дебилы и по сей день собираются на кладбище в Стокгольме в годовщину смерти Рикарда Вангера, чтобы почтить его память.

– Понятно.

– В двадцать шестом году, в девятнадцатилетнем возрасте он встретился с Маргаретой, дочерью учителя из Фалуна. Они сблизились на политической почве, и у них возникли отношения, результатом которых стало рождение сына Готфрида в двадцать седьмом году. После этого Рикард и Маргарета поженились. В первой половине тридцатых годов брат поселил жену с ребенком здесь, в Хедестаде. Полк, к которому он был приписан, размещался в Евле, и в свободное время Рикард разъезжал по округе, ведя нацистскую агитацию. В тридцать шестом он повздорил с отцом, после чего тот полностью лишил Рикарда материальной поддержки. Брат переехал с семьей в Стокгольм, и там ему пришлось хлебнуть лиха. Ведь отныне он был вынужден обеспечивать себя и свою семью самому.

– А своей доли собственности у него не было?

– Его наследство было вложено в концерн на безотзывных условиях. Он мог продать его только членам семьи. Не мешает еще заметить, что у Рикарда, бессердечного домашнего тирана, практически не было никаких положительных качеств. Он колотил жену и истязал сына. Готфрид рос забитым и затравленным мальчиком. Рикард погиб, когда Готфриду было тринадцать лет. Думаю, на тот момент для парня это был самый счастливый день в жизни. Мой отец сжалился над Маргаретой и ее сыном, перевез их в Хедестад, обеспечил их жильем и следил за тем, чтобы Маргарета не осталась без средств к существованию. Но если Рикард воплощал темные и фанатичные фамильные черты, то Готфрид был просто бездельником. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, я стал заботиться о нем – все-таки он был сыном моего умершего брата. Хотя спешу напомнить, что разница в возрасте между нами была пустяковая: я был старше всего на семь лет. К тому времени я уже состоял в правлении концерна, и все считали, что со временем я займу пост моего отца. Готфрида же наша родня считала чужаком.

Хенрик Вангер на секунду прервался, потом продолжил:

– Мой отец не очень-то представлял, как ему вести себя с внуком, и мне пришлось настоять

на том, что необходимо предпринять какие-то меры. Я взял его на работу в концерн. Время было послевоенное. Несмотря на все старания, Готфриду почти не удавалось сосредоточиться на работе. Красавец, гуляка и бездельник, он пользовался успехом у женщин и часто злоупотреблял спиртным. Затрудняюсь описать, как я к нему относился. Не то чтобы я считал его никудышним, но, конечно, полагаться на него не мог, и он часто меня огорчал. В конце концов Готфрид окончательно спился и в шестьдесят пятом году утонул. Несчастный случай... Это случилось здесь, в Хедебю; он построил себе домик, где и пьянствовал.

– Значит, он – отец Харриет и Мартина? – спросил Микаэль, показав на портрет девушки.

Рассказ старика, как ни странно, заинтриговал его. Блумквист даже сам от себя этого не ожидал.

– Верно. В конце сороковых годов Готфрид встретил юную немку – Изабеллу Кёниг. Она переехала в Швецию после войны. Изабелла была настоящей красавицей, я мог бы сравнить ее с Гретой Гарбо или с Ингрид Бергман. Внешне Харриет похожа скорее на Изабеллу, чем на Готфрида. Это видно и по фотографии: уже в четырнадцать лет она – настоящая красавица.

Микаэль и Хенрик замолчали и долго смотрели на фотопортрет.

– Итак, с твоего позволения я продолжу. Изабелла родилась в двадцать восьмом году и еще жива. К началу войны ей исполнилось одиннадцать лет... Можно только догадываться, что ей пришлось пережить, когда Берлин подвергался бомбардировкам. Когда Изабелла сошла на берег в Швеции, ей, вероятно, показалось, что она попала в настоящий рай. К сожалению, ей были свойственны те же пороки, что и Готфриду. Она позволяла себе бездумные траты, устраивала попойки, и их с Готфридом чаще всего можно было принять за собутыльников, а не за супругов. Она очень много колесила по Швеции и нередко ездила за границу, и не знала, что такое чувство ответственности. Конечно, все это сказалось на детях. Мартин родился в сорок восьмом, Харриет – в пятидесятом. Их детство нельзя назвать счастливым. Мать без конца оставляла их на произвол судьбы, а отец стремительно спивался.

В пятьдесят восьмом году мои нервы не выдержали. Готфрид с Изабеллой поселились тогда в Хедестаде – я сделал так, что они переехали сюда. Я не мог больше с этим мириться и решил разомкнуть этот порочный круг. К тому времени Мартин и Харриет были фактически позабыты-позаброшены.

Хенрик Вангер взглянул на часы.

– Те тридцать минут, которые ты мне дал, приближаются к финалу, но скоро я закончу свой рассказ. Ты готов уделить мне еще немного времени?

Микаэль кивнул:

– Конечно.

– Я буду краток. У меня своих детей не было – в отличие от братьев и остальных членов семьи, которые жаждали продолжать род Вангеров. Готфрид с Изабеллой переехали сюда, но их брак уже исчерпал себя. Через год Готфрид перебрался в свою избушку. Он подолгу жил там и возвращался к Изабелле, только когда становилось слишком холодно. А я взял на себя заботы о Мартине и Харриет, и они стали для меня родными детьми. Мартин в юности... Честно говоря, порой я опасался, что он повторит судьбу своего отца. Мартин был безынициативным, замкнутым и угрюмым, хотя иногда мог всех очаровать и заразить своим энтузиазмом. В подростковом возрасте он доставлял окружающим немало хлопот, но когда поступил в университет, исправился. И все-таки Мартин возглавил остатки концерна «Вангер», и на посту генерального директора он попросту незаменим.

– А Харриет? – спросил Микаэль.

– Я берёг Харриет как зеницу ока. Я пытался стать ей опорой в жизни, внушить уверенность в себе. Мы с ней стали самыми близкими людьми. Она стала мне как моя собственная дочь, и я

стал ей ближе, чем родители. Харриет была нетакой, как все. Она была замкнутой, так же, как и ее брат. В подростковом возрасте она тянулась к вере, и этим разительно отличалась от всех остальных членов нашей семьи. Она была очень одарена и сообразительна. Моральные принципы сочетались в ней с твердостью характера. Уже когда ей исполнилось четырнадцать, я не сомневался в том, что не ее брат и не окружавшие меня посредственности в лице двоюродных братьев и племянников, а именно она предназначена для того, чтобы в один прекрасный день возглавить концерн «Вангер» – или, по крайней мере, играть в нем ведущую роль.

– Но что же все-таки случилось?

– Наконец-то я могу объяснить тебе истинную причину, почему мне пришлось в голову предложить тебе эту работу. Я хотел бы, чтобы ты разузнал, кто из членов моей семьи убил Харриет Вангер и вот уже почти сорок лет пытается довести меня до безумия.

Глава 5

Четверг, 26 декабря

Впервые за то время, пока Хенрик Вангер произносил свой монолог, ему удалось шокировать Микаэля. Блумквисту даже пришлось дважды просить собеседника повторить одно и то же, чтобы убедиться, что он не ослышался. Ни в одном из прочитанных им материалов не было даже намека на то, что в семействе Вангеров было совершено убийство.

– Это случилось двадцать второго сентября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Харриет исполнилось шестнадцать лет, и она только перешла во второй класс гимназии. Та суббота стала самым черным днем в моей жизни. Я перебирал весь ход событий столько раз, что могу по минутам восстановить все, что произошло в тот день. Все, кроме самого главного.

Он махнул рукой.

– Именно здесь, в этом доме, собрались тогда мои родственники – во всяком случае, большинство из них. Совладельцы концерна «Вангер» ежегодно встречались на званом обеде, чтобы обсудить положение дел семьи. Я их просто ненавидел. Эта традиция восходила еще к моему дедушке, и со временем семейные обеды превратились в унылое времяпрепровождение. А в восьмидесятых годах Мартин решил, что все обсуждения, связанные с делами концерна, должны вестись исключительно на заседаниях правления или на собраниях акционеров, и отменил эти обеды. Пожалуй, это самое удачное из всех принятых им решений. Так что уже двадцать лет как наше семейство не устраивает подобных мероприятий.

– Вы сказали, что Харриет убили...

– Не торопи меня, обо всем по порядку. Итак, это была суббота, День детей, и спортивный клуб в Хедестаде устроил праздник – карнавальное шествие для детей. Харриет тоже отправилась в город с одноклассниками, чтобы посмотреть на праздничное шествие. Она вернулась в Хедебю сразу после двух часов дня. А к пяти часам она вместе с остальной молодежью нашей семьи собиралась прийти на обед.

Хенрик Вангер встал и, подойдя к окну, жестом подозвал к себе Микаэля:

– Посмотри туда. Через несколько минут после возвращения Харриет, в четырнадцать пятнадцать, там, на мосту, случилась беда. Водитель по имени Густав Аронссон, брат крестьянина из Эстергорда – это усадьба на краю острова Хедебю, – заворачивал на мост и столкнулся с автоцистерной, направлявшейся сюда с мазутом. По какой причине произошло лобовое столкновение, так до сих пор и осталось неясным до конца – никаких видимых причин, обзор был стопроцентный. Но оба водителя превысили скорость, и то, что могло бы стать ерундовым дорожно-транспортным происшествием, обернулось катастрофой. Скорее всего, водитель автоцистерны в попытке избежать столкновения инстинктивно резко вывернул руль. Он въехал в перила, и цистерна, завалившись набок, нависла над краем моста. В нее, словно пика, вонзился металлический столб, и из цистерны забил горючий мазут. Густав Аронссон сидел в это время, наглухо заклиненный в своей машине, и орал от страшной боли. Водитель автоцистерны тоже пострадал, однако выбрался наружу самостоятельно.

Хенрик Вангер ненадолго задумался и сел обратно.

– Но Харриет это несчастье обошло стороной. Хотя оно и сыграло крайне важную роль. Когда подросевшая публика начала помогать пострадавшим, возник страшный кавардак. Угроза пожара была неминуема, и людей охватила паника. Начали прибывать полиция, «Скорая помощь», служба спасения, пожарные, пресса и просто зеваки. Разумеется, все собрались с материковой стороны. А здесь, со стороны острова, мы пытались извлечь Аронссона

из покоренной машины, но это оказалось дьявольски тяжело. Его накрепко зажало, и он получил серьезные ранения.

Мы пытались вытащить его своими силами, но бесполезно – кабину следовало разрезать или распилить. Однако подобные действия были исключены, – мы находились посреди огромной лужи мазута, рядом с перевернутой цистерной. Если бы вспыхнула хоть одна искра и цистерна взорвалась, все погибли бы. А еще учти, помощь с материковой стороны подоспела не скоро: ведь грузовик перекрыл мост, а перелезть через цистерну – все равно что прыгать через бомбу.

Микаэля не оставляло ощущение, что рассказ Вангера отрепетирован и что он хочет его заинтриговать. Однако журналист не мог не признать, что Хенрик – великолепный рассказчик и может увлечь кого угодно. И он все еще не имел ни малейшего представления о том, чем эта история может закончиться.

– Следует подчеркнуть, что следующие сутки после аварии мост был закрыт. Только к вечеру воскресенья удалось откачать разлитое топливо, отогнать автоцистерну и возобновить движение на мосту. На протяжении почти двадцати четырех часов остров Хедебю был фактически отрезан от внешнего мира. Перебраться на материк можно было только на пожарном катере, который спустили на воду, чтобы перевозить людей от лодочной пристани на этой стороне в старую рыболовецкую гавань возле церкви. Несколько часов катер использовали только спасатели. А частных лиц начали перевозить лишь в субботу, поздно вечером. Понимаешь, что это значит?

Микаэль кивнул.

– Вероятно, то, что случилось с Харриет, произошло именно здесь, на острове. Круг подозреваемых ограничивается теми, кто находился тут. Так что предстоит разгадать тайну запертой комнаты. Только вместо комнаты будет остров...

Хенрик Вангер усмехнулся.

– Микаэль, ты даже не представляешь себе, насколько ты прав. Я тоже читал романы Дороти Сэйерс^[52]. Но ближе к фактам. Итак, Харриет прибыла сюда, на остров, примерно в десять минут третьего. Всего в этот день сюда приехали около сорока гостей, включая детей и неофициальных жен и мужей. Вместе с персоналом и постоянными жителями здесь или поблизости от усадьбы находились шестьдесят четыре человека. И некоторые из них устраивались в близлежащих домах или гостевых комнатах, чтобы переночевать.

Некогда Харриет жила в доме через дорогу, но, как я уже говорил, ее родители, Готфрид и Изабелла, вели беспорядочный образ жизни. Я не мог видеть, как она страдает. Харриет не могла нормально учиться, и в шестьдесят четвертом году, когда ей исполнилось четырнадцать лет, я разрешил ей переехать ко мне, в этот дом. Изабелла сразу сняла с себя всякую ответственность за свою дочь. Харриет поселилась в комнате наверху, где и обитала последние два года. Так что именно сюда она и пришла в тот день. Мы знаем, что Харриет встретилась с Харальдом Вангером – одним из моих старших братьев – и обменялась с ним парой фраз. Потом поднялась сюда, в мой кабинет, поздоровалась и сказала, что хочет со мною поговорить. В тот момент у меня сидели другие члены семьи, и я не мог уделить ей внимание. Однако для нее этот разговор был явно очень важен, и я пообещал позже зайти к ней. Она кивнула и вышла через эту дверь. С тех пор я ее больше не видел. Буквально через минуту на мосту раздался грохот, и в связи с этим несчастьем пришлось отменить все наши планы.

– Но как же она погибла?

– Не спеши. Все гораздо сложнее, чем тебе кажется, и мне необходимо придерживаться хронологического порядка. Когда столкнулись машины, все побросали свои дела и кинулись к месту происшествия. Я решил взять руководство на себя и все последующее время был очень

занят. Мы знаем, что Харриет тоже спускалась к мосту – ее там видели, – но из-за опасности взрыва я велел всем, кто не участвовал в извлечении Аронссона из разбитой машины, уходить. Так что на месте катастрофы нас осталось пятеро: я и мой брат Харальд, Магнус Нильссон – дворник из моей усадьбы, рабочий с лесопилки Сикстен Нурдландер, владелец дома возле рыболовецкой гавани, и парнишка по имени Йеркер Аронссон. Ему было всего шестнадцать, и мне следовало бы отправить его домой, но он приходился застрявшему в машине племянником и, словно кстати, направлялся в это время в город, поэтому на своем велосипеде оказался у места происшествия буквально через минуту.

Приблизительно в четырнадцать сорок Харриет находилась на кухне у нас в доме. Она выпила стакан молока и обменялась несколькими репликами с кухаркой Астрид. Из окна они обе наблюдали за хаосом на мосту.

В четырнадцать пятьдесят пять Харриет вышла со двора. Ее видела ее мать, Изабелла, но они не обменялись ни единым словом. Через несколько минут ей повстречался Отто Фальк, бывший пастором церкви Хедебю. Его усадьба тогда находилась на том месте, где сейчас расположена вилла Мартина Вангера, так что пастор жил по эту сторону моста. Фальк был простужен и в момент аварии спал у себя дома. Так что он не был свидетелем самой драмы, но его разбудил шум, и он как раз направлялся к мосту. Харриет поприветствовала его и хотела поговорить с ним, но он даже не остановился и поспешил дальше. Отто Фальк оказался последним, кто видел ее живой.

– Но как она погибла? – повторил Микаэль.

– Не знаю, – ответил Хенрик Вангер.

Он выглядел измученным.

– Только около пяти часов мы смогли извлечь Аронссона из машины; он, кстати, выжил, хотя и был сильно изувечен. А вскоре после шести мы решили, что опасность пожара миновала. Остров был по-прежнему изолирован от остального мира, но все вроде бы успокоились. Однако когда около восьми часов вечера мы сели наконец поесть, то обнаружилось, что Харриет пропала. Я послал одну из ее двоюродных сестер к ней в комнату, но та вернулась и сказала, что ее там нет. Меня тогда это не насторожило. Я решил, что она пошла прогуляться или что просто не в курсе, что мы сели пообедать. Вечером я выяснял отношения с семьей. И только на следующий день, когда Изабелла пыталась разыскать Харриет, до нас вдруг дошло, что никто из нас понятия не имеет, где она, и что со вчерашнего дня ее никто не видел... – Он развел руками. – В тот день Харриет Вангер бесследно исчезла.

– Исчезла? – повторил Микаэль.

– За все эти годы нам так и не удалось напасть на ее след.

– Но если она пропала, то почему вы утверждаете, что ее убили?

– Согласен с тобой. Я тоже так думал. Когда человек бесследно исчезает, есть четыре варианта. Он может убежать и скрываться. Он может стать жертвой несчастного случая и погибнуть. Он может совершить самоубийство. И, наконец, он может стать жертвой преступления. Я рассматривал все эти варианты.

– Но почему вы так уверены в том, что кто-то убил ее?

– Потому, что это – единственно возможный из всех вариантов.

Хенрик поднял палец.

– В самом начале я еще мог надеяться, что она сбежала. Но время шло, и мы все больше убеждались в том, что это не так. Подумай сам, разве смогла бы шестнадцатилетняя девушка из весьма благополучной семьи, пусть даже и очень решительная и предприимчивая, самостоятельно справиться с подобной ситуацией, да еще и скрываться так, чтобы ее не обнаружили? Ведь ей понадобились бы деньги, а откуда она могла бы их взять? Потом,

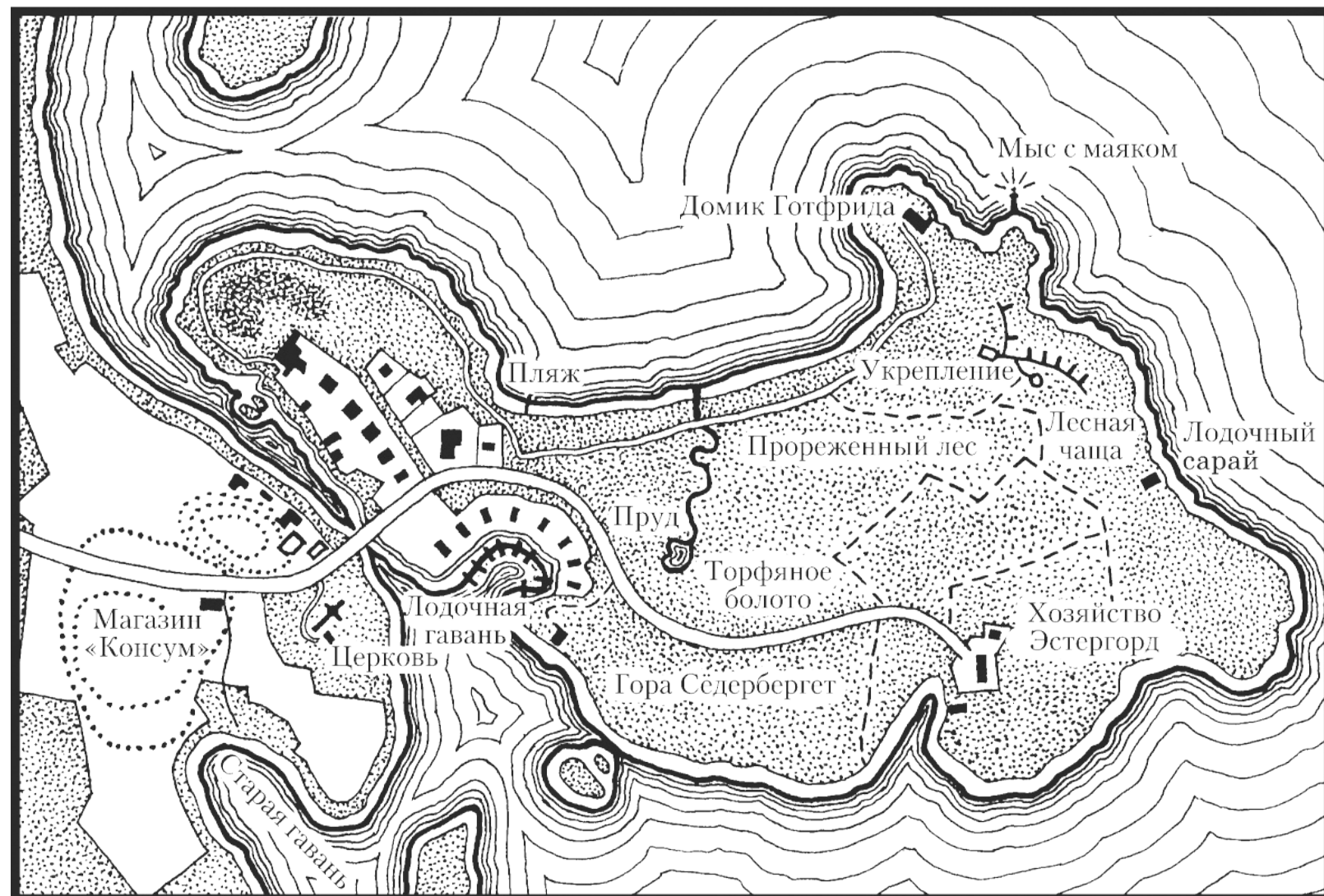

если бы ее даже куда-нибудь приняли бы на работу, то ей пришлось бы заполнить налоговую декларацию и указать какой-нибудь адрес. Понимаешь?..

Теперь он уже поднял два пальца.

– Конечно, я не исключал, что с ней мог произойти несчастный случай... Окажи мне услугу – подойди, пожалуйста, к письменному столу и открой верхний ящик. Там лежит карта.

Микаэль вытащил карту и развернул ее на сервировочном столике. Остров Хедебю имел территорию неправильной формы, был вытянут на три километра в длину, а в самом широком месте едва достигал полутора километров. Большую часть острова занимал лес. Здания располагались ближе к мосту и вокруг маленькой лодочной пристани. А на дальней стороне острова имелось только одно хозяйство, Эстергорд. Именно отсюда и отправился на машине бедняга Аронссон.

– Имей в виду, что она не могла бы покинуть остров, – заметил Хенрик Вангер. – Здесь, на Хедебю, как и в любом другом месте, может случиться все. В человека может ударить молния... впрочем, в тот роковой день грозы не было. Можно попасть под лошадь, свалиться в колодец или провалиться в расщелину. Существуют сотни самых разных злосчастий. Я уже чего только не передумал...

Он поднял третий палец:

– Я даже размышлял над третьим вариантом, в конце концов, она могла бы и покончить с собой. Но тогда где-нибудь на этой обозримой территории мы обязательно обнаружили бы ее тело.

Хенрик Вангер стукнул рукой по карте.

– После ее исчезновения мы сутками прочесывали весь остров. Обошли его весь, вдоль и поперек. Обследовали каждый ручеек, каждый клочок пашни, горной расщелины и бурелома. Проверили каждое здание, каждую дымовую трубу, каждый колодец, каждый сарай и каждый чердак.

Хенрик Вангер перевел взгляд с Микаэля и теперь всматривался в темень за окном. Его голос стал тише – и звучал более задушевно:

– Я искал ее всю осень... Даже после того, как все остальные отчаялись и перестали исследовать остров. Когда выпадала свободная минутка, я бродил по острову взад и вперед. Но прошла осень, наступила зима, а я так и не обнаружил ее следы. Весной я вновь принялся за поиски, хотя и понимал, что все бесполезно. А летом я нанял троих опытных лесников, которые еще раз все обследовали со специально обученными собаками. Они систематически прошерстили каждую пядь острова. К тому времени я уже начал подозревать убийство, так что лесники искали место, где ее зарыли. Они искали три месяца. Но никаких следов, ни единой зацепки – Харриет исчезла бесследно, словно растворилась в воздухе.

– Но есть и другие варианты, – предположил Микаэль.

– Я весь внимание.

– Она могла бы утонуть... Или утопиться. Здесь, на острове, вода может многое утаить.

– Согласен. Но все же это не слишком вероятно. Ведь если Харриет утонула, то наверняка это произошло бы где-то близко от селения. Имей в виду, что переполох на мосту стал главной драмой Хедебю за несколько десятилетий. А всякая любопытная девушка шестнадцати лет вряд ли при этом отправится бродить на другой стороне острова... Но важно и другое. Течение здесь умеренное, а ветер в это время года дует северный или северо-восточный. Если что-нибудь или кто-нибудь попадает в воду, то позже обязательно всплывет где-нибудь у материка, а там почти везде стоят дома. Конечно, мы анализировали и такую возможность... И, естественно, обследовали все места, где она могла бы утонуть. Я нанял молодежь из клуба дайверов здесь, на Хедестаде. Целое лето тщательно обыскивали дно пролива и ныряли вдоль берега... И ничего не нашли. Я абсолютно убежден, что в воде ее нет, иначе бы мы ее отыскали.

– Но ведь несчастье с ней могло случиться и в другом месте? Мост, конечно, оцепили, но до материка было рукой подать. Она могла добраться туда вплавь или воспользоваться лодкой.

– Был конец сентября, и вода настолько остыла, что Харриет вряд ли отправилась бы купаться, тем более когда поднялся такой невероятный переполох. А если она, вопреки логике, рискнула бы доплыть до материка, ее обязательно заметили бы и подняли тревогу. На мосту находились сотни любопытных глаз, да и на материке вдоль воды стояли две-три сотни людей; они наблюдали за трагедией и ждали развязки.

– А что, если она добиралась на материк на лодке?

– Исключено. В тот день на острове было ровно тринадцать лодок. Большинство прогулочных суденышек уже извлекли на берег. В старой лодочной гавани на воде оставались лишь два катера. Были еще семь плоскодонок, пять из которых уже лежали на берегу. Еще две плоскодонки под пасторской усадьбой – одна на суше, другая на воде. А дальше у Эстергорда находились еще одна моторная лодка и плоскодонка. Все эти лодки проверили, и они оказались на месте. Если бы Харриет переплыла на лодке на материк, то оставила бы там одну из этих лодок.

Хенрик Вангер поднял четвертый палец:

– Таким образом, остается только одна возможность: Харриет исчезла не по своей воле. Кто-то убил ее и избавился от трупа.

Второй день Рождества Лисбет Саландер посвятила чтению весьма спорной книги Микаэля Блумквиста об экономической журналистике. Книга называлась «Тамплиеры», состояла из двухсот десяти страниц и имела подзаголовок «Повторение пройденного для бизнес-журналистов». Обложку, оформленную Кристером Мальмом, украшала фотография Стокгольмской биржи. Кристер Мальм использовал фотошоп, и до зрителя не сразу доходило, что здание биржи зависло в воздухе, а фундамента у него попросту нет. Эта обложка сразу задавала тон повествованию.

Саландер сразу отметила, что Блумквист – непревзойденный стилист. Он излагал материал доступно и увлекательно, и даже не посвященный в тонкости экономической журналистики читатель мог многое почерпнуть для себя. Тон книги был язвительным и не лишенным сарказма, но прежде всего убедительным.

Уже в первой главе автор объявлял войну своим коллегам, без гламура и сантиментов. За последние двадцать лет шведские журналисты, специализирующиеся на бизнесе и экономике, постепенно превратились в группу сервильных некомпетентных мальчиков на побегушках; они явно страдали завышенной самооценкой, поверили в собственное величие и утратили способность к критическому мышлению. Автор утверждал, что большинство из них просто цитировали директоров предприятий и биржевых спекулянтов и не протестовали, даже когда им сообщали заведомо ложные сведения. Все эти репортеры либо столь наивны, что встает вопрос об их профпригодности, либо – что значительно хуже – сознательно пренебрегают долгом журналиста беспристрастно изучать материалы и предоставлять общественности правдивую информацию.

Блумквист утверждал, что часто испытывает чувство стыда, когда его называют бизнес-журналистом или экономическим обозревателем, потому что при этом его приравнивают к людям, которых он вообще отказывается причислять к категории журналистов.

Он сравнивал работу «экономических обозревателей» с работой уголовных хроникеров или международников. Подумать только, писал он, какой разразился бы скандал, если бы уголовный хроникер из ведущей дневной газеты во время, например, процесса по обвинению в убийстве стал бы пересказывать полученные от прокурора сведения и выдавать их за истину в последней инстанции. При этом он не получил бы информацию у стороны защиты, не побеседовал бы с семьей жертвы и не составил бы представления о том, что справедливо, а что нет... Блумквист полагал, что и в области экономической журналистики необходимо следовать тем же правилам.

Он приводил доказательства, призванные подтвердить эти тезисы. В развернутой главе журналист анализировал репортажи об известной IT-компании, напечатанные в шести ведущих дневных газетах, а также в «Финанстиднинген» и «Дагенс индустри». Он использовал также блоки экономических новостей на телевидении. Вначале Блумквист цитировал и обобщал высказывания журналистов, а затем сравнивал с реальной картиной, с тем, как ситуация выглядела на самом деле. Он интересовался, почему все эти солидные журналисты так и не задали самые элементарные вопросы.

В другой главе журналист излагал историю распространения акций компании «Телия» – это была самая ироничная глава книги. Он поименно назвал нескольких своих коллег, пишущих об экономике. Среди них был некий Уильям Борг, на которого Микаэль, похоже, затаил особую обиду. И публично разнес его.

В одной из последних глав он сравнивал уровень компетентности шведских и зарубежных экономических обозревателей. Блумквист анализировал, как серьезные журналисты из «Файнэншл таймс», из журнала «Экономист» и нескольких немецких экономических изданий комментировали аналогичные темы. Шведские журналисты явно проигрывали этот

раунд.

В заключительной главе автор предлагал собственные рецепты преодоления этого кризиса. Выводы возвращали читателя к предисловию:

Ни один парламентский репортер не мог бы позволить себе такое: одобрять каждое принятое решение, каким бы неоправданным оно ни было. Или, допустим: политический журналист избегает оценки ситуации. Таких репортеров с треском выгнали бы или, по крайней мере, перевели бы в отдел, где они не смогли бы причинить большого вреда. Однако в мире экономических обозревателей стандартные правила работы журналистов – критически оценивать ситуацию и объективно доводить полученные сведения до читателя – не действуют. Напротив, здесь принято прославлять самых удачливых мошенников. Все это подрывает остатки доверия к профессиональным журналистам и создает нелюбимый имидж Швеции будущего.

Словом, Блумквист предъявлял своим коллегам по цеху серьезные обвинения. Причем он издевался и ерничал, и Лисбет стало ясно, почему книга Микаэля Блумквиста вызвала негодование и шквал возмущения, – и в профессиональном издании «Журналист», и в некоторых экономических журналах, а также в передовицах дневных газет. Несмотря на то что в книге были названы поименно лишь несколько человек, Лисбет Саландер понимала, что клан экономических обозревателей сам по себе довольно узок, и все прекрасно понимают, чьи именно газетные статьи цитировались. Так или иначе, Блумквист умудрился нажать себе злейших врагов. Именно поэтому решение суда по делу Веннерстрёма не обошлось без ехидных комментариев.

Лисбет закрыла книгу и взглянула на фото автора на задней стороне обложки. Микаэль Блумквист был снят в полупрофиль. Русая челка небрежно падала на лоб. Создавалось впечатление, что непосредственно перед тем, как фотограф нажал на кнопку, подул ветер. Или, скорее всего, фотограф Кристер Мальм специально избрал для него такой имидж. Блумквист смотрел в камеру с ироничной мальчишеской улыбкой, и лицо его казалось очень привлекательным.

«А он очень даже хорош собой, – отметила про себя Лисбет. – Надо же, и ему предстоит провести три месяца в тюрьме...»

– Ну что ж, Калле Блумквист, – произнесла она вслух. – А ты ведь довольно высокомерен, не так ли?

Ближе к обеду Лисбет Саландер включила свой лэптоп и запустила почтовую программу «Эудора». Она набрала всего одну строчку:

У тебя есть время?

Лисбет подписалась «Оса» и отправила письмо на адрес Plague_xyz_666@hotmail.com^[53]. На всякий случай она прогнала свое сообщение через программу шифровки PGP.

Затем Саландер натянула черные джинсы, тяжелые зимние ботинки, теплый свитер, темную короткую куртку, а также перчатки, шапочку и светло-желтый шарф. Затем извлекла кольца из бровей и носа, накрасила губы помадой розового цвета и глянула на себя в зеркало. Теперь она напоминала праздную барышню. Лисбет сочла, что удачно придумала с камуфляжем – теперь можно легко просочиться в тыл врага.

Доехав на метро от станции «Синкенсдамм» до станции «Эстермальмсторг», Лисбет вышла из подземки и двинулась по направлению к Страндвэген. Она шла по аллее, глядя на номера домов. Дойдя до моста, ведущего на остров Юргорден, остановилась и посмотрела на подъезд, который был ей нужен. Затем перешла улицу и замерла в нескольких метрах от двери.

Лисбет обратила внимание, что в этот холодный день после рождественских праздников прохожие гуляли по набережной, и лишь немногие шагали по тротуару возле домов.

Она набралась терпения и прождала почти полчаса, пока со стороны Юргордена не появилась пожилая дама с тростью, которая остановилась и с подозрением уставилась на Саландер. Та приветливо улыбнулась и поздоровалась, кивнув ей как старой знакомой. Дама с тростью поприветствовала ее в ответ, пытаясь вспомнить, откуда она знает эту девицу. Лисбет повернулась спиной и на несколько шагов отдалилась от подъезда, сделав вид, что кого-то поджидает и с нетерпением бродит туда-сюда. Когда она обернулась, дама с тростью уже подошла к двери и теперь набирала номер кодового замка. Саландер без труда запомнила его: 1260.

Лисбет подождала пять минут и только потом подошла к дверям. Когда она набрала пароль, замок щелкнул. Саландер открыла дверь, вошла и огляделась у лестничного пролета. У самого входа висела камера наблюдения. Взглянув на нее, девушка поняла, что можно не опасаться: камера, обслуживаемая «Милтон секьюрити», включалась автоматически только после того, как при взломе квартиры в охраняемом здании срабатывала сигнализация. В глубине, слева от допотопного лифта, имелась еще одна дверь с кодовым замком. Лисбет Саландер на всякий случай набрала те же цифры «1260» и убедилась, что та же самая комбинация годится для входа и в подвал, и в отсек с мусорными контейнерами.

«Вот это да!» Лисбет возмутило легкомыслие управляющей компании.

После трех минут тщательного осмотра подвала она обнаружила там незапертую прачечную и кладовку для крупногабаритного хлама. Затем Лисбет воспользовалась отмычками, захваченными из «Милтон секьюрити», и открыла дверь, которая вела в помещение, вероятно, предназначенное для собраний жильцов. В глубине подвала находилась комната для проведения занятий кружков по интересам. Наконец Саландер достигла цели своего визита – маленькой каморки, выполнявшей в доме роль электроподстанции. Она исследовала счетчики, шкаф с пробками и раздаточные коробки, а затем достала цифровой аппарат «Кэнон» размером с сигаретную пачку и трижды сняла то, ради чего пришла сюда.

Уже выходя на улицу, Лисбет на секунду бросила взгляд на доску у лифта и прочла имя жильца с верхнего этажа. *Веннерстрём*.

На улице Саландер почти бегом устремилась к Национальному музею. Она зашла в кафе, чтобы согреться и выпить кофе. А уже почти через полчаса вернулась в Сёдер и зашла к себе в квартиру. За это время Лисбет получила ответ с адреса *Plague_xyz_666@hotmail.com*. Когда она расшифровала текст с помощью PGP, оказалось, что он состоит из одного-единственного числа.

Глава 6

Четверг, 26 декабря

Лимит времени в тридцать минут, который Микаэль Блумквист отвел своему собеседнику, давно был исчерпан. Часы показывали половину пятого, и на первый вечерний поезд он явно опоздал. Хотя, конечно, Микаэль еще мог бы успеть на другой вечерний поезд, который уходил в половине десятого. Стоя у окна, он массировал себе шею и рассматривал освещенный фасад церкви по другую сторону моста.

Хенрик Вангер демонстрировал ему вырезки из местных и центральных газет со статьями о происшествии. Какое-то время оно явно находилось в центре внимания прессы. Еще бы: история исчезновения девушки из семьи известных промышленников – просто находка для репортеров всех мастей. Но поскольку тело так и не обнаружили, а поиски преступника окончились ничем, пресса скоро потеряла интерес к этому событию. А теперь, когда прошло более тридцати шести лет, дело Харриет Вангер и вовсе предали забвению. И неважно, что речь шла о бесследном исчезновении близкой родственницы одного из крупных промышленных магнатов. В статьях, написанных в конце шестидесятых годов, похоже, преобладала версия, согласно которой девушка утонула, а тело ее унесло в море – от подобной трагедии не застрахована ни одна семья на свете.

Микаэль, похоже, вопреки своим первоначальным намерениям, по-настоящему увлекся рассказом Хенрика Вангера, но после того как он взял краткий тайм-аут и посетил туалет, к нему вернулся прежний скептический настрой. Однако Хенрик еще не закончил свой рассказ, а Микаэль обещал дослушать историю до конца.

– А сами-то вы как считаете? Что с ней случилось, по-вашему? – спросил он, когда Вангер вернулся в комнату.

– Обычно здесь жили человек двадцать пять, но в тот день – в связи с семейной встречей – на острове находилось около шестидесяти человек. Из них можно, скажем, исключить двадцать – двадцать пять. И я считаю, что кто-то из тех, кто остался – скорее всего, кто-то из членов нашей семьи, – убил Харриет и спрятал тело.

– Я могу выдвинуть дюжину возражений.

– Хотелось бы услышать.

– Самое главное: если, как вы говорите, поиски велись так упорно и так тщательно, тело обязательно нашли бы, даже если кто-то его спрятал.

– Честно говоря, поиски были еще более масштабными, чем я рассказал. Впервые мне пришло в голову, что Харриет убили, только когда я представил себе несколько ситуаций, как могло исчезнуть ее тело. У меня нет доказательств, но в своих предположениях я опираюсь на хронику реальных событий.

– Поделитесь, пожалуйста.

– Харриет исчезла около трех часов дня. Примерно в два пятьдесят пять ее видел пастор Отто Фальк, который спешил на место аварии. Приблизительно в это же время приехал фотограф из местной газеты, который в последующий час сделал множество снимков. Мы – то есть я и полиция – просмотрели все пленки и убедились, что ни на одном из снимков Харриет нет. Зато все остальные люди, находившиеся здесь, за исключением самых маленьких детей, запечатлены хотя бы на одном кадре.

Хенрик Вангер принес новый альбом и положил его на стол перед Микаэлем.

– Здесь фотографии, сделанные в тот самый день. Первый снимок снят в Хедестаде

во время детского шествия тем же фотографом примерно в час пятнадцать дня, и на нем присутствует Харриет.

Фотограф снимал, находясь на втором этаже дома; на снимке была видна улица, по которой только что проехали грузовики с клоунами и девицами в купальных костюмах. На тротуаре столпились зрители.

Хенрик Вангер показал на одну из девушек в толпе.

– Это Харриет. Примерно через два часа она исчезнет, а пока гуляет по городу вместе с одноклассниками. Это ее последняя фотография. Но здесь есть еще один очень любопытный снимок.

Он стал листать дальше. На оставшихся страницах в альбоме разместилось около ста восьмидесяти фотографий с шести пленок, посвященных катастрофе на мосту. После услышанного Микаэлю даже стало немного не по себе, когда он увидел Харриет, зафиксированную на резких черно-белых снимках. Фотограф вполне профессионально запечатлел на снимках возникший хаос. Многие фото изображали то, что происходило рядом с перевернутой автоцистерной. Микаэль сразу узнал жестикулирующего сорокашестилетнего Хенрика Вангера. Он был перепачкан мазутом.

– Это мой брат Харальд.

Хенрик указал на мужчину в пиджаке; тот наклонился вперед и показывал на что-то в разбитой машине, где сидел заблокированный Аронссон.

– Мой брат Харальд не внушает симпатии, но, на мой взгляд, его можно исключить из списка подозреваемых. Он все время находился на мосту, за исключением нескольких минут, когда ему пришлось сбегать в усадьбу, чтобы переобуться.

Вангер продолжил листать альбом. Снимки были самые разные. Вот автоцистерна. На берег стекаются зеваки. Аронссон зажат в покореженной машине. Панорамные снимки. Крупные планы.

– Взгляни сюда, – сказал Хенрик. – Насколько нам удалось установить, этот снимок сделан приблизительно в пятнадцать сорок или пятнадцать сорок пять, то есть примерно через сорок пять минут после того, как Харриет столкнулась с Отто Фальком. А вот наш дом, среднее окно на втором этаже. Это комната Харриет. На предыдущем снимке окно закрыто. А здесь оно открыто.

– Значит, кто-то в этот момент находился в комнате Харриет?

– Я спрашивал всех. Но никто не признался, что открывал окно.

– Следовательно, либо его открыла сама Харриет – и, значит, в этот момент она была еще жива, – либо вам солгали. Но зачем убийце заходить к ней в комнату и открывать окно? И зачем кому-то понадобилось лгать?

Хенрик Вангер покачал головой. У него не нашлось ответов на эти вопросы.

– Харриет исчезла в пятнадцать ноль-ноль или чуть позже. По этим фотографиям можно вычислить, где в это время находилась публика. Так что я могу снять подозрения с части присутствовавших. И, кстати, по той же причине люди, которые отсутствуют на снимках, должны быть включены в число подозреваемых.

– Но вы так и не ответили на вопрос о том, каким образом, по вашему мнению, могло исчезнуть тело... Думаю, что на него есть вполне рациональный ответ. Наверняка кто-то провернул трюк из набора иллюзионистов.

– На самом деле существуют различные рациональные варианты. Убийца принял решение где-то около пятнадцати ноль-ноль. Он или она вряд ли использовали какое-нибудь оружие – иначе мы, конечно, обнаружили бы следы крови. Я предполагаю, что Харриет задушили. И произошло это здесь, во дворе, за стеной. Это место не видно фотографу, и из дома оно

не просматривается. Там есть удобная тропинка, ведущая коротким путем от пасторской усадьбы, где Харриет видели в последний раз, на пути обратно к дому. Сейчас там газон и кое-какая растительность, а в шестидесятые годы была засыпанная гравием площадка под автопарковку. Убийце оставалось только открыть багажник и засунуть туда труп Харриет. Ведь, когда на следующий день мы начали поиски, никто и не думал, что совершено преступление, – мы сосредоточились на осмотре береговой линии, строений и ближайшего к нам участка леса.

– Значит, багажники никто не проверял...

– А на следующий вечер убийца мог спокойно сесть в свой автомобиль, переехать через мост и перепрятать тело в другом месте.

Микаэль кивнул:

– Прямо под носом у тех, кто искал девушку. В таком случае речь идет об очень хладнокровном ублюдке.

Хенрик Вангер горько усмехнулся.

– Ты даже не представляешь, насколько точно сейчас охарактеризовал многих членов семейства Вангеров.

В шесть часов вечера они продолжали беседовать. Анна приготовила к обеду жареного зайца со смородиновым желе и картошкой. Хенрик Вангер поставил на стол дорогое красное вино. Микаэль по-прежнему вполне мог успеть на последний поезд.

«Пора бы и честь знать», – подумал он.

– Я согласен, вы рассказали леденящую душу историю. Но я никак не понимаю, с какой целью.

– А ведь я уже объяснил. Я должен узнать, какая сволочь убила мою внучатую племянницу. И я рассчитываю на твою помощь.

– Но как я могу вам помочь?

Хенрик Вангер отложил нож и вилку.

– Микаэль, скоро тридцать семь лет, как меня мучает вопрос, что произошло с Харриет. С годами я уделяю ее поискам все больше времени.

Он замолчал, снял очки и стал рассматривать какое-то невидимое пятнышко на линзе. Потом взглянул на Микаэля:

– Если уж быть до конца откровенным, именно из-за исчезновения Харриет я постепенно отказался от своих властных полномочий в концерне. Мне было не по себе. Я знал, что убийца находится где-то рядом. Моя рефлексия и погоня за истиной стали мешать работе. И самое страшное, что с годами эта ноша не стала легче. Скорее, наоборот. Примерно в семидесятом году наступило время, когда я желал лишь одного: чтобы меня оставили в покое. К тому времени Мартин уже стал членом правления, и ему приходилось все больше и больше работать за меня. В семьдесят шестом году я подал в отставку, и Мартин стал генеральным директором. Мое место в правлении остается за мною, но после своего пятидесятилетия я мало что сделал, находясь на нем. За последние тридцать шесть лет не было ни одного дня, чтобы я не размышлял об исчезновении Харриет. Можешь обвинить меня в том, что я просто-напросто помешан на этом... во всяком случае, так считают большинство моих родственников. Впрочем, так оно и есть, скорее всего.

– Леденящая душу история...

– Более того, это событие сломало меня. И с годами мне становится все сложнее смириться с тем, что случилось. Я сам от себя этого не ожидал. Понимаешь ли ты, что я имею в виду?

– Надеюсь, что понимаю.

– Все, что случилось, не отпускает меня. С годами мое восприятие изменилось. В самом начале я не мог опомниться от горя и скорби. Я хотел найти ее и хотя бы похоронить. Тогда душа Харриет обрела бы покой.

– Но что-то изменилось?

– Теперь для меня, пожалуй, стало важнее найти этого хладнокровного ублюдка. Чем старше я становлюсь, тем больше меня поглощает эта идея – найти и отомстить. Это стало как маниакальное хобби.

– Как хобби?

– Ну да, как хобби. Я умышленно употребляю именно это слово. Даже когда полицейское расследование зашло в тупик, я не смог остановиться. Пытался систематизировать всю информацию, все источники и сведения, какие только оказались доступны, – фотографии, результаты полицейского расследования... Расспросил и записал все показания свидетелей о том, что они делали в тот день... Так что почти половину своей жизни я занимаюсь сбором информации об одном-единственном дне.

– Но вы, надеюсь, понимаете, что за тридцать шесть лет убийца, возможно, и сам давно умер и похоронен?

– Не думаю.

Микаэль поднял брови.

– Давай закончим обед и снова поднимемся вверх. Чтобы завершить эту историю, мне не хватает одной детали. Кстати, самой невероятной.

Лисбет припарковала «Тойоту Королла» с автоматической коробкой передач у железнодорожной станции в Сундбюберге^[54]. Она взяла ее в гараже фирмы «Милтон секьюрити». Особого разрешения Саландер не спрашивала, но, опять-таки, Арманский никогда не запрещал ей пользоваться казенным транспортом. «Хочешь не хочешь, придется покупать собственную тачку», – подумала она. Автомобиля у нее не было, но зато был байк – выдавший виды «Кавасаки» с двигателем в сто двадцать пять «кубиков», на котором она рассекала летом. А зимой он хранился в подвале.

Лисбет прогулялась до Хёгклинтавеген и позвонила в домофон ровно в шесть часов вечера. Через несколько секунд замок запищал, и она поднялась по лестнице на второй этаж, где на табличке стояла заурядная фамилия: «Свенссон». Саландер понятия не имела, кто такой Свенссон и жил ли когда-нибудь в этой квартире человек с такой фамилией.

– Здорово, Чума, – поздоровалась она.

– Оса... Ты приходишь в гости, лишь когда тебе что-то нужно.

Парень, на три года старше Лисбет Саландер, был ростом 189 сантиметров при весе 152 килограмма. Сама она была ростом 154 сантиметра и весила 42 килограмма, так что рядом с Чумой чувствовала себя карлицей. Как всегда, в квартире было темно. Слабый свет от единственной горящей лампочки пробирался в прихожую из спальни, по совместительству рабочего кабинета Чумы. Воздух был спертым.

– Видишь ли, ты никогда не ходишь в душ, поэтому у тебя пахнет, как в клетке с обезьянами. Если когда-нибудь соберешься выбраться наружу, я могу проконсультировать тебя насчет мыла. Продается в «Консуме».

Он натянуто улыбнулся, но ничего не ответил и жестом пригласил ее за собой на кухню. Там Чума уселся за стол. Свет здесь тоже не горел, и помещение освещал лишь уличный фонарь за окном.

– Я имею в виду, что и сама не слишком-то люблю убирать, но когда старые пакеты из-под молока начинают пахнуть трупными червями, я собираю их и выбрасываю.

– Я ведь пенсионер по нетрудоспособности, – сказал Чума, – я социально не адаптирован.

– Именно поэтому государство выделило тебе квартиру – и вычеркнуло из списков. А ты не боишься, что когда-нибудь на тебя пожалуются соседи и вызовут социальную службу? И тогда тебя отправят прямиком в дурку.

– Лучше покажи, что принесла.

Лисбет Саландер расстегнула «молнию» на куртке и вытащила пять тысяч крон.

– Это все, что я могу тебе выделить. Мои личные деньги. Мне не хотелось бы заносить тебя в декларацию о служебных расходах.

– Что нужно?

– Манжетку, о которой ты рассказал мне два месяца назад. Ты собрал ее?

Чума улыбнулся и положил перед ней на стол какую-то вещь.

– Расскажи, как с ней обращаться.

Целый час Лисбет Саландер внимательно слушала. Потом она апробировала манжетку. Возможно, Чума и относится к социально неприспособленным слоям; но вообще-то он, конечно, гений.

Хенрик Вангер стоял возле письменного стола, в ожидании момента, когда Микаэль снова обратит на него внимание.

Блумквист взглянул на свои наручные часы:

– Вы упоминали о какой-то детали?

Хенрик кивнул.

– Я родился первого ноября. Когда Харриет было восемь лет, она подарила мне картинку – засушенный цветок в простой застекленной рамке.

Вангер обошел вокруг письменного стола и показал на первый цветок – колокольчик. Он был вставлен в рамку не слишком аккуратно.

– Эту первую картинку я получил в подарок в пятьдесят восьмом году.

Он показал на следующую рамку:

– Пятьдесят девятый год – лютик. Шестидесятый год – маргаритка. Такая сложилась традиция. Она готовила картинку летом и держала ее до моего дня рождения. Я всегда вешал их здесь, на стене. В шестьдесят шестом году она исчезла, и традиции вроде как настал конец.

Хенрик умолк и показал на пустое место в ряду картин. Микаэль вдруг почувствовал, как у него шевелятся волосы на затылке. Всю стену занимали засушенные цветы в рамках.

– В шестьдесят седьмом, через год после ее исчезновения, я получил ко дню рождения этот цветок. Фиалку.

– Но как вам его доставили? – спросил потрясенный Микаэль.

– По почте. Он был завернут в подарочную упаковку, в плотном конверте. Его прислали из Стокгольма. Без обратного адреса и без записки.

– Вы хотите сказать... – Микаэль махнул рукой.

– Да-да, именно. К моему дню рождения, каждый год, черт побери! Представляешь себе, каково мое состояние? Ведь все это направлено против меня, словно убийца специально изводит меня. И я не могу избавиться от ощущения, что, возможно, Харриет убили именно потому, что кто-то хотел добраться до меня. Я ни от кого не скрывал, что отношусь к Харриет по-особенному и что она для меня стала родной дочерью.

– Но что я могу для вас сделать? – спросил Микаэль; голос его дрогнул.

Поставив «Короллу» обратно в гараж, расположенный под зданием «Милтон секьюрити», Лисбет Саландер решила заодно зайти в офисный туалет. Она воспользовалась своим

магнитным пропуском и поднялась на лифте сразу на третий этаж, минуя главный вход на втором этаже, где сидели дежурные. После туалета она навестила кофейный автомат, который поставил Драган Арманский, осознав наконец, что Лисбет не станет варить кофе лишь потому, что от нее этого ждут. Затем она зашла к себе в кабинет и повесила кожаную куртку на спинку стула.

Ее кабинетик – размером два на три метра – упирался в стеклянную стену. Интерьер составляли письменный стол с выдавшим виды компьютером «Делл», офисный стул, корзина для бумаг, телефон и книжная полка. На полке расположилось несколько телефонных справочников и три чистых блокнота. В двух ящиках письменного стола лежали несколько использованных шариковых ручек, скрепки и блокнот. На окне стоял увядший цветок с коричневыми поблекшими листьями. Лисбет внимательно разглядывала цветок, словно увидела его впервые, а потом схватила его и швырнула в корзину для бумаг.

Свой кабинет она посещала редко, не больше шести раз в год, и то в основном когда ей требовалось посидеть в одиночестве и доработать какой-нибудь отчет непосредственно перед тем, как его сдавать. Драган Арманский настаивал на том, чтобы обеспечить ее собственным рабочим местом. Ему казалось, что тогда она будет чувствовать себя частью команды, даже если у нее статус фрилансера. А сама Лисбет подозревала, что Арманский рассчитывал получить таким образом возможность наблюдать за ней и лезть в ее личные дела. Сперва ей выделили комнату побольше и подальше по коридору – правда, этот кабинет она должна была делить с коллегой. Но поскольку Лисбет там никогда не появлялась, начальник в конце концов распорядился перевести ее в эту каморку.

Лисбет Саландер вытащила манжетку, полученную от Чумы, положила перед собой на стол и принялась ее разглядывать, закусив губу и размышляя. Дело шло к полуночи, и она была одна на всем этаже. Ей вдруг стало очень скучно.

Спустя какое-то время она встала, дошла до конца коридора и подергала дверь в кабинет Арманского. Та оказалась запертой. Лисбет огляделась. Конечно же, вряд ли кто-нибудь появится в коридоре в полночь на второй день Рождества. Саландер отперла дверь копией главного ключа, который предусмотрительно сделала для себя несколько лет назад.

В просторном кабинете Арманского, кроме письменного стола и кресел для посетителей, в углу стоял стол для конференций, за которым умещались восемь человек. Здесь все сложено очень аккуратно. Лисбет уже давно не рылась в бумагах Арманского, но раз уж она все равно зашла в его офис...

Она провела у его письменного стола примерно час и за это время разжилась сведениями об охоте на типа, которого подозревали в промышленном шпионаже. А также узнала о том, что кто-то из ее коллег в строжайшей тайне внедрился на предприятие, где шуровала банда воров. И о мерах по защите клиентки, боявшейся похищения своих детей их собственным отцом.

Наконец Саландер аккуратно вернула все бумаги на место, разложила их так, как они и лежали, закрыла кабинет и отправилась пешком домой на Лундагатан. Она была вполне довольна собой.

Микаэль Блумквист снова покачал головой. Хенрик Вангер, сидя за письменным столом, спокойно наблюдал за ним, словно уже подготовился к любым его возражениям.

– Я не знаю, докопаемся ли мы когда-нибудь до истины, но я не хочу отправиться в могилу, не предприняв последней попытки, – сказал Хенрик Вангер. – Я хочу нанять тебя только для того, чтобы ты еще раз проанализировал все материалы.

– Сдается мне, зря вы все это затеяли, – подытожил Микаэль.

– Почему?

– Я уже немало выслушал. Хенрик, я очень сочувствую вашему горю, но давайте будем откровенны... Фактически вы склоняете меня к пустой трате времени и денег. Вы просите, чтобы я каким-то чудом разгадал загадку, над которой не один год бились уголовная полиция и профессиональные следователи, у которых было куда больше полномочий и возможностей. Вы просите меня раскрыть преступление почти сорокалетней давности. Как я могу это сделать?

– Мы еще не обсуждали твою ставку, – произнес Хенрик Вангер.

– Но это и не требуется.

– Конечно, я не могу тебя заставить, если ты категорически отказываешься. Но послушай, что я предлагаю... Дирк Фруде уже составил контракт. Мы можем обсудить подробности, но там все просто, и не хватает лишь твоей подписи.

– Хенрик, это не имеет смысла. Я не смогу раскрыть тайну исчезновения Харриет.

– Согласно контракту, я и не требую этого от тебя. Я лишь хочу, чтобы ты приложил к этому максимум усилий. Если у тебя не получится, значит, это не угодно Богу. Или, если ты в Него не веришь, – не судьба.

Микаэль вздохнул. Он чувствовал себя не в своей тарелке и хотел поскорее уехать из Хедебю, но все-таки уступил.

– Так что я, по-вашему, должен делать?

– Я хочу, чтобы ты в течение года жил и работал здесь, в Хедебю. Я хочу, чтобы ты изучил все досье по исчезновению Харриет, документ за документом, чтобы ты на все взглянул свежим незамыленным глазом. Я хочу, чтобы ты подверг сомнению все прежде сделанные выводы, как настоящий журналист из отдела расследований. Я хочу, чтобы ты искал то, что упустили остальные – и я, и полиция, и все, кто занимался расследованием.

– Вы просите меня забыть о моей жизни и о карьере и целый год посвятить бесплодным безрезультатным изысканиям?

Хенрик Вангер улыбнулся.

– Мне показалось, что сейчас твоя карьера не на самом пике.

Микаэль даже не стал парировать.

– Я хочу заплатить тебе за год твоей жизни и твоей работы. Я назначаю тебе зарплату, которая будет выше, чем ты когда-либо рассчитывал получить. Я буду платить тебе по двести тысяч крон в месяц. Итого ты получишь два миллиона четыреста тысяч крон, если согласишься и останешься здесь на год.

Микаэль сидел, не зная, что сказать.

– У меня нет никаких иллюзий. Я знаю, что шансы что-либо разузнать минимальны. Но если тебе, вопреки ожиданиям, удастся решить эту головоломку, я выплачу тебе в качестве бонуса двойное вознаграждение, то есть четыре миллиона восемьсот тысяч крон. Впрочем, не будем мелочными и округлим до пяти миллионов.

Хенрик Вангер откинулся на спинку кресла и склонил голову набок.

– Я могу перевести деньги на любой указанный тобой банковский счет, в любую точку мира. Ты можешь также получать деньги наличными, в сумке, и сам решать, вносить их в налоговую декларацию или нет.

– Но ведь это же сумасбродство, – сказал Микаэль.

– Почему?

Хенрик Вангер казался спокойным.

– Мне за восемьдесят лет, но я по-прежнему пребываю в здравом уме и трезвой памяти. У меня колоссальный личный капитал, которым я распоряжаюсь самостоятельно. Детей у меня нет. И нет также ни малейшего желания дарить деньги родственникам, которых я ненавижу. Я уже составил завещание, согласно которому основная часть моих средств перейдет

Всемирному фонду дикой природы. Приличные суммы получают и несколько близких мне людей, в частности, Анна, которую ты уже знаешь.

Блумквист покачал головой.

– Я хотел бы, чтобы ты меня понял. Я стар и скоро отойду в мир иной. На свете мне нужно только одно – получить ответ на вопрос, который не дает мне покоя уже почти четыре десятилетия. Не уверен, что смогу разгадать эту тайну, но, во всяком случае, мое личное состояние позволяет мне хотя бы предпринять последнюю попытку. Так что ничего особенного, если я решил потратить часть своего состояния во имя этой цели... Я считаю, что это мой долг перед Харриет. И перед самим собой.

– Вы собираетесь заплатить мне несколько миллионов крон просто так, ни за что? Ведь я могу подписать контракт – а потом целый год ни черта не делать.

– А вот и нет. Бездельничать тебе не придется. Напротив, ты будешь работать более усердно, чем всегда.

– Откуда такая уверенность?

– Я могу предложить тебе нечто, чего ты не купишь ни за какие деньги, но хочешь больше всего на свете.

– Что же это?

Глаза Хенрика сузились.

– Ханс Эрик Веннерстрём. Я могу сдать его тебе с потрохами. У меня есть доказательства, что он мошенник. Ведь тридцать пять лет назад он начинал свою карьеру здесь, у меня. Так что я могу преподнести тебе его голову на блюде. Разгадай мою загадку, и твое поражение в суде может обернуться полной победой, самым сенсационным событием года.

Глава 7

Пятница, 3 января

Эрика поставила чашку с кофе на стол и повернулась спиной к Микаэлю. Она стояла в его квартире у окна и созерцала вид Старого города. Третье января, девять часов утра. После новогодних праздников от снега не осталось и следа – его смыло дождем.

– Мне всегда нравились эти виды, – сказала она. – Ради такой квартиры я могла бы покинуть Сальтшёбаден.

– У тебя же есть ключи. Пожалуйста, переезжай сюда из своей привилегированной резервации, – предложил Блумквист.

Он закрыл чемодан и поставил его в холле. Эрика обернулась и разочарованно посмотрела на Микаэля.

– Неужели ты все уже решил? – произнесла она. – Не могу поверить своим глазам: мы – на грани банкротства, а ты пакуешь два чемодана и отправляешься жить к черту на рога.

– В Хедестаде. Всего в нескольких часах езды на поезде. Да и уезжаю я не навеки.

– А почему бы тебе не отправиться в Улан-Батор? Неужели ты не понимаешь, что это выглядит так, словно ты сбегаешь, поджав хвост?

– А я именно сбегаю, поджав хвост. К тому же в этом году мне еще предстоит отсидеть в тюрьме.

Свидетелем этой сцены был Кристер Мальм, сидевший тут же, на диване. Ему стало не по себе. Впервые с тех пор, как «Миллениум» появился на свет, Микаэль и Эрика ссорились у него на глазах. Все эти годы они жили и работали душа в душу. Конечно, иногда ссорились не на шутку, но в основном в связи с работой. А потом, когда они устраняли все недоразумения, в обнимку отправлялись в ресторан. Или в постель. Последняя осень и без того выдалась не слишком веселой, а теперь уже казалось, что перед ними разверзлась преисподняя. Кристер Мальм решил, что он присутствует при конце «Миллениума».

– У меня нет выбора, – сказал Микаэль. – Вернее, у нас нет выбора.

Он налил себе кофе и опустился на стул за кухонный стол. Эрика покачала головой, села напротив и спросила:

– Кристер, а что думаешь ты?

Кристер Мальм развел руками. Он ждал подобного вопроса и боялся этого мгновения – ведь ему сейчас придется занять какую-то позицию. Кристер являлся третьим совладельцем издательского дома, но все они знали, что «Миллениум» – это прежде всего Микаэль и Эрика. С Кристером советовались исключительно тогда, когда Микаэль с Эрикой не могли прийти к общему решению.

– По правде, – начал Мальм, – вы оба знаете: мое мнение никакой роли не играет.

Он умолк. Ему нравилось работать над изображениями и создавать графические формы. Кристер никогда не считал себя художником, но знал, что он – дизайнер от бога. А что касается интриг и участия в принятии серьезных решений, то тут он не мастак.

«Похоже, это не просто ссора, – думал Мальм. – Похоже, это разрыв».

Микаэль нарушил молчание:

– Хорошо, я готов еще раз озвучить свою позицию. – Он не отрываясь смотрел на Эрику. – Это не значит, что я покидаю «Миллениум». Мы слишком много работали, чтобы сейчас так запросто все бросить.

– Но ведь ты больше не будешь присутствовать в редакции... Так что нам с Кристером

придется вкалывать за троих. Ты хоть понимаешь, что сам себя отправляешь в изгнание?

– Это не самое главное. Эрика, мне нужен тайм-аут. Я выдохся и сейчас ни на что не годен. И, может быть, оплаченный отпуск в Хедестаде – это как раз то, что мне сейчас нужно.

– Но все это просто чистое безумие, Микаэль. Ты мог бы с таким же успехом переквалифицироваться в уфологи.

– Подумаешь... Зато мне заплатят почти два с половиной миллиона, чтобы я целый год просиживал штаны. Впрочем, бездействовать я не собираюсь. И потом... Я проиграл первый раунд против Веннерстрёма; он выиграл и послал меня в нокаут. Второй раунд сейчас в разгаре – он попытается утопить «Миллениум». Ведь он прекрасно понимает, что пока существует журнал, существуют и журналисты, которые знают всю его подноготную.

– Точно подмечено. Я это вижу по ежемесячным падениям доходов от рекламы в последние полгода.

– Именно. Поэтому мне *необходимо* сейчас покинуть редакцию. Я для него – как красная тряпка для быка. Веннерстрём как настоящий параноик. Пока я здесь, он будет нас преследовать. А сейчас нам нужно подготовиться к третьему раунду. Чтобы иметь хотя бы малейший шанс на успех в борьбе против Веннерстрёма, мы должны временно отступить – и разработать совершенно новую стратегию. Нам необходимо найти новое орудие борьбы. Этим я и намерен заниматься весь предстоящий год.

– Я все понимаю, – ответила Эрика. – Но ты можешь взять отпуск. Поезжай за границу, посиди месяцок на испанском побережье. Ты вполне мог бы изучить любовные игры испанок. Расслабься, побудь у себя в Сандхамне, глядя на волны...

– Но так ничего не изменится. И когда я вернусь, Веннерстрём сокрушит «Миллениум». Ведь ты это понимаешь. Только если мы разузнаем о нем что-то, что сможем использовать против него... Это единственное, что может его остановить.

– И ты намерен раздобыть такую информацию в Хедестаде?

– Я просмотрел разные газетные материалы. Веннерстрём работал в концерне «Вангер» с шестьдесят девятого по семьдесят второй год. Он сидел в администрации концерна и отвечал за стратегические инвестиции. А потом как-то очень резко уволился. Так что не исключено, что у Хенрика Вангера на него действительно есть компромат.

– Но если он что-то натворил тридцать лет назад, вряд ли мы сможем доказать это сейчас.

– Хенрик Вангер обещал дать мне интервью и выложить все, что знает. Его не оставляет в покое судьба его исчезнувшей родственницы; похоже, это единственное, что его вообще интересует. И если ему потребуется разоблачить Веннерстрёма, вполне вероятно, что он это сделает. В любом случае мы не можем упустить такой шанс. Вангер – первый человек, кто согласился публично выложить все о Веннерстрёме.

– Даже если ты раздобудешь доказательства того, что девушку задушил Веннерстрём, мы не сможем дать им ход. Слишком много времени прошло, и он размажет нас по стенке во время суда.

– Такая мысль посещала меня. Но, увы, когда она исчезла, он учился в Стокгольмском институте торговли и не имел никакого отношения к концерну «Вангер»... – Микаэль сделал паузу, затем продолжил: – Эрика, я ни за что не оставлю «Миллениум». Но мы обязаны притвориться, будто я его оставил. Вы с Кристером будете продолжать выпускать журнал. Если удастся – если вам представится такая возможность, – заключите мир с Веннерстрёмом. А это получится, только если духу моего не будет поблизости.

– Допустим. Ситуация хуже некуда, но ты едешь в Хедестад. Теперь для тебя это та самая соломинка, за которую ты ухватился.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть идея получше?

Эрика пожала плечами.

– Нам бы следовало сейчас найти новые источники – и информации, и финансирования. Начать все сначала – и на этот раз уже не прогадать.

– Рикки, все это уже в прошлом. Забудь!

Эрика сидела, положив руки на стол и в отчаянии уронив на них голову. Потом она заговорила, стараясь не встречаться с Микаэлем взглядом:

– Я зла на тебя как черт. Не за то, что тебе не следовало публиковать эту статью – в этом есть и моя доля вины. И не за то, что ты оставляешь должность ответственного редактора – в данный момент это верное решение. Я даже согласна разыграть спектакль – словно мы с тобой решили расстаться и разделить наши интересы. Это вполне оправданно, если нам надо заставить Веннерстрёма поверить в то, что я бездарь и полная дебилка, а настоящая угроза исходит от тебя.

Она сделала паузу и внимательно посмотрела ему в глаза:

– Но, по-моему, ты ошибаешься. Нам не удастся сблефовать перед Веннерстрёмом. Он и дальше будет стараться похоронить «Миллениум». Разница лишь в том, что с этого момента мне придется сражаться с ним в одиночку, и ты знаешь, что сейчас ты нужен мне в редакции, как никогда. Что ж, я готова вести войну с Веннерстрёмом. Но я не могу смириться с тем, что ты, капитан, так легко покидаешь корабль. Ты уходишь в самый ответственный момент.

Микаэль погладил ее по голове.

– Ты не одна. У тебя есть Кристер и все остальные.

– Янне Дальман не в счет. Кстати, по-моему, зря мы взяли его на работу в штат. Он вполне компетентен, но неприятностей от него больше, чем пользы. Я не могу на него опереться. Всю осень злословил и злорадствовал. Не знаю, может, он рассчитывал занять твое место... Или у него психологическая несовместимость со всеми остальными сотрудниками редакции...

– Боюсь, что ты права, – сказал Микаэль.

– Но что же мне делать? Вытурить его?

– Эрика, ты – главный редактор и основной владелец «Миллениума». Если нужно его вытурить – давай.

– Но мы еще никого не увольняли, Микке. А теперь ты даже это решение возлагаешь на меня... Представляешь, мне стало тяжело попросту приходить утром в редакцию.

Тут Кристер Мальм внезапно поднялся на ноги:

– Если ты хочешь успеть на поезд, нам надо поторапливаться.

Эрика запротестовала, но он поднял руку:

– Подожди, Эрика. Ты хотела услышать мое мнение. Я считаю, что ситуация у нас просто катастрофическая. Но если дела обстоят так, как говорит Микаэль, – что он слишком устал от всей этой кутерьмы, – то ему действительно надо ехать. Просто ради самого себя. И мы просто обязаны его отпустить.

Микаэль и Эрика изумленно смотрели на Кристера, а тот смущенно поглядывал на Блумквиста.

– Вы оба знаете, что «Миллениум» – это вы. Я тоже совладелец, и вы всегда были честны со мной. Я очень люблю журнал и все, что с ним связано, но ведь вы запросто могли заменить меня любым другим художником. Однако для вас было важно мое мнение, и вы всегда со мной считались. Что же касается Янне Дальмана, то я солидарен с вами. Если ты, Эрика, хочешь его выставить, я позабочусь об этом. Нужно только все грамотно оформить.

После короткой паузы он продолжил:

– Я согласен с тобой: конечно, жаль, что Микаэль уезжает именно сейчас. Но что поделать: выбора у нас нет. – Посмотрел на Микаэля: – Я отвезу тебя на вокзал. Мы с Эрикой будем держать удар, а потом ты вернешься.

Блумквист задумчиво кивнул.

– Боюсь, Микаэль уже не вернется, – еле слышно произнесла Эрика Бергер.

В два часа дня Драган Арманский позвонил Лисбет Саландер, разбудив ее.

– Что случилось? – сонно спросила она. Во рту у нее стоял привкус смолы.

– Микаэль Блумквист. Я только что говорил о нем с нашим заказчиком, адвокатом Фруде.

– Ну и что?

– Он позвонил и сказал, что нам не нужно продолжать дело Веннерстрёма.

– Не нужно? Но ведь я уже начала этим заниматься.

– Я понимаю, но Фруде в этом больше не заинтересован.

– Неужели?

– Он наш заказчик. Не хочет продолжать – значит, так тому и быть.

– Но мы же договаривались о вознаграждении...

– Сколько времени у тебя ушло на это дело?

Лисбет Саландер задумалась.

– Около трех выходных дней.

– Уговор был о потолке в сорок тысяч крон. Я выставлю ему счет на десять тысяч. Из них тебе причитается половина, это покроет напрасно потраченные три дня. Ему придется заплатить за свою затею.

– А что мне делать с добытым материалом?

– Там есть что-нибудь по-настоящему серьезное?

Лисбет снова задумалась.

– Да нет, ничего особенного.

– Никакого отчета Фруде не требовал. Пока придержи материал, на всякий пожарный, – вдруг он передумает. А если нет, просто уничтожишь. На следующей неделе я собираюсь поручить тебе новое задание.

И Арманский положил трубку.

Какое-то время Лисбет Саландер сидела с телефоном в руках. Потом вышла в гостиную, подошла к своему рабочему закутку, глянула на записи, приколотые булавками к стене, и на кипу бумаг на письменном столе. Пока что ей удалось раздобыть лишь статьи из газет и интернетные тексты. Лисбет взяла все это и засунула в ящик стола, нахмутив брови.

Все-таки интересно, почему Микаэль Блумквист так бездарно вел себя в суде? Да и вообще, бросать начатые дела Лисбет Саландер не любила.

У каждого есть свои тайны. Нужно только разузнать, какие именно.

Часть 2

Анализ и выводы

3 января – 17 марта

*48 процентов женщин Швеции подвергались насилию со стороны
кого-либо из мужчин.*

Глава 8

Пятница 3 января – воскресенье 5 января

Когда Микаэль Блумквист во второй раз сошел с поезда в Хедестаде, небо было нежно-голубого цвета, а воздух леденил кожу. Согласно термометру на фасаде здания вокзала, мороз достигал минус восемнадцати градусов. Микаэль по-прежнему был обут не по погоде – в тонкие цивильные туфли. Но на сей раз не было никакого адвоката Фруде, ожидающего в теплой машине, поскольку Микаэль сообщил лишь день своего приезда, но не уточнил время. Наверное, до Хедебю можно добраться на каком-нибудь автобусе, но у Блумквиста не было никакого желания таскаться с двумя чемоданами и сумкой через плечо в поисках автобусной остановки. Поэтому он пересек привокзальную площадь и направился к стоянке такси.

Между Рождеством и Новым годом на всем побережье Норрланда выпала масса снега, и, судя по расчищенным дорогам и снежным сугробам на обочинах, уборочные работы в Хедестаде шли вовсю. Когда Микаэль спросил, какая была погода, водитель такси, которого, как следовало из удостоверения на ветровом стекле, звали Хусейном, лишь покачал головой. Затем на исконном норрландском диалекте он поведал, что тут бушевала сильнейшая за многие десятилетия снежная буря, и тоскливо посетовал, что не уехал на Рождество куда-нибудь в Грецию.

Микаэль все время показывал водителю дорогу. Так он добрался на такси до только что убранного двора Хенрика Вангера и, поставив чемоданы на лестнице, проводил взглядом машину, которая наконец удалилась в направлении Хедестада. Он сразу почувствовал себя одиноким и растерянным. Что ж, возможно, Эрика была права, утверждая, что вся эта затея – чистейшее безумие.

Услышав, что позади него открывается дверь, Блумквист обернулся. Хенрик Вангер укутался в толстое кожаное пальто, надел прочные ботинки и шапку-ушанку. Сам Микаэль был в джинсах и тонкой кожаной куртке.

– Если собираешься поселиться в наших краях, тебе придется потеплее одеваться в такое время года.

Они пожали друг другу руки.

– А ты уверен, что не хочешь жить в большом доме? Точно? Тогда, пожалуй, пойдем, поселим тебя в новом месте.

Микаэль кивнул. В беседе с Хенриком Вангером и Дирком Фруде он потребовал, чтобы его поселили отдельно; чтобы он сам мог вести хозяйство и был полностью независим. Хенрик проводил Микаэля обратно на дорогу; они прошли к мосту и свернули к калитке, за которой оказался расчищенный двор перед небольшим бревенчатым домом, стоящим неподалеку от опоры моста. Дверь была не заперта; Вангер открыл ее и, придержав, впустил Блумквиста. Они вошли в небольшую прихожую, где Микаэль смог облегченно вздохнуть и освободить руки от чемоданов.

– Мы называем этот домик гостевым; в нем обычно останавливаются те, кто приезжает сюда надолго. Кстати, именно здесь ты и твои родители жили в шестьдесят третьем году. Кстати, это одно из самых старых зданий в селении; правда, сейчас его уже модернизировали. Я распорядился, чтобы Гуннар Нильссон – он работает в усадьбе дворником – с утра прогрел его.

Весь дом площадью около пятидесяти квадратных метров состоял из просторной кухни и двух маленьких комнатушек. Кухня занимала добрую половину дома и была вполне современной, с электрической плитой, компактным холодильником и раковиной. Возле стены,

отделявшей ее от прихожей, находилась старая железная печка, которую сегодня и протапливали.

– Печку нужно топить только в самые суровые морозы. В прихожей стоит ящик для дров, а за домом расположен дровяной сарай. Дом с осени пустует, и мы с утра протопили его, чтобы прогреть. А вообще-то с этим делом обычно справляются и электрообогреватели. Только смотри, не клади на них одежду, а то может вспыхнуть.

Кивнув, Микаэль огляделся. Окна выходили на три стороны. Если подсесть к кухонному столу, отсюда открывался вид на опору моста метрах в тридцати. На кухне имелось также несколько больших шкафов, стулья, старый диван и полка с журналами; сверху лежал номер журнала «Се» за 1967 год. В углу, рядом с кухонным столом, стоял дополнительный столик, который использовался как письменный.

Входная дверь на кухню находилась по одну сторону от железной печки; по другую сторону две узкие двери вели в комнаты. Правая, ближайшая к наружной стене, представляла собой каморку с маленьким письменным столом, стулом и закрепленным на длинной стене стеллажом. Она использовалась как кабинет. Вторая комната, между прихожей и кабинетом, служила спальenkой. Ее меблировка состояла из двуспальной кровати, трюмо и платяного шкафа. На стенах висело несколько пейзажей. Мебель и обои в доме состарились и выцвели, но в доме приятно пахло чистотой. Кто-то на совесть вымыл полы, не жалея моющих средств. В спальне имелась также боковая дверь, ведущая обратно в прихожую, где находился туалет с маленьким душем, оборудованный в помещении старого чулана.

– Возможны проблемы с водой, – сказал Хенрик Вангер. – Сегодня утром мы проверяли – водопровод работает, но трубы зарыты неглубоко и, если холода пришли надолго, могут замерзнуть. В прихожей есть ведро. Если будет нужно, придеешь за водой к нам.

– Мне потребуется телефон, – сказал Микаэль.

– Я уже позаботился об этом, его установят послезавтра... Ну, как? Если передумаешь, сможешь в любое время перебраться в большой дом.

– Мне здесь все очень нравится, – ответил Микаэль.

Хотя в глубине души он был вовсе не уверен в том, что поступил разумно, решив остановиться в маленьком доме.

– Ну и прекрасно. Еще пару часов будет светло. Хочешь, пройдемся? Я покажу тебе окрестности. Только прими мой совет: надень сапоги и теплые шерстяные носки. Они в прихожей, в шкафу.

Утепившись, Микаэль решил, что завтра же пробежится по магазинам, где купит теплое нижнее белье и зимнюю обувь.

Вангер начал экскурсию с того, что сообщил Микаэлю: его соседом через дорогу будет помощник Хенрика Гуннар Нильссон. Старик все время называл его «мой дворник», хотя он, как вскоре понял Блумквист, обслуживал все дома острова, да к тому же еще несколько зданий в Хедестаде.

– Его отец – Магнус Нильссон – работал у меня дворником в шестидесятых годах; он один из тех, кто помогал во время аварии на мосту. Магнус еще жив, но давно на пенсии. Он живет в Хедестаде. А в этом доме живут Гуннар с женою Хелен. Их дети уже уехали отсюда.

После короткой паузы Хенрик Вангер снова заговорил:

– Помни, Микаэль: ты находишься здесь, чтобы помогать мне писать автобиографию. Это – официальная версия. Она даст тебе возможность проникать во все темные закоулки и задавать вопросы. Твое истинное поручение останется между тобою, мною и Дирком Фруде. Кроме нас троих, о нем никто не знает.

– Понимаю. Но повторю то, что говорил и раньше: это время и деньги, пущенные на ветер. Я не смогу справиться с этой загадкой.

– Мне лишь нужно, чтобы ты попытался. Однако нам следует держаться осторожно, особенно в присутствии других людей.

– О'кей.

– Гуннару сейчас пятьдесят шесть; стало быть, ему было девятнадцать, когда пропала Харриет. Есть вопрос, на который я до сих пор не нашел ответа: Харриет с Гуннаром дружили, и мне даже кажется, у них был какой-то детский роман; по крайней мере, он проявлял к ней заметный интерес. Правда, в тот день, когда она исчезла, он находился в Хедестаде, в числе тех, кто остался на материковой стороне, когда перекрыли мост. Из-за их отношений его, разумеется, допрашивали особо дотошно. Конечно, вряд ли ему это понравилось, но полиция проверила его алиби и не обнаружила ничего подозрительного. Целый день Гуннар провел с друзьями и вернулся на остров лишь поздним вечером.

– Думаю, вы располагаете исчерпывающим списком тех, кто находился в этот день на острове... И вы также знаете, чем каждый из них занимался в это время.

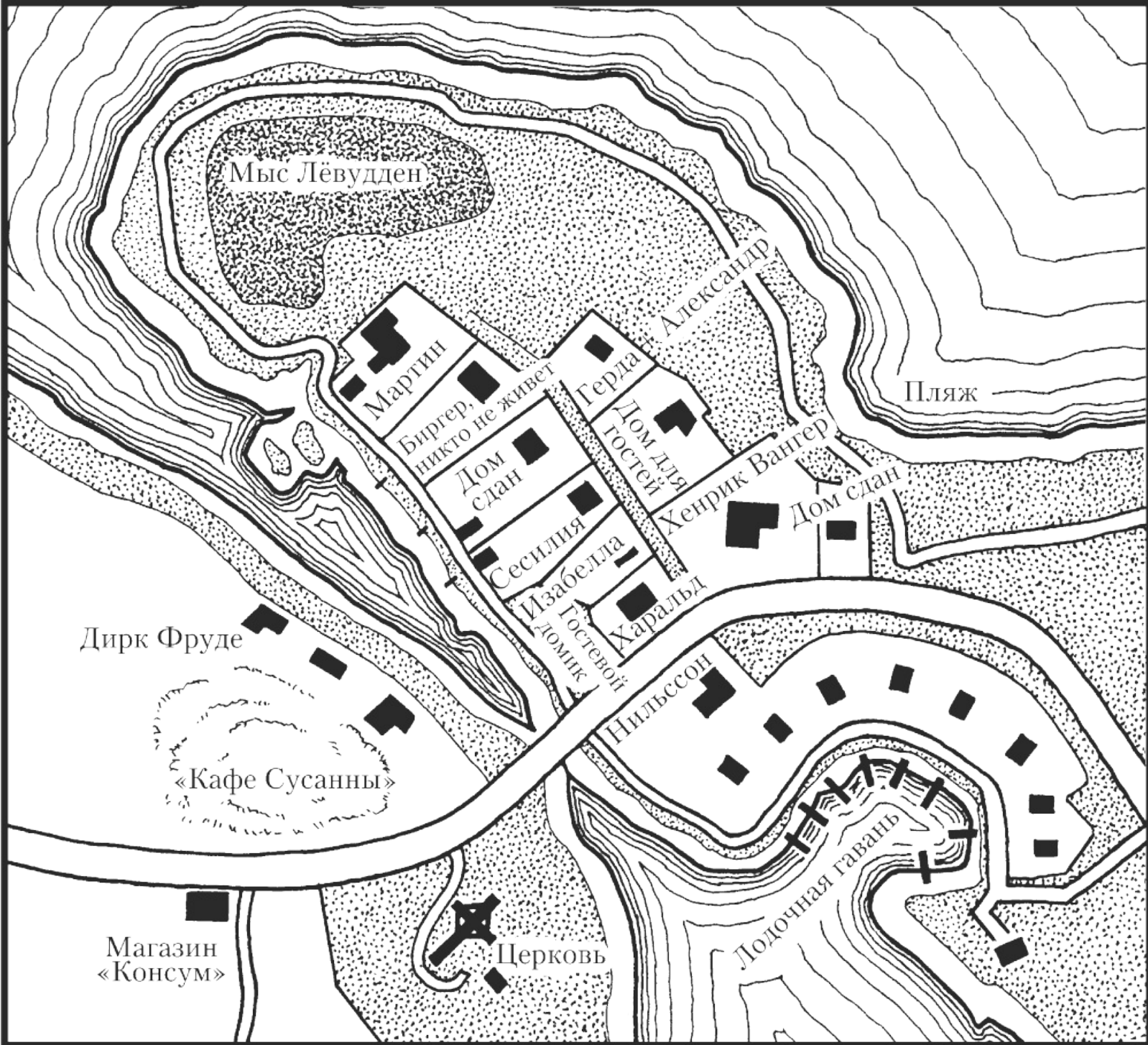
– Ты прав. Ну что, двинемся дальше?

Они остановились у перекрестка, на холме перед усадьбой Вангеров, и Хенрик указал на старую рыбацью гавань.

– Фактически вся земля на острове принадлежит семье Вангеров – вернее, мне, – за исключением хозяйства Эстергорд и нескольких домов в селении. Сараи в рыбацкой гавани относятся к частному сектору, но их используют в качестве летних домиков, а на зиму там почти никто не остается. За исключением самого дальнего дома, – видишь, там из трубы валит дым.

Уже успевший промерзнуть до костей, Микаэль молча кивнул.

– Эту убогую хижину обдувают все ветра, но в ней живут круглый год – а именно Эушен Норман, которому уже семьдесят семь лет, и он считается художником. По-моему, его картины – сплошной китч, хотя он и слывет довольно известным пейзажистом. Такие чудачки, как он, обязательно имеются в каждом селении.

Хенрик Вангер вел Микаэля вдоль дороги в сторону мыса, показывая ему дом за домом. Селение состояло всего из десяти домов – шести на западной стороне дороги и четырех на восточной. Первым и самым ближним к гостевому домику Микаэля и усадьбе Хенрика располагался дом его брата, Харальда. Это четырехугольное двухэтажное каменное здание на первый взгляд казалось необитаемым: занавески на окнах были задернуты, а нерасчищенную тропинку к крыльцу покрывал полуметровый слой снега. Но приглядевшись повнимательнее, можно было заметить чьи-то следы – кто-то явно ходил по снегу между дорогой и входной дверью.

– Харальд у нас отшельник. Мы с ним никогда не могли прийти к согласию. И по поводу концерна всегда ссорились – он ведь совладелец, и вообще практически не разговаривали последние лет шестьдесят. Он старше меня – ему аж девяносто один, и он единственный из пяти моих братьев, оставшийся в живых. Попозже я расскажу тебе о нем более детально. Харальд выучился на врача и работал в основном в Уппсале. Он переехал обратно в Хедебю, когда ему

исполнилось семьдесят лет.

– Я понимаю, вы друг друга не слишком-то жалуете, хоть и обитаете по соседству.

– Я его просто терпеть не могу и предпочел бы, чтобы он оставался в Уппсале, но тем не менее он – владелец этого дома... Что, я рассуждаю как отъявленный негодяй?

– Вы рассуждаете как человек, который не любит своего брата.

– Первые двадцать пять или тридцать лет своей жизни я оправдывал и прощал таких, как Харальд, – ведь все же мы родная кровь. Но с годами я совершил открытие, что родство еще не есть гарантия любви и что у меня нет никаких поводов отвечать за Харальда и его судьбу.

Следующий дом принадлежал Изабелле, матери Харриет Вангер.

– Ей в этом году стукнет семьдесят пять, но она по-прежнему элегантна. И крайне самоуверенна и тщеславна. Кстати, она – единственная из жителей села, кто общается с Харальдом и даже иногда навещает его, хотя их мало что связывает.

– А какие у нее были отношения с Харриет?

– Отличный вопрос, молодец. Мы обязаны включить в круг подозреваемых и женщин. Я уже говорил, что она часто бросала девочку на произвол судьбы. Конечно, я не знаю точно, но думаю, что у нее были благие намерения – и при этом полностью атрофировано чувство ответственности. Они были не слишком близки с Харриет, но и врагами никогда не были. Изабелла может быть грубоватой, а иногда вообще становится сама не своя... Ты поймешь, что я имею в виду, когда встретишься с ней.

По соседству с Изабеллой обитала Сесилия Вангер, дочь Харальда Вангера.

– Раньше она была замужем и жила в Хедестаде, но разошлась с мужем примерно двадцать лет назад. Дом находится в моем владении; я же и предложил ей перебраться сюда. Сесилия – учительница; во многом она полная противоположность своему отцу. Пожалуй, следует добавить, что она тоже общается со своим отцом лишь при крайней необходимости.

– Сколько ей лет?

– Сесилия родилась в сорок шестом; стало быть, ей было двадцать лет, когда исчезла Харриет. Кстати, она была в числе гостей на острове в тот день... – Хенрик задумался. – Сесилия может показаться легковесной в поведении, но на самом деле она на редкость умна, и не следует ее недооценивать. Пожалуй, она входит в число немногих, кто может догадаться, чем ты на самом деле занимаешься... Что касается меня, то я могу сказать, что она одна из тех родственников, кого я наиболее ценю.

– Это значит, что вы ее не подозреваете?

– Не совсем так... Знаешь, мне хотелось бы, чтобы ты взвешивал все совершенно непредвзято – и независимо от того, что думаю я.

Ближайший к Сесилии дом также принадлежал Хенрику Вангеру, но его арендовала пожилая пара, раньше работавшая в руководстве компании. Они переехали сюда в 1980-х годах, так что не имели никакого отношения к исчезновению Харриет. Следующим был дом Биргера Вангера, брата Сесилии, но с тех пор как хозяин поселился на современной вилле в Хедестаде, он пустовал уже несколько лет.

Большинство жилищ вдоль дороги представляли собой солидные каменные здания, построенные в начале прошлого века. А вот последний дом резко контрастировал со всеми остальными: виллу из белого кирпича с темными простенками между оконными проемами явно соорудил современный архитектор по индивидуальному проекту. Микаэль оценил живописное расположение виллы и отметил, что с верхнего этажа наверняка открывается роскошный вид на море с восточной стороны и на Хедестад – с северной.

– Здесь живет Мартин Вангер, брат Харриет и генеральный директор концерна. Раньше тут был пустырь, и здесь же находилась усадьба пастора, но в семидесятых годах она серьезно

пострадала при пожаре, так что Мартин, ставший в семьдесят восьмом генеральным директором, построил тут себе виллу.

В крайнем доме с восточной стороны дороги жили Герда Вангер, вдова Грегера, брата Хенрика, и ее сын Александр Вангер.

– Герда страдает ревматизмом. Александру принадлежит небольшой пакет акций концерна, но у него есть и собственные предприятия, например, рестораны. Обычно он по несколько месяцев находится на Барбадосе, в Вест-Индии. Кстати, там же он вложил часть своих денег в туристический бизнес.

Между домами Герды и Хенрика Вангера расположился участок с двумя маленькими зданиями, которые обычно пустовали и использовались как гостевые домики для разных членов семьи, приезжающих сюда время от времени. По другую сторону от усадьбы Хенрика находился дом, купленный еще одним пенсионером, бывшим сотрудником концерна, но сейчас он пустовал, поскольку хозяин с супругой традиционно проводили зиму в Испании.

Они вернулись обратно к перекрестку, и экскурсия подошла к концу. Смеркалось. Микаэль нарушил молчание:

– Хенрик, я еще раз повторяю, что этот эксперимент вряд ли даст результаты. Но, разумеется, я буду выполнять работу, на которую вы меня наняли. Я буду писать вашу биографию, а также ради вашего спокойствия критически и как можно более тщательно изучу все материалы о Харриет Вангер. Хочу лишь подчеркнуть: смирись с тем, что я не частный детектив, и не возлагайте на меня неоправданных надежд.

– А я ни на что особенное и не надеюсь. Я хочу лишь в последний раз попытаться докопаться до истины.

– Тогда мы сможем друг друга понять.

– Вообще-то я сова, – объяснил Хенрик Вангер, – так что обычно доступен начиная с обеда и далее. Я подготовлю у себя в доме рабочий кабинет, который в любое время будет в твоём распоряжении.

– Спасибо, это лишнее. Кабинета в гостевом домике вполне достаточно, там я и буду работать.

– Как тебе будет удобно.

– Когда мне понадобится поговорить с вами, мы сможем посидеть в вашем кабинете, но я не буду бросаться на вас с расспросами уже сегодня вечером.

– Хорошо.

Хенрик Вангер показался Микаэлю подозрительно покладистым.

– Пару недель я буду читать материалы. Наша с вами работа пойдет в двух направлениях. Будем встречаться на несколько часов в день, чтобы я мог расспрашивать вас и собирать материал для биографии. По мере возникновения у меня вопросов о Харриет, которые потребуют обсуждения, я буду их вам задавать.

– Согласен.

– Работать я буду по свободному графику, без жесткого расписания.

– Ты вправе сам решать, как тебе будет удобно.

– Вы, думаю, знаете, что мне придется провести в тюрьме три месяца. Не могу сказать точно, когда именно, но обжаловать приговор я не намерен. Следовательно, это случится в течение года.

Хенрик Вангер нахмурился:

– Вот незадача. Но попробуем к тому времени что-нибудь придумать. Ты ведь можешь попросить отсрочку?

– Если к тому времени я уже наберу достаточно материала, то смогу работать над книгой

о вашей семье и в тюрьме. Мы решим этот вопрос позже. Есть еще одно обстоятельство, о котором я хотел бы вас предупредить: я по-прежнему являюсь совладельцем «Миллениума», а журнал сейчас находится в критической ситуации. Если случится что-нибудь, что потребует моего присутствия в Стокгольме, мне придется все приостановить и поехать туда.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Сильян – кратерное озеро в шведском лене Даларна, живописное и популярное место отдыха.

Снег пустыни (англ.).

Сформировавшаяся около 680 миллионов лет назад в Австралии массивная оранжево-коричневая скала овальной формы.

Административный центр округа Эскамбия, самого западного в штате Флорида.

Названия ведущих шведских газет.

Калле Анка – шведский вариант диснеевского мультперсонажа, утенка Дональда Дака.

«АК-4» – автоматическая штурмовая винтовка, лицензионный вариант немецкой НК G3, стоявшая на вооружении шведской армии с 1960-х гг.

Герой книги Астрид Линдгрен «Приключения Калле Блумквиста» – мальчик Калле, мечтавший стать сыщиком.

Компании, занимающиеся бизнесом в Интернете.

Улица в одном из самых престижных районов Стокгольма, на Сёдермальме.

Современный немецкий художник шведского происхождения.

Старинный исторический квартал Стокгольма.

В Швеции выборный орган местного самоуправления.

Город в Швеции, расположенный в лене Вестманланд.

Лоцманская и таможенная станция в Стокгольмском архипелаге.

«Золотой парашют» – контракт с топ-менеджером компании, предусматривающий выплату значительной компенсации в случае увольнения по инициативе нанимателя.

Одна из крупнейших международных корпораций со штаб-квартирой в Швеции.

Шведская строительная и девелоперская компания.

Северная часть Швеции.

Крупная шведская компания, специализирующаяся на производстве строительных материалов, торговле электроникой и т. д.

Ян Стенбек (1942–2002) – крупный шведский промышленник и финансист.

Перси Барневик (род. в 1941 г.) – шведский промышленник, президент индустриального гиганта ABB, стал легендой при жизни.

Умеренная коалиционная партия (Moderata samlings partiet) – консервативная партия Швеции, представляющая интересы крупных промышленников и финансистов, военной элиты и бюрократов.

Фрилансер – сотрудник, выполняющий работу без заключения долгосрочного контракта с работодателем, нанимаемый только для выполнения определенного перечня работ. Также фрилансером является работник, приглашенный для выполнения работ вне штатного расписания. Будучи вне постоянного штата какой-либо компании, фрилансер может одновременно выполнять заказы для разных клиентов.

Тролльхеттан – город на западе Швеции, центр одноименной коммуны лена Вестра-Гёталанд.

Соллентуна – коммуна в Швеции, расположенная в Стокгольмском лене.

Я тоже пришелец (*англ.*).

Маленький остров, расположенный на озере Мэларен между большим островом Стура Эссинген и Кунгсхольменом.

Кунгсхольмен – один из четырнадцати островов, на которых расположен Стокгольм. Название переводится как «Королевский остров».

Кируна – самый северный город в Швеции.

Семья втроем (*фр.*). Изначально в треугольник входили муж, жена и богатый содержатель.

Йоста Буман (1911–1997) – шведский политик, возглавлял партию модератов и был министром финансов (1976), а также министром экономики в 1976–1978 и 1979–1981 гг.

Нильс Улоф Турбьёрн Фельдин (р. 1926) – шведский политик. Был премьер-министром в трех правительствах – в период с 1976 по 1982 г. С 1971 по 1985 г. возглавлял Партию Центра.

Стиг Челль Улоф Ульстен (р. 1931) – шведский государственный и политический деятель.

Улоф Пальме (1927–1986) – премьер-министр Швеции в 1969–1976 гг. и в 1982–1986 гг., председатель социал-демократической рабочей партии с 1969 г. Возглавлял международную неправительственную организацию «Независимая комиссия по вопросам разоружения» («Комиссия Пальме»). Был убит.

Эббе Карлссон (1947–1992) – книгоиздатель, который, не имея официальных полномочий, по особому поручению министра юстиции Анны-Греты Лейон принимал участие в расследовании убийства Улофа Пальме и изучал степень причастности к этому событию сотрудников СЭПО. Дело Эббе Карлссона получило широкий общественный резонанс и закончилось беспрецедентным политическим скандалом.

Сёдермальм – один из районов Стокгольма в центральной части города, расположенный на одноименном острове.

Карл Альвар Нильссон (1934–2014) – шведский писатель, автор книг о нацизме и экстремизме.

Леннарт Будстрём (р. 1928) – шведский политик, социал-демократ. Занимал министерские посты в правительствах Улофа Пальме и Ингвара Карлссона в 1982–1989 гг.

Маттс Вильхельм Карлгрен (1917–2000) – один из крупнейших шведских промышленников и банкиров.

Ханс Вертен (1919–2000) – один из крупнейших шведских промышленников, благодаря ему компания «Электролюкс» стала мировым брендом.

«Ротари Интернэшнл» – международная неправительственная благотворительная ассоциация, объединяющая «Ротари-клубы» по всему миру.

Уппландс-Весбю – город в Швеции, сегодня считается пригородом Стокгольма, так как находится всего в 23 км от столицы.

Сальтшёбаден – один из пригородов Стокгольма, находится на побережье Балтийского моря, в Восточной Швеции. Административно входит в коммуну Накка современного лена Стокгольм и в историческую провинцию Сёдерманланд.

Площадь в Стокгольме.

Сконе – административная единица в Южной Швеции, в историческом регионе Гёталанд.

Таге Эрландер (1901–1985) – шведский политик, премьер-министр Швеции и лидер Социал-демократической партии Швеции (1946–1969). Поставил рекорд по непрерывному пребыванию на посту премьер-министра в демократической стране – 23 года.

Биргер Фуругорд (1887–1961) – ветеринар по профессии, шведский политик нацистского толка.

Пер Энгдаль (1909–1994) – шведский ультраправый политик, в 1920-е годы возглавлял «Фашистскую боевую организацию Швеции».

Свен Линдхольм (1903–1998) – лидер шведских нацистов.

Так в скандинавских странах называют советско-финскую войну 1940 г.

Дороти Сэйерс (1893–1957) – английская писательница, драматург и переводчик, автор детективных романов.

Plague – чума (*англ.*).

Сундбюберг – район Стокгольма.